РЕСПУБЛИКА ШКИД

РИСУНКИ Н. ТЫРСЫ.

Б960106

ное издательство 1927

ГОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

16.НОЯ.1927

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

09

СОУНБ им. Г. Белинского
http://booklraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

12-
Б-

Г. БЕЛЫХ и Л. ПАНТЕЛЕЕВ

57152

РЕСПУБЛИКА ШКИД

ПОВЕСТЬ

Центральная окружная библиотека имени В. Г. Белинского Свердловск

РИСУНКИ
Н. ТЫРСЫ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Инв. 1935 г.

Государственная публичная библиотека им. В. Г. Белинского г. Свердловск

06819

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград
Гатчинская 26

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Гиз № 17781/л.
Ленинградский Гублит № 26488.
20 л. Тираж 7.000 экз.

ПОСВЯЩАЕМ ЭТУ КНИГУ
ТОВАРИЩАМ ПО ШКОЛЕ
ИМЕНИ ДОСТОЕВСКОГО

АВТОРЫ.

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

РЕСПУБЛИКА ШКИД

СОЧИНЕНИЯ В. И. ЛЕНИНСКОГО
http://book.kpac.ru/

ПЕРВЫЕ ДНИ.

Основатели республики Шкид. — Воробышек в роли убийцы. — Сламщики. — Первые дни.

На Старо-Петергофском проспекте в Ленинграде среди сотен других каменных домов затерялось облупившееся трехъэтажное здание, которому после революции суждено было превратиться в «Республику Шкид».

До революции здесь помещалось коммерческое училище. Потом оно исчезло вместе с учениками и педагогами.

Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный желтоватый цвет. Холод проникал в здание и вместе с сыростью и плесенью расползался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывающей воды.

Так и стоял посеревший дом со слезящимися окнами. Улица с очередями, с торопливо пробегающими людьми в кожанках словно не замечала его пустоты, да и некогда было замечать. Жизнь кипела в других местах: в Совете, Райкоме и Потребиловке.

Но вот однажды тишина здания нарушилась грохотом шагов. Люди в кожанках, с портфелями пришли, что-то осмотрели, записали и ушли. Потом приехали подводы с дровами. Отогревали здание, чинили трубы и, наконец, прибыла первая партия крикливых шкетов — беспризорников, собранных неведомо откуда.

Много подростков за время революции, голода и гражданской войны растеряли своих родителей и сменили семью на улицу, а школу на воровство, готовясь в будущем сделаться налетчиками.

Нужно было немедленно взяться за них, и вот десяток пустующих полуразрушенных домов снова приводили в порядок для того, чтобы дать крышу, пищу и учение маленьким бандитам.

Подростков собирали всюду. Их брали из нормальных детдомов, из тюрем, из распределительных пунктов, от измученных родителей и из отделений милиции — куда приводили разношерстную беспризорщину прямо с облавы по притонам. Комиссия при Губоно сортировала новых питомцев, и оттуда пестрая ватага распределялась по новым домам.

Так появилась новая сеть детских домов-школ, в шеренгу которых встала и вновь испеченная «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского», позднее сокращенная ее дефективными обитателями в звучное «Шкид».

Фактически жизнь Шкиды и началась с прибытия партии этих крикливых шкетов. Первые дни новорожденной школы шли в невообразимом беспорядке. Четырнадцати и тринадцатилетние ребята, собранные с улицы, скоро спаялись и начали бузить, совершенно не замечая воспитателей.

Верховодить сразу же стал Воробьев, прозванный с первого дня Воробышком — отчасти из-за фамилии, отчасти из-за своей внешности. Он был маленький, несмотря на свои четырнадцать лет, и за все пребывание в школе не вырос и на полдюйма. Пришел Воробей вместе с Косоровым — из нормального детского дома, где он собирался убить заведующего школой. Как-то летним вечером Воробьева по приказу завдетдомом не пустили гулять, и он поклялся жестоко отомстить за такое зверство.

На другой день Косоров — его верный товарищ — достал ему револьвер, и Воробьев пошел в кабинет заведующего. Косоров стоял у дверей и ждал единственного выстрела — другого не могло быть, так - как в револьвере был один патрон.

Что произошло в кабинете, осталось неизвестным. Своими же глазами Косоров видел только, как раскрылась дверь и разъяренный заведующий стремительно протащил за шиворот бледного Воробья.

Потом Воробьев рассказывал, что когда он скомандовал руки вверх, то заведующий упал на колени, и только осечка испортила все дело.

За это неудавшееся покушение и за целый ряд других подвигов Воробья перевели в Шкиду. Вместе с ним был переведен и его верный товарищ — Косоров.

«Косарь» в противоположность Воробью был плотным здоровяком, но всегда ходил хмурый. Таким образом, соединившись в «сламу», они дополняли друг друга.

Жить «на сламу» означало жить в долгой и крепкой дружбе. «Сламщики» должны были всем делиться между собой, каждый должен был помогать своему другу.

Придя в Шкид, «сламщики» сразу поставили дело так, что остальные шесть «иноземцев» боялись дохнуть без их разрешения, а заика Гога стал подобострастно прислуживать новым заправилам.

Состав педагогов еще не был подобран и поэтому за воспитанников еще не взялись.

Жилось вольготно.

День начинался в 11 часов утра, когда растрепанная кухарка вносила в спальню вчерашний обед и чай.

Не вставая с кровати, принимались за «шамовку».

Воробей, потягиваясь на кровати, грозно покрикивал тоненьким голосом на Гогу:

— Подай суп! Принеси кашу!

Гога беспрекословно выполнял приказания, бегая по спальне, за что милостиво получал в награду папироску.

«Шамовки» было много, несмотря на то, что за стенами в городе сидели на карточках с «осьмушками». Происходило это оттого, что в школе было пятнадцать человек, а пайков получали на сорок. Это позволяло первым обитателям вести сытую и роскошную жизнь.

Уроков в первые дни не было, поэтому вставали лениво, часам к 12-ти, потом сразу одевались и уходили из школы на улицу.

Часть ребят под руководством Гоги шла «крохоборствовать» — сбирать окурки, другая часть просто гуляла, попутно заходила на рынок, где, между прочим, прихватывала с лотков зазевавшихся торговцев незначительные вещи, в роде ножей, ложек, книг и т. д.

К обеду Шкида в полном составе собиралась в спальне и ждала, когда принесут котлы с супом и кашей. Столовой еще не было, и поэтому обедали там же, где и спали, удобно устраиваясь на койках.

Сытость располагала к покою. Как молодые свинки, перекатывались питомцы по койкам и вели ленивые разговоры.

«Крохоборы» разбирали мерзлые «чинаши», тщательно отдирая бумагу от табаку и распределяя по сортам. Махорку клали к махорке, табак к табаку. Потом вся эта сырая промерзлая масса раскладывалась на бумаге и начиналась сушка.

Сушили после вечернего чая, когда с наступлением зимних сумерек появлялась уборщица и, громыхая кочергой и заслонками, затапливала печку.

http://book.uraic.ru/

Серенький, скучный день проходил тускло, и поэтому поминутно брызгающая красными искрами печка с веселыми язычками пламени всегда собирала вокруг себя всю школу. Усевшись тихо в кружок, ребята рассказывали друг другу свои похождения, а тут же на краю печки сушился табак — самая дорогая валюта школы.

Потом, от приятной теплоты догорающей печки, Воробей растапливался и затягивал тоскующим голосом любимую песню:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла,
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...

Песню никто не знал, но из вежливости подтягивали, пока Гога, ухарски тряхнув черной головой, не начинал играть «Яблочко» на «зубарях».

«Зубарики» были любимой музыкой в приюте, и всякий новичок прежде всего старательно и долго изучал эту науку, чтобы иметь удовольствие участвовать в общих концертах.

Для «зубарей» важно иметь слух и хорошие зубы, остальное приходило само собой. По зубам щелкали пальцами, раскрывая и закрывая рот. От этого получались то высокие, то низкие звуки. Спецы по «зубарям» доходили до такой виртуозности, что могли сыграть любую арию без запинки.

Таким виртуозом был Гога. Будучи заикой, он не мог петь и всецело отдался «зубарикам». Он был одновременно и дирижером и солистом шкидского оркестра «зубарей». Обнажив белые крупные зубы, Гога мечтательно закидывал голову и быстрой дробью начинал выводить мелодию. Потом подхватывал весь оркестр и среди наступавшей тишины слышался отчаянный треск «зубариков».

Лица теряли человеческое выражение, принимая тупой и сосредоточенный вид, глаза затуманивались и светились вдохновением, свойственным каждому музыканту. Играли, разумеется, без нот, но с чувством, запуская самые головоломные вариации, и в творческом порыве не замечали, как входил заведующий.

Это означало, что пора спать.

В первые дни штат Шкиды был чудовищно велик. На восемь воспитанников там было восемь служащих, хотя в то же время никого не было лишнего. Один дворник, кухарка, уборщица, завшколой, помощница и три воспитателя.

Завшколой — суровая фигура. Грозные брови, пенснэ на длинном носу и волосы ежиком. Начало педагогической

деятельности Виктора Николаевича уходило далеко в глубь времен. О днях своей молодости он всегда вспоминал с любовью. Воспитанники боялись его, но скоро изучили и слабые стороны. Он любил петь и слушать песни. Часто, запершись во втором этаже в зале, он садился за рояль и начинал распевать на всю школу песни о «Стеньке Разине» или «Дни нашей жизни».

Тогда у дверей собиралась кучка слушателей и ехидно прохаживалась на его счет.

— Эва, жеребец наш заржал!

— Голосина что у дьякона.

— Шаляпин непризнанный.

Завшколой переехал в интернат с первого дня его основания и поселился во втором этаже.

От интерната квартиру заведующего отделял один только зал, который в торжественные минуты назывался «Белый зал». Стены Белого зала были увешаны плохими репродукциями с картин и кишмя кишели постными лицами святых.

В качестве помощницы заведующего работала его жена, белокурая немка Элла Андреевна Люмберг, на первых порах взявшая роль кастелянши, но потом перешедшая на преподавание немецкого языка.

Они-то и являлись основателями школы.

Воспитателей было немного.

Штат педагогов и воспитателей не мог похвастаться своим разнообразием.

Один - - студент, преподаватель гимнастики, получивший кличку Батьки. Другой — хрупкий естествовед, влюбленный в книжки Кайгородова о цветах, мягкий и простодушный воспитатель; прежде всего, «ненормальный» питомник не принял его трудно выговариваемого имени. Герберта Людвиговича сперва переделали в Герб - Людовича, потом сократили до Гер-Людыча, потом любовно и просто стали звать Верблюдычем и, наконец, окончательно закрепили за ним имя: Верблюд.

Однако Верблюда любили за его мягкость, хотя и смеялись над некоторыми странностями. А их у него было много. То подсмотрят ребята, как Верблюдыч перед сном начинает танцовать в кальсонах, напевая фальшивым голосом мазурку, то вдруг он начинает мучить шкидцев, настойчиво разучивая гамму на разбитом пианино, которое не в добрый час оказалось у него в комнате.

Музыка у Верблюдыча была второй страстью, после цветов. Однако все же он играть ни на чем не умел и за все свое

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uni.ua/

пребывание в школе не поразил шкидцев ни одним новым номером, кроме гаммы.

Третий педагог был ни то ни се. Он скоро исчез со шкидского горизонта, обидевшись на маленький паек и на слишком тяжелую службу у «дефективных». Впоследствии он был спортинструктором Всевобуча, а оттуда перешел в мясную лавку на должность «давальца».

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ПИОНЕР ИЗ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

Здравствуйте, сволочи. — Викниксор. — Бальзам от скуки. — Первый поэт республики. — Однокашник Блока. — Цыган в ореоле славы.

Недолго тянулись медовые дни ничегонеделанья. Скоро комплект воспитанников пополнился вновь приходящими. Открылись три класса, которые завшколой назвал отделениями.

Начались уроки. Меньше стало свободного времени для прогулок. К тому же завернули морозы, и ребята все больше отсиживались в спальне, мирно коротая зимние вечера.

В один из таких вечеров, когда весь питомник сгрудившись отогревался у печки, в спальню вошел Виктор Николаевич, а за ним показалась фигура парня в обтрепанном казенном пальто.

«Новичок», — решили мысленно шкидцы, критически осматривая нового человека.

Завшколой откашлялся, взял за руку парня, и вытолкнув вперед, проговорил:

— Вот, ребята, вам еще один товарищ. Зовут его Николай Громоносцев. Парень умный, хороший математик, и вы, надеюсь, с ним скоро сойдетесь.

С этими словами Виктор Николаевич вышел из комнаты, оставив ребят знакомиться.

Колька Громоносцев довольно нахально оглядел сидевших и, решив, что сильнее его никого нет, независимо поздоровался.

— Здравствуйте, сволочи!

— Здравствуй, — процедил за всех Воробей и тоскливо подумал о своей исчезающей власти. Он сразу понял, что этот новичок скоро будет в классе коноводом. Власть с приходом Громоносцева уходила от Воробья и, уже с первого взгляда почувствовав это, Воробышек не взлюбил Кольку.

Между тем Колька, нимало не беспокоясь, подошел к печке и, растолкав ребят, сел у огня.

Ребята посторонились и молча стали оглядывать новичка. Вызывающее поведение и вся его внешность им не понравились.

У Кольки был зловещий вид. Взбитые волосы лезли на прямой лоб. Глаза хитро и дерзко выглядывали из-под темных бровей, а худая мускулистая фигура красноречиво утверждала, что силенка у него имеется в достатке.

Путь, по которому двигался Громоносцев к Шкиде, был длинный путь беспризорного. Пяти лет потерял отца, а позже и мать. Без присмотра, живя у знакомых, исхулиганился, и знакомые решили сплавить юнца поскорее с рук, сдав его в Николо-Гатчинский институт.

Знакомые получили облегчение, но институт не обрадовался такому приобретению. Маленький шкетик Колька развернулся во всю: дрался, ругался, воровал и неизвестно чем закончил бы свои подвиги, если б в это время институт не расформировался.

Но Колька — сирота, и его вновь переводят в другое заведение, потом в третье. Колька так много сменил казенных крыш, что и сам не мог их перечислить, пока наконец воровство не привело его в Александро-Невскую Лавру.

Когда-то Лавра кишела черными монашьими скуфьями и клобуками, но к прибытию Кольки святая обитель значительно изменила свою физиономию. Исчезли монахи, съежилась лавра, а в бывших кельях поселились новые люди.

Тихие кельи превратились в общие и одиночные камеры, в которых теперь сидели молодые преступники.

Лавра была последней ступенью исправительной системы. Отсюда было только две дороги: либо в тюрьму, либо назад в нормальный детдом.

И вот Колька Громоносцев докатился до Лавры. Три месяца скитался по камерам, наблюдал, как его товарищи по заключению дуются в «буру» самодельными картами, слушал рассказы бывалых, перестукивался с соседями, даже пытался бежать. В темную зимнюю ночь он с двумя товарищами проломили решетку камеры и спустились на полотенце во двор. Поймали их на ограде, через которую они пытались перелезть. Отсидев тридцать суток в карцере, Колька неожиданно образумился и захотел учиться.

— Люблю математику, — твердо заявил он заведующему.— Хочу быть профессором.

Категорическое заявление Кольки подействовало на заведующего, и его судьба определилась. Громоносцева перевели в Шкиду.

Так Колька в тот знаменательный зимний вечер сошел с пути преступника, твердо решив сделаться «профессором математики».

На другой день, рассмотрев поближе новичка, шкидцы держали совет:

— Как его прозвать?

— Трубочистом назовем. Эва, черный какой!

— Жуком давайте.

— Нет.

— Ну, так пусть будет «Цыган».

— Во. Правильно!

— Цыган и есть.

Колька снисходительно слушал, а когда узнал решение, то, улыбнувшись, небрежно сказал:

— Мне все равно. Цыган, так Цыган.

— А почему вы школу зовете Шкид? — спрашивал Колька на уроке, заинтересованный странным названием.

Воробышек ответил:

— Потому что это, брат, по-советски. Сокращенно. Школа имени Достоевского. Первые буквы возьмешь, сложишь вместе — Шкид получится. Во, брат, как, — закончил он гордо и добавил многозначительно. — И все это я выдумал.

Колька помолчал, а потом вдруг опять спросил:

— А как зовут заведующего?

— Виктор Николаевич.

— Да нет... Как вы его зовете?

— А никак, так просто и зовем.

— А почему вы его не сократили? Уж сокращать, так сокращать. Как его фамилия?

— Соркин, — моргая глазами, ответил Воробышек.

— Ну, вот. Вик, Ник, Сор. — Звучно и хорошо.

— И, правда, дельно получилось.

— Ай-да, Цыган.

— И в самом деле, надо будет Викниксором величать.

Попробовали сокращать и других, но сократили только одну немку. Получилось мягкое «Эланлюм».

Оба прозвища единогласно приняли.

Однажды Викниксор — бывший Виктор Николаевич Соркин — любитель всего нового и оригинального, зашел к ребятам и, сев, мягко, по-отечески заговорил:

— Вы, ребята, скучаете.

— Скучаем, — печально ответили ребята.

— Надо, ребята, развлекаться.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Надо, — поддакнули опять.

— Ну, если так, то у меня есть идея. Школа наша расширяется, и пора нам издавать газету.

Ребята погмыкали, но ничего не ответили, и Викниксору пришлось повторить предложение:

— Давайте издавать газету.

— Давайте, Виктор Николаевич, только... только... — замялся Косарь, — мы это не умеем, может, вы сделаете...

Предложение было смелое, но Викниксор согласился:

— Хорошо, ребята, — я вам помогу. На первых порах нужно руководство. Так что ладно, устроим.

Скоро о беседе забыли.

Но завшколой, увлеченный своей идеей, не остыл.

Каждый вечер в маленькой канцелярии дробно хлопала машинка. Это готовился первый номер газеты руками самого Викниксора.

В то же время питомник стал замечать рост популярности Цыгана.

Колька уже не ходил мокрой курицей, новичком, а запросто, по-товарищески беседовал с завшколой и долгие вечера коротал с ним за шахматной доской.

— Ишь, стерва, подлизывается к Викниксору, — злобно скулили ребята, поглядывая на ловкого фаворита, но тот и в ус не дул и попрежнему увивался около зава.

— Не иначе, как кляузником будет, — разжигал массы Воробей.

Ребята слушали и озлоблялись, но Цыган не обращал внимания на хмурившихся товарищей, хотя было обидно, что до сих пор с ним никто не желает дружить, а тем более повиноваться ему так, как повиновались Воробышку.

Дело было в том, что Шкида только тогда начинала уважать своего товарища, когда находила в нем что-нибудь особенное — такое, чего нет у других.

У Воробья это было. У него была балалайка, паршивая, расстроенная в ладах балалайка, и умение кое-как тренькать на ней. Из всех воспитанников никто этой науки не осилил, и поэтому единственного музыканта уважали.

У Цыгана еще не было случая завоевать расположение товарищей, но он искал, долго, упорно и наконец нашел.

Однажды, сидя в кабинете завшколой за партией в шахматы, Колька, победив три раза подряд, четвертую игру нарочно провалил.

Приунывший Викниксор повеселел. Несмотря на свои пятнадцать лет, Колька хорошо играл в шахматы и завшколой

Сборник им. Г. Белых http://book.uraic.ru/

редко выигрывал. Поэтому он очень обрадовался, когда загнанный и зашахованный его король вдруг получил возможность дышать, а через шесть ходов Колька пропустил важное передвижение и получил мат.

— Красивый матик. Здорово вы мне влепили, — притворно восторгался Цыган, разваливаясь на кожаном кресле. — Очень красивый мат, Виктор Николаевич.

Викниксор расцвел в улыбке.

— Что? Получил? То-то, брат. Знай наших.

Цыган минуту выждал, тактично промолчав, и дал Викниксору возможность успокоиться. Потом, переменив тон, небрежно спросил:

— Виктор Николаевич, а как насчет газеты, будете выпускать или нет?

— Как же, как же. Она почти уже готова, — оживился Викниксор. — Только вот, брат, материалу нет. Ребята не несут. Приходится самому писать.

— Да, это плохо, — посочувствовал Колька, но Викниксор уже увлекся:

— Ты знаешь, я название придумал уже и даже пробовал сам заголовок нарисовать, но ничего не вышло, плохо рисую. Зато весь номер уже перепечатан, только уголок заполнить осталось. Я пробовал стихи написать, да что-то неудачно выходит. А ведь когда-то гимназистом писал и писал недурно. Помню еще, бывало, Блок мне завидовал. Ты знаешь Блока — поэта знаменитого?

— Знаю, Виктор Николаевич. Он «Двенадцать» написал. Читал.

— Ну, вот. Так я с ним в гимназии на одной парте сидел, и вот, бывало, сидим и пишем стихи, все своим дамам сердца посвящали. Так ведь так у меня складно выходило, что Блок завидовал.

— Неужели завидовал? — притворно удивлялся Колька.

— Да, а вот теперь совсем не могу писать, — не выходит.

— А я ведь с вами, Виктор Николаевич, как раз об этом хотел поговорить, — деликатно вставил Цыган.

Завшколой удивленно взглянул:

— Ну-ну, говори.

Колька помялся.

— Да вот тоже попробовал я стишки написать, принес показать вам.

— Стишки. Молодец. Давай, давай сюда.

— Они, Виктор Николаевич, так, первые мои стихи. Я их о выпуске стенгазеты написал.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Вот, вот и хорошо.

Тон заведующего был такой ободряющий и ласковый, что Колька уже совсем спокойно вытащил свои стихи и, положив на стол, отошел в сторону.

Завшколой минуту смотрел на листочек, потом, схватив его, стал читать вслух:

Ура, ребята. В нашей школе
Свершилось чудо в один миг.
И вот теперь висит на стенке
Своя газета — просто шик.

Прочтя первый куплет, Викниксор замолчал и минуту нерешительно обдумывал, потом сказал: «Хорошо». Колька, чуть не прыгая от радости, выскочил из кабинета.

В спальню он вошел спокойный.

Ребята попрежнему сидели у печки. При его входе никто даже не оглянулся, и это Кольку еще больше обозлило.

— Ладно, черти, узнаете, — бормотал он, укладываясь спать.

Через пару дней Шкида действительно узнала Громоносцева.

— Ты видал, а?

— Что?

— Вот, чумичка. Что? Пойди-ка к канцелярии. Позексай, газету выпустили школьную. «Ученик» называется.

— Ну?

— Ты погляди, а потом нукай. А Громоносцев у нас деляга. Поэт оказался.

Шли толпами и смотрели на два маленьких листика. Четвертую часть всей газеты занимал заголовок, разрисованный карандашами.

Читали напечатанный бледным шрифтом ряд статеек без подписи о методах воспитания в школе, потом шмыгали глазами по второму листику и изумленно гоготали.

— Ай-да Цыган. Хорошо оттяпал.

— Прямо поэт.

Колька и сам не поверил, когда увидел свои стихи под звонкой статьей — в углу, но под стихами стояло «Николай Громоносцев». Оставалось верить и торжествовать.

Стихи были чуть-чуть исправлены, и первое четверостишие звучало иначе:

Ура, ребята. В нашей школе
Свершилось чудо в один миг:
У канцелярии на стенке
Висит газета «Учению».

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Газета произвела большое впечатление. Читали ее несколько раз. Вызывал некоторое недоумение заголовок, представлявший собою действительно нечто странное. По белому полю полукругом было расположено название «Ученик», а под ним помещался загадочный рисунок — головка подсолнуха с оранжевыми лепестками, внутри которого красовался черный круг с двумя белыми буквами «Ш. Д.», расположенными одна в одну — монограммой.

Что это означало никто не мог понять, пока однажды за обедом непоседливый «Сорока» не спросил при всех заведующего.

5715

— Виктор Николаевич. А что означает этот подсолнух?

— Подсолнух? Да, ребята. Я забыл вам сказать об этом. Это, ребята, наш герб. Отныне этот герб мы введем в употребление всюду. А значение его я сейчас вам объясню. Каждое государство или республика имеют свои гербы, которые, так сказать, аллегорически характеризуют направление и задачи страны. Наша школа это тоже республика, поэтому я и решил, что у нас должен тоже быть герб. Вот этот подсолнух — наш герб. Он тоже определяет наши цели. Наша школа состоит из вас, воспитанников, как подсолнух из тысячи семян. Вы тянетесь к свету, потому что вы учитесь, а ученье — свет. Подсолнух тоже тянется к свету и солнцу — и он похож на вас.

Кто-то ехидно хихикнул. Викниксор поморщился, оглядел сидящих и, найдя виновного, молча указал на дверь.

Это означало — выйти из-за стола и обедать после всех.

Под сочувствующими взглядами питомника, наказанный вышел. А Японец ядовито прошипел.

— Мы подсолнухи, а Витя нас лузгает.

Настроение Викниксора испортилось, и продолжать объяснение ему, видимо, не хотелось, поэтому он коротко заключил:

— Подсолнух — наш герб. А теперь, дежурный, давай звонок в классы.

Таким образом, в один день республика Шкид сделала два ценных приобретения: герб и национального поэта Николая Громоносцева.

Популярность сразу перешла к нему, и первой крысой с тонувшего Воробьиного корабля был Гога, решительно пославший к чорту балалаечника и перешедший на сторону поэта.

Воробышек был взбешен, но продолжать борьбу он не смог.

Тщетно перепробовал он все средства: писал стихи, которые и сам не мог читать без отвращения, пробовал рисовать, — Шкида холодно отнеслась к его попыткам, и Воробей сдался.

Государственная публичная библиотека

Цыган торжествовал, а слава поэта укрепилась за ним надолго, несмотря на то, что газета после первого номера перестала существовать, а сам Громоносцев больше не брался за перо, хотя втайне и решил сделаться поэтом когда-нибудь потом, когда будет профессором математики или шахматным маэстро.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ЯНКЕЛЬ ПРИШЕЛ.

Кладбищенский рай. — Нат Пинкертон действует. — Гришка достукался. — Богородицыны деньги. — Советская лошадка. — Гришка в придачу к брюкам. — Янкель пришел.

Еще маленьким сопливым шкетом Гришка любил свободу и самостоятельность. Страшно негодовал, когда мать наказывала его за то, что, побродивши в весенних дождевых лужах, он приходил домой грязным и мокрым.

Не выносил наказаний и уходил из дому, надув губы. А на дворе подбивал ребят и, собрав орду, шел далеко за город, через большое кладбище с покосившимися крестами и проваливающимися гробницами, к маленькой серенькой речке. И здесь наслаждался.

Свобода успокаивала Гришкины нервы. Он раздевался и начинал с громким хохотом носиться по берегу и бултыхаться в мутной, грязной речонке.

Поздно приходил домой и, закутавшись, сразу валился на свой сундук спать.

Гришка вырос среди улицы. Отца он не помнит. Иногда что-то смутно промелькнет в его мозгу. Вот он видит себя на белом катафалке, посреди улицы. Он сидит на гробу высоко над всеми, а перед ним идет мать, бабушка и кто-то еще, кого он не знал. Катафалк тащат две ленивые лошади, и Гришка подпрыгивает на деревянной гробовой доске, и Гришке весело. Это все, что осталось у него в памяти от отца. Больше ничего он не помнил.

Кузница дворовая с пылающим горном стала его отцом. Мать работала прачкой «по господам», некогда было сыном заниматься. Гришка полюбил кузницу. Особенно хорошо было смотреть вечером на пылающее кровавое «горно» и нюхать едкий, но вкусный дым или наблюдать, как мастер, выхватив из жара раскаленную полосу, клал ее на наковальню, а два молотобойца мощными ударами молотков мяли ее, как воск.

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ukrain.ru/

Тяжелые кувалды глухо ухали по мягкому железу, и маленький ручник отзванивал такт. Выходило красиво — как музыка.

До того сжился с кузницей Гришка, что даже ночевать стал вместе с подмастерьями. Летом заберутся в карету непочиненную — усядутся. Уютно, хорошо, потом подмастерья рассказывают страшные сказки, про чертей, мертвецов, про колокольню темную с двенадцатью ведьмами.

Слушает Гришка — мороз кожу вспузыривает, а не уходит, жалко оставить так историю, не узнав, чем кончится.

Так бежало детство.

Потом мать повела в школу, пора было взяться за дело, да Гришка и не отвиливал, пошел с радостью. Учиться хотелось по разным причинам, и главной из них были книжки брата с красивыми обложками, на которых виднелись свирепые лица, мелькали кинжалы, револьверы, тигры, и текла красная, хромолитографская кровь.

Гришка оказался способным. То, что его товарищи усваивали в два — три урока, он схватывал на лету, и учительница не могла нахвалиться им за его ретивость.

Однако успехи Гришкины на первом же году кончились. Читать он научился, писать тоже. Он вдруг решил, что этого вполне довольно, и с яростью засел за «Пинкертонов». Никакие наказания и внушения не помогали.

Гришка в самозабвении, затаив дыхание, носился с «Бобом Руландом» в поисках Ната Пинкертона, попавшего в лапы кровожадных преступников.

Так два года путешествовал он по Америке, а потом мать грустно сказала ему:

— Достукался, скотина. Из школы вышибли дурака. Что мне с тобой делать?

Гришка был искренно огорчен, однако, ничего советовать не стал и воздержался от дальнейшего обсуждения своих взглядов на жизнь.

С грехом пополам пристроила мать «отбившегося от рук» мальчишку в другую школу, но Гришка уже считал лишним ученье и по выходе из дому прятал сумку с книгами в подвал, а сам шел на улицу к излюбленному выступу у ювелирного магазина, где стояла уличная часовня. Здесь он садился около кружки с пожертвованиями и двумя пальцами начинал обрабатывать ее содержимое. Помогала операции палочка. Заработок был верный. В день выходило по двугривенному и больше. Гришка богател и начал зазнаваться, так как теперь обладал целой коллекцией «сыщиков» и «разбойников».

Copyright В. Г. Бельченко http://book.raicki.ru

Потом пришла война, угнали на фронт брата. Гришку опять вышибли за непосещение из школы. Некоторое время отсиживался он дома, но мать упорно стояла на своем, и вот третья по счету классная доска начала маячить перед Гришкиными глазами.

С революцией Гришка и у себя сделал переворот. На глазах у матери он твердо отказался учиться и положил перед ней потрепанный и видавший виды ранец.

Напрасно ругалась мать, напрасно грозилась побить, он стоял на своем и упорно отказывался.

И вот мать махнула на него рукой, и Гришка вновь получил свободу.

Таскался по кинушкам, торговал папиросами, потом даже приобрел санки и сделался «советской лошадкой». Часами стоял он у вокзалов, ожидая приезда мешечников, которым за хлеб или за деньги отвозил по адресу багаж. Но работа сорвалась: слабовата была «лошадка».

Однажды, в тусклый зимний вечер, Гришка, накинув на плечи продранную шинель и обрядив свои санки, направился к Варшавскому встречать дальний поезд. Улицы уже опустели. Тихо посвистывая, Гришка подъехал к вокзалу и встал на свое место у выхода. «Лошадок» уже собралось много. Гришка поздоровался со своими соседями и, поудобнее усевшись на санки, стал ждать.

То и дело со всех сторон прибывали новые саночники, ждавшие «хлебного» поезда.

В углу у лестницы кучка ребят-лошадок ожесточенно нападала на новичков, приехавших тоже с саночками.

— Чего к чужому вокзалу приперли? Вали вон!

Новички робко топтались на месте и скулили:

— Не пхайся! Местов много. Вокзал не купленый. Где хотим, там и стоим!

Поезд пришел. Началась давка. Саночники наперли, яростно вырывали из рук ошалевших приезжих мешки.

— Прикажете отвезти, земляк?

— Вот санки заграничные!

— За полтора фунта на Петроградскую сторону!

Гришка, волоча за собой санки, тоже уцепился было за сундук какой-то бабы и робко предложил:

— Куда прикажете, гражданка?

Но гражданка, не поняв Гришку, жалобно заголосила:

— Ах паскуда! Караул! Сундук тянут!

Гришка, смущенный таким оборотом дела, выпустил сундук. Через мгновенье он увидел, как тем же сундуком

овладел какой-то верзила, с привычной сноровкой уговаривавший перепуганную старуху:

— Вы не волнуйтесь, гражданочка. Свезем в лучшем виде, прямо как на лихачах!

Становилось тише. Уже «лошадки» разъехались по всем направлениям, а Гришка все стоял. Остались только он да две старушонки с детскими саночками. На заработок не было уже никакой надежды, но домой ехать не хотелось.

Вдруг из вокзала вышел мужик, огляделся и гаркнул:

— Эй, совецкие!

— Есть, батюшка, — прошамкали старушки.

— Пожалуйте, гражданин, — тихо проговорил Гришка.

Мужик оглядел трех саночников и с сомнением пробормотал.

— Да нешто вам свезти?

Потом выбрал Гришку и стал выносить мешки, туго набитые картошкой. Гришка испугался. Его сани покряхтывали от тяжести. Уже некуда было класть, а мужик все носил. Гришка хотел-было отказаться, но потом с отчаянием решил:

— Эх, была не была, вывезу!

И повез. Везти нужно было далеко за заставу. Гришка весь вымок от пота, руки его немели, веревка резала ему грудь, а он все вез. Вечером он, разбитый, пришел домой и принес с собой целых три фунта черного, каленого, смешанного с овсом хлеба. Заработок был по тем временам крупный, но зато и последний. Гришка надорвался.

Дело обернулось совсем плохо. Дома не было даже хлеба, а Грищке нужны были деньги. Он курил и любил лакомиться лепешками с салом на толкучке. Потихоньку стал он воровать из дома вещи: то бабушкину золотую монету, то кофейник.

Потом как-то сразу все открылось. Терпение родительницы лопнуло, и она, побегав неделю, отвезла Гришку за город в детскую трудовую колонию.

Колония помещалась в монастыре. Тут же в монастыре было и кладбище.

Голодно было, но весело. Полюбил Гришка товарищей, полюбил могилки и совсем было забыл дом, как вдруг разразилось новое несчастье.

К городу подступали белые.

Шли войска, тянулись обозы, артиллерия. Рассыпалась колония по огородам и, пользуясь случаем, запасались воспитанники картошкой, капустой, редькой и прочей зеленью.

Тут Гришка, под наплывом чувств, вдруг вспомнил родных и начал снабжать их краденой снедью.

http://book.fair.ru/

Тревожно было в городе. Ухали совсем близко орудия, и стекла дзенькали в окошках. Окутались улицы проволокой и мешками с песком.

Настроение у всех приподнятое. У Гришки тоже. Он пришел в любимый монастырь в последний раз, посмотрел на резные окна и белые кресты на могилках и, стащив две пары валенок из кладовой, ушел с тем, чтобы больше не возвращаться. Потом еще приют, еще кражи.

Распределительный пункт с трудом отделался от мальчика, дав направление о переводе в Шкид.

Но взяли его только тогда, когда вместе с ним в приданое послали две пары брюк, постельное белье, матрац и кровать.

К тому времени у Гришки выработались свои взгляды на жизнь. Он стал какой-то холодный ко всему, ничто не удивляло, ничто не трогало. Рассуждал, несмотря на свои 14 лет, как взрослый, а правилом себе поставил:

«Живи так, чтоб тебе было хорошо».

Таким пришел Гришка в Шкиду.

Пришел он утром. Его провели к заведующему в кабинет. Вид школы Гришке понравился, но при входе в кабинет зава он немного струхнул.

Вошел тихо и, притворив дверь, стал оглядывать помещение.

«Буржуем живет», — подумал невольно, увидев мягкие диваны и кресла, а на стенах фотографии в строгих черных рамках.

Викниксор сидел за столом. Увидев новичка, он указал ему рукой на кресло.

— Садись.

Гришка сел и притих.

— Мать есть?

— Есть.

— Чем занимается?

— Прачка она.

— Так, так. — Викниксор задумчиво барабанил пальцами по столу. — Ну, а учиться ты любишь или нет?

Гришка хотел сказать «нет», потом раздумал и, решив, что это невыгодно, сказал:

— Очень люблю. Учиться и рисовать.

— И рисовать? — удивился заведующий. — Ну? Ты что же учился где-нибудь рисовать?

Гришка напряг мозги, тщетно стараясь выпутаться из скверного положения, но залез еще глубже.

— Да я учился в студии. И меня хвалили.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— О, это хорошо. Художники нам нужны, — поощрительно и уже мягче протянул Викниксор. — Будешь у нас рисовать и учиться.

— Ну что ж, — буркнул Гришка.

Викниксор вдруг порылся в бумагах и, достав оттуда лист, проглядел его, внимательно вчитываясь:

— Ага. Твоя фамилия Черных. Ну, ладно, идем, Черных. Я сведу тебя к товарищам.

Викниксор крупными шагами прошел вперед. Гришка шел сзади и критически осматривал зава. Сразу определил, что заведующему не по плечу клетчатый пиджак, и заметил отвисшее голенище сапога. Невольно удивился.

«Ишь, ты. Квартира буржуйская, а носить нечего».

Прошли столовую, и Викниксор дернул дверь в класс. Гришку сперва оглушил невероятный шум, а потом тишина, наступившая почти мгновенно. Он увидел ряды парт и десятка полтора застывших учеников.

Между тем Викниксор, позабыв про новичка, минуту осматривал класс, потом спокойно, не повышая голоса, и даже как-то безразлично процедил:

— Громоносцев, ты без обеда! Сорокин, сдай сапоги, сегодня без прогулки! Воробьев, выйди вон из класса!

— За что, Виктор Николаевич?!

— Мы ничего не делали.

— Чего придираетесь-то! — хором заскулили наказанные, но Викниксор, почесав за ухом, недопускающим возражения тоном отрезал:

— Вы бузили в классе, следовательно пеняйте на себя! А теперь вот представляю вам еще новичка. Зовут его Григорий Черных. Это тоже способный и даровитый парень, к тому же художник. Он будет заниматься в вашем отделении, так как по уровню знаний годится к вам.

Класс молчал и оглядывал новичка. С виду Гришка, несмотря на свои светлые волосы, напоминал еврея, и особенно бросался в глаза его нос, длинный и покатый, с загибом у кончика.

Минуту они стояли друг против друга — класс и Гришка с Викниксором. Потом завшколой опять почесал за ухом и, ничего не сказав, вышел из класса.

Цыган подошел поближе к насторожившемуся новичку, минуту молча осматривал его, потом вдруг отошел в сторону и, давясь от смеха, указывая пальцем на Гришку, хихикнул:

— Янкель, пришел. Смотрите-ка, сволочи. Жид. Блондинистый жид.

Гришка обиделся и огрызнулся.

— А чего ты смеешься-то? Ну и жид. А ты-то на кого похож, цыганская харя?

Такой выходки никто не ожидал, и класс одобрительно загоготал:

— Ай-да, Янкель! Сразу Цыгана угадал.

— Коля, слышишь? Цыган издалека виден.

Колька и сам был не мало огорошен ответом и уже собирался проучить новичка, как вдруг выступил Воробышек.

— Чего пристаете к парню! Зануды, грешные! Осмотреться не дадут, — потом он, уже обращаясь к Гришке, добавил: — Иди сюда, Янкель, садись со мной.

— Да, я вовсе не Янкель, — протестовал Гришка, но Воробей только махнул рукой.

— Это, уж, брат, забудь и думать! Раз прозвали Янкелем, значит — ша! Теперь Янкель навеки!

Гришка минуту постоял под злобным взглядом Кольки, мысленно взвешивая — схватиться с ним или нет, но потом решил, что невыгодно, и пошел за Воробьем.

— Ты не бойся Цыгана. Он сволочь порядочная, но мы ему намылим шею, зря беспокоишься. А тебя он теперь не тронет, — тихо проговорил Воробей, сидя с Гришкой.

Гришка молчал и только изредка улавливал краем уха зловещий шопот черномордого противника:

— Янкель пришел. Янкель воюет.

Но класс не поддерживал Кольку. Янкель уже завоевал сочувствие ребят, к тому же они вовсе не были склонны травить новичков.

В Шкиде уже был обычай встречать дружбой и лаской, а не кулаком неоглядевшегося новичка.

Где-то за стеной зазвенел колокольчик.

— Уроки начинаются, — объяснил Воробей и добавил: — Теперь, Янкель, мы с тобой все время будем сидеть на этой парте. Хорошо?

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Янкель и впервые почувствовал, что наконец-то найден берег, найдена тихая пристань, от которой он теперь долго не отчалит.

За стеной звенел колокольчик.

ТАБАК ЯПОНСКИЙ.

Янкель-дежурный.— Паломничество в кладовую.— Табак японский.— Спальня пирует. — Роковой обед. — Скидывай пальто. — Янкель. — Живодер. — Око за око. — Аудиенция у Викниксора. — Гога-Азеф. — Смерть Янкелю. — Мокрая идиллия.

Как показало время, Викниксор был прав, когда отрекомендовал нового воспитанника даровитым, способным парнишкой.

Так как способный Янкель уже около недели жил в Шкиде, то решили, что пора испробовать его даровитость на общественной работе.

Особенно большой общественной работы среди десяти шпаргонцев не было, но была зато одна особо почетная и важная обязанность — дежурство по кухне.

Дежурный, назначавшийся из воспитанников, обязан был ходить в кладовую за хлебом и продуктами, где седенький старичок-эконом распоряжался желудками своих питомцев.

Дежурный брал хлеб и продукты на день и относил на кухню к могущественной кухарке, распределявшей с ловкостью фокусника скудные пайки крупы и селедок так, что выходил обед из двух блюд и ужин из каши.

Янкеля назначили дежурным, но так как это поле деятельности ему было незнакомо, то к нему приставили помощником и учителем еще одного воспитанника — Косаря.

Когда зимние лучи солнца робко запрыгали по теплым стенкам спальни, толстенький и меланхоличный Косарь хмуро поднялся с койки и, натягивая сапоги, прохрипел:

— Янкель, вставай. Ты дежурный.

Вставать не хотелось кругом, свернувшись и распластавшись, храпели восемь молодых чурбашек, и так хотелось закутаться с головой в теплое одеяло и захрапеть вместе с ними.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

За стеной брякал рояль. Это Верблюдыч разучивал одним пальцем какой-то несложный мотив. Верблюдыч играл, и это означало, что времени восемь часов.

Янкель лениво отряхнулся и обратился к Косарю.

— Курить нет?

— Нету.

Потом оба, поспешно натягивая штаны, двинулись в кладовку.

Кладовая находилась на чердаке, а под ней помещался эконом. Коридор, вечно закрытый на ключ, отделял комнату эконома от школы, и нужно было долго стучаться, чтобы эконом услышал.

Янкель и Косарь остановились перед коридором. Косарь, лениво потягиваясь, стукнул кулаком по двери, вызывая эконома и вдруг удивленный остановился.

Дверь открылась от удара.

«Ишь ты, старикан. Забыл закрыть», — укоризненно процедил он, потом знаком позвал Янкеля и пошел в темноту.

Дошли ощупью до другой двери, открыли и вошли в прихожую, ослепившую ярким светом.

В прихожей было так тепло и уютно, что заспанные общественники невольно медлили входить в комнату эконома, наслаждаясь минутами покоя и одиночества.

В этот момент и случилось простое, но памятное дело, в котором Янкель выказал впервые свои способности.

Косарь стоял и силился перебороть необычайную сонливость, упорно направляя все мысли к одному: «надо войти к эконому». В момент, когда, казалось, сила воли переборола в нем лень и когда он хотел уже нажать ручку двери, вдруг послышался голос Янкеля, странно изменившийся до шопота.

Хочешь курить?

— Хотел ли курить Косарь? Конечно, хотел. Поэтому вся энергия, собранная на то, чтобы открыть дверь, вдруг сразу вырвалась в повороте к Янкелю и в энергичном возгласе.

— Хочу.

— Ну так кури. Вон табак.

Косарь проследил внимательно за взглядом Янкеля и замер, упершись глазами в стол.

Там правильными рядами лежали аккуратненькие коричневые четвертушки табаку. По обложке наметанный глаз курильщиков определил «высший сорт Б».

«Пачек сорок» было мысленное заключение практических математиков.

Взглянули друг на друга и решили, не сговариваясь.

СОНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

40 — 2 = 38. — Авось, не заметят недостачи.

Так же молча подошли к столу и, положив по пачке в карман, вышли на цыпочках из комнаты.

Сонную тишину спальни нарушил треск дверей, и два возбужденных шпаргонца, ворвались в комнату.

— Ребята, табак!

Восемь голов мгновенно вынырнули из-под одеял, восемь пар глаз заблестели масляным блеском, узрев в поднятых руках Косаря и Янкеля по пачке настоящего хорошего табаку.

Первым оправился Цыган, быстро вскочил с койки и, исследовав вблизи милые четвертушки, зловеще спросил:

— Где, сволочи?

Дежурные молча мотнули головами по направлению комнаты эконома.

Цыган сорвался с места и скрылся за дверьми.

Спальня притихла в томительном ожидании.

— Ура, сволочи! Есть!

Громоносцев влетел, победоносно размахивая двумя пачками табаку.

Пример заразителен, и никакие силы уже не могли сдержать оставшихся.

Решительно всем захотелось иметь по четверке табаку и, уже забыв о предосторожностях, спальня сорвалась и как на состязаниях помчалась в заветную комнату...

Через пять минут Шкида ликовала.

Каждый ощупывал, мял и тискал злосчастные пакетики, так неожиданно свалившиеся к ним.

Черный, как жук, заика Гога — заядлый курильщик, страдавший больше всех от недостатка «курева» и собиравший «чиновников», был доволен больше всех. Он сидел в углу, и, крепко сжимая коричневую четверку, безостановочно повторял:

— Таб-бачок есть. Таб-бачок есть.

Янкель, забравшись на кровать, глупо улыбался и пел:

Шинель английский,
Табак японский,
Ах, шарабан мой...

На радостях даже не заметили, что на подоконнике притулилась лишняя пачка, пока Цыган не обратил внимания.

— Ребята. Сволочи. Чей табак на подоконнике? У всех есть?

Собрание М. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— У всех.

— Значит лишняя?..

— Лишняя.

— Ого, здорово, даже лишняя!

— Тогда лишнюю поделим. А по целой пачке заначим. Согласны, сволочи?

— Вали.

— Дели. Согласны.

Лишнюю четверку растерзали на десять частей. Когда дележку окончили, Цыган грозно предупредил.

— Табак заначивайте скорее. Не брехать приходящим ни слова об этом. Поняли, сволочи? А если кого «запорят», сам и отвиливай, других не выдавай.

— Ладно. Велись. Знаем...

В это утро воспитатель Батька, войдя в спальню, был чрезвычайно обрадован тем обстоятельством, что никого не надо было будить. Все гнездо было на ногах. Батька удовлетворенно улыбнулся и поощрительно сказал:

— Здорово, ребята. Как вы хорошо встали сегодня.

Цыган, ехидно улыбнувшись, загоготал.

— Ого, дядя Сережа, мы еще раньше можем вставать.

— Молодцы, ребята. Молодцы.

— Ого, дядя Сережа, еще не такими молодцами будем.

Между тем Янкель и Косарь снова пошли в кладовую. Эконом еще ничего не подозревал и, попрежнему ласково улыбаясь между развешиванием, справлялся о новостях в школе, говорил о хорошей погоде, морозах и даже дал обоим шкидцам по куску хлеба с маслом.

Янкель молчал, а Косарь хмуро поддакивал, но оба вздохнули свободно только тогда, когда вышли из кладовой.

Остановившись у дверей, многозначительно переглянулись. Потом Янкель сокрушенно покачал головой и процедил.

— Огребем.

— Огребем, — поддакнул Косарь.

День потянулся, как всегда. Утренний чай сменился уроками, уроки переменами, только приходящие удивлялись. Сегодня приютские не стреляли у них по обыкновению покурить «оставочки», а торжественно закручивали свои сигаретки.

В четвертую перемену перед обедом Янкель забеспокоился— пропажа могла скоро открыться, а у него до сих пор под подушкой лежал табак. Подстегивали его и остальные, уже успевшие спрятать все улики.

Не переводя духа, взбежал по лестнице наверх в спальню, вытащил табак и остановился в недоумении.

Куда же спрятать? Закинуть на печку? Нельзя, уборка будет, найдут. В печку — сгорит. В отдушину — провалится.

Янкель выскочил в коридор, пробежал до ванной и влетел туда. Сунулся с радостью под ванну и выругался: кто-то предупредил его, и рука его нащупала чужую пачку.

В панике помчался в пустое зало, превращенное в сарай и сплошь заваленное партами.

С отчаянной решимостью сунул табак под ломаную кафедру и успокоился.

Спускаясь вниз, услышал дребезжащую трель звонка, звавшего на обед. Вспомнил, что он дежурный, и сломя голову помчался на кухню.

Надо было нарезать десять осьмушек — порций хлеба для интернатских — ведь это была обязанность дежурного.

Шкидский обед был своего рода религиозным обрядом, и каждый новый приходивший питомец должен был твердо заучить обеденные правила.

Сперва в столовую входили воспитанники «живущие» и молча рассаживались за столом. За другой стол садились приходящие.

Минуту сидели молча, заложив руки за спины, и ерзали голодными глазами по входным дверям, ведущим на кухню.

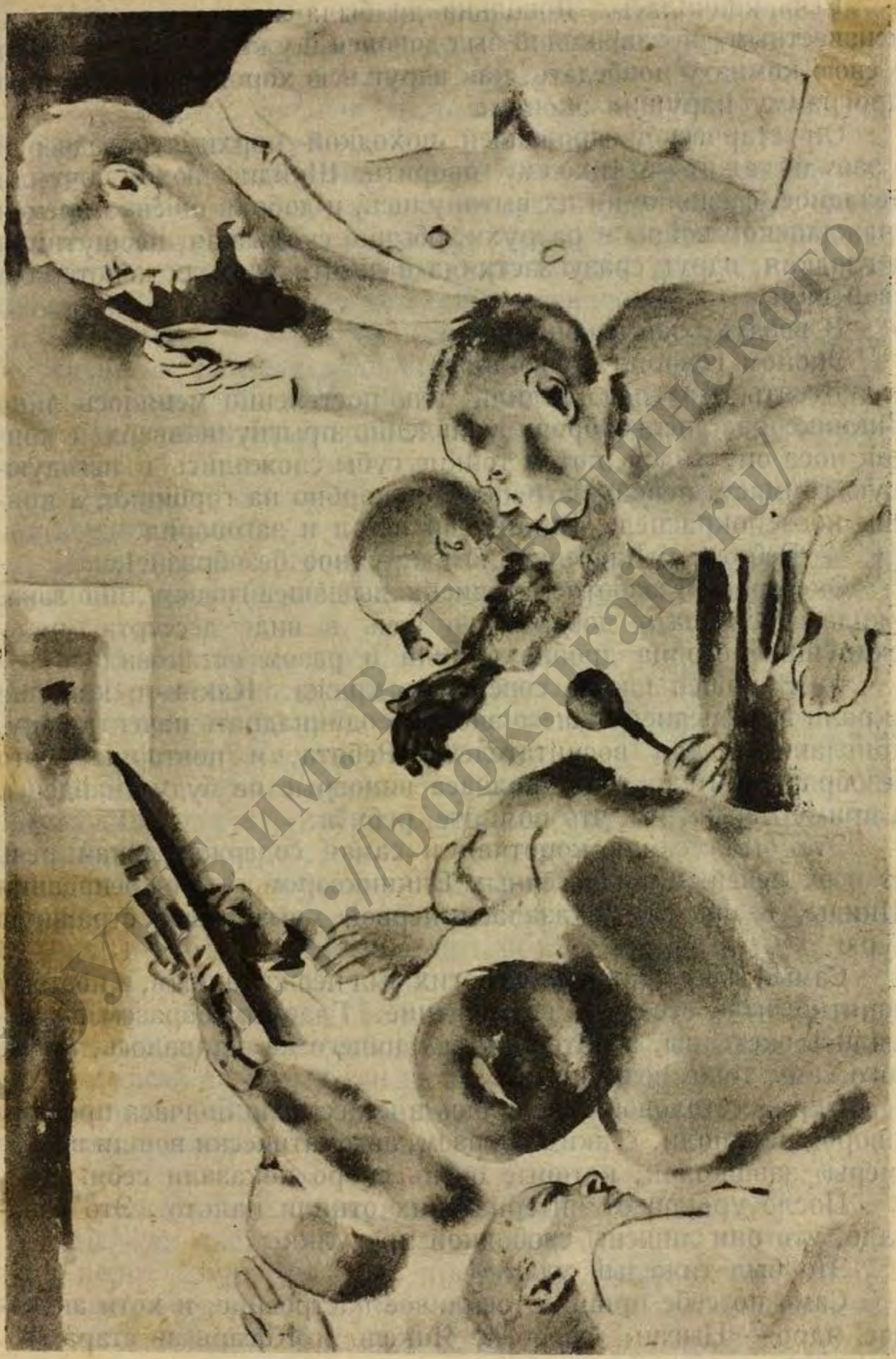
Затем появлялся завшколой с тетрадочкой в руках, и начинался второй акт — перекличка.

Ежедневно утром, вечером, в обед и ужин выкликался весь состав воспитанников, и каждый должен был ответить — «здесь». Только тогда получал он право есть, когда перед его фамилией стояла «птичка», означающая, что он действительно здесь и что паек не пропадет даром. Затем дежурный вносил «осьмушки» и клал перед каждым на стол. После этого появлялась широкоскулая Марта, разливавшая неизменный пшенный суп и неизменную пшенную кашу, — кроме неизменного пшена да селедок, ничего не было.

Тогда начиналось всеобщее сопенье, пыхтенье и похрустывание за тарелками, а в заключение завшколой произносил речь о новом недочете, о новом мероприятии или о новом кубе дров, который удалось где-либо выцарапать для школы.

Точка в точку то же повторилось и в день дежурства Янкеля, но только речь Викниксора была внутреннего распорядка. Он с величием и презрением громил ту часть несознательных учеников, которая занимается обжорством, стараясь получить свою порцию поскорее, вне очереди.

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/


ОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.ulrail.ru/

Речь кончилась. Довольна ли была аудитория, осталось неизвестным, но завшколой был доволен и уже собирался пойти в свою комнату пообедать, как вдруг всю хорошо проведенную программу нарушил эконом.

Он старческой дрожащей походкой порхнул из дверей к заву и стал что-то тихо ему говорить. Шкидцы нюхом почуяли неладное, физиономии их вытянулись, и добрая пшенка времен гражданской войны и разрухи, обычно скользкая, неощутимая и гладкая, вдруг сразу застряла в десяти глотках и потеряла свой вкус.

В воздухе запахло порохом.

Эконом говорил долго-долго.

Десять пар глаз следили, как постепенно менялось лицо Викниксора; сперва брови удивленно прыгнули вверх и кончик носа опустился, потом тонкие губы сложились в негодующую гримасу, пенснэ затрепетало скорбно на горбинке, а кончик носа покраснел. Викниксор встал и заговорил.

— Ребята, у нас случилось крупное безобразие!..

Экстерны беззаботно впились в дышащее гневом лицо зава, ожидая услышать добавочную речь в виде дессерта, но у «живущих» сердца дробно екнули и разом остановились.

— В нашей школе совершена кража. Какие-то канальи украли из передней нашего эконома одиннадцать пачек табаку, присланного для воспитателей. Ребята, я повторяю — это безобразие. Если через полчаса виновные не будут найдены, я приму меры. Так что помните, ребята.

Это была самая короткая и самая содержательная речь из всех речей, произнесенных Викниксором со дня основания Шкиды, и она же оказалась первой, вызвавшей страшную бурю.

Самый факт кражи для многих был неожиданным, и поэтому понятно было всеобщее возмущение. Главным образом возмущались экстерны, а интернатским ничего не оставалось, кроме того, как тоже возмущаться.

Буря из столовой перелилась в классы, но полчаса прошло, а воров не нашли. Таким образом, автоматически вошли в силу «меры» завшколой, которые очень скоро показали себя.

После уроков от интернатских отняли пальто. Это означало, что они лишены свободной прогулки.

Это был тяжелый удар.

Само по себе пришло тоскливое настроение, и хотя активное ядро — Цыган, Воробей, Янкель и Косарь и старались призывать к борьбе до конца, успехом они уже не пользовались.

Напрасно Цыган, свирепо вращая черными глазами и скрипя зубами, подражая злодеям из Александринки, говорил страшным голосом:

— Смотрите, сволочи, не выдавать.

Его не слушали.

Долгий, зимний вечер тянулся томительно и скучно.

За окном, покрытым серыми ледяными узорами, бойко позванивали трамваи и слышались окрики извозчиков. А здесь, в спальне, томились в тупом однообразии десять питомцев. Янкель в углу, поймав кошку, ожесточенно тянул ее за хвост. Та с отчаянной решимостью старалась вырваться, потом после безуспешных попыток, жалобно замяукала.

— Брось, Янкель. Чего животную мучаешь, — лениво попробовал защитить «животную» Воробей, но Янкель продолжал свое.

5715

— Янкель, не мучь кошку. Ей тоже небось больно, — подтвердил Косарь.

Кошкой заинтересовались все. Сперва глядели безучастно, когда увидели, что бедной кошке невтерпеж, стали заступаться.

— И чего привязался, в самом деле!

— Ведь больно же кошке, отпусти.

— Потаскал бы себя за хвост, тогда узнал бы.

В спальню вошел воспитатель.

— Ого, Батька, пришел! Дядя Сережа, дядя Сережа, расскажите нам что-нибудь,— попробовал заигрывать Цыган, но осекся.

Батька строго посмотрел на него и отчеканил:

— Громоносцев, не забывайтесь. Я вам не батька и не Сережа, и прошу ложиться спать без рассуждений.

Дверь с треском захлопнулась.

Долго ворочались беспокойные шкидцы на поскрипывающих койках, и каждый по-своему обдумывал случившееся, пока крепкий властный сон не одолел их тревоги и, под звуки разучиваемого Верблюдычем мотива, не унес их далеко прочь из душной спальни.

Утром Янкель проснулся от беспокойной мысли:

«Цел ли табак?».

Сперва отмахнулся, но тревожное предчувствие чего-то не оставляло его. Он против воли встал и прокрался в зал.

Вот и кафедра. Янкель, поднатужась, приподнял ее и, стараясь удержать край на высоте, заглянул под низ, но табаку не увидел.

Тогда, мокрый от волнения, разыскал он толстую деревянную планку и подложил под край, а сам лег на живот и стал шарить. Табаку не было. Янкель зашел с другой стороны, опять поискал: попрежнему рука ездила по пыльной поверхности пола.

Он похолодел и, стараясь успокоить себя, сказал вслух:

— Наверно под другой кафедрой.

Опять усилия, ползанье и опять разочарование. Под третьей кафедрой табаку также не оказалось.

— Сперли табак, черти! — яростно выкрикнул Янкель, забыв осторожность.

— Тискать у товарищей! Ну, хорошо, — злобно погрозив кулаком по направлению спальни, он тихо вышел из зала и зашел в ванную.

Когда он снова показался в дверях, на лице уже играла улыбка, а в руках, словно посмеиваясь, краснела чья-то чужая четвертка.

— Элла Андреевна! А как говорят: «Ди фенстер» или «Дас фенстер»?

— Дас. Дас.

Эланлюм любила свой немецкий язык до самозабвения и всячески старалась привить эту любовь и своим питомцам, поэтому ей было очень приятно слышать назойливое гудение класса, зазубрившего новый рассказец о садовниках.

— Сорокин. О чем задумался? Учи урок.

— Воробьев. Перестань читать посторонние книги. Дай ее сюда немедленно.

— Элла Андреевна, я не читаю.

— Дай сюда немедленно книгу.

Книга Воробья водворилась на стол, и Эланлюм вновь успокоилась.

Когда истек срок, достаточный для зазубривания, голос немки возвестил:

— Теперь приступим к пересказу. Громоносцев, читай первую строку.

Громоносцев легко отчеканил по-немецки первую фразу:

— У реки был берег и на земле стоял дом.

— Черных, продолжай.

— У дома стояла яблоня, на яблоне росли яблоки.

Вдруг в середине урока в класс вошел Верблюдыч и скверным дребезжащим голосом проговорил, обращаясь к Элланлюм:

— Ошень звиняйсь, Элли Андревна. Виктор Николайч просил прислать к нему учеников Черного, Громо-

СССР.ВИМ.В.Г.Белинского http://bookuraic.ru/

носцева унд Воробьева. Разрешить, Элли Андреевна, их уводить.

— Не Черного, а Черных! Научись говорить, Верблюд! — пробурчал оскорбленный Янкель, втайне гордившийся своей оригинальной фамилией, и захлопнул книгу.

По дороге ребята сосредоточенно молчали, а обычно ласковый и мягкий Верблюдыч угрюмо теребил прыщеватый нос и поправлял пенснэ.

Невольно перед дверьми кабинета завшколой шкидцы замедлили шаги и переглянулись. В глазах у них застыл один и тот же вопрос: «Зачем зовет? Неужели?»

Викниксор сидел за столом и перебирал какие-то бумажки. Шпаргонцы остановились, выжидательно переминаясь с ноги на ногу и нерешительно поглядывая на зава.

Наступила томительная тишина, которую робко прервал Янкель.

— Виктор Николаевич. Мы пришли.

Заведующий повернулся, потом встал и нараспев проговорил:

— Очень хорошо, что пришли. Потрудитесь теперь принести табак!

Если бы завшколой исполнил перед ними танец живота, и то тройка не была бы так удивлена.

— Виктор Николаевич! Мы ничего не знаем. Вы нас обижаете! — раздался единодушный выкрик, но завшколой напирал:

— Несите табак!

— Да мы не брали.

— Несите табак!

— Виктор Николаевич. Ей богу, не брали, — побожился Янкель и так искренно, что даже сам удивился и испугался.

— Вы не брали? Да? — ехидно спросил зав. — Значит, не брали?

Ребята сробели, но еще держались.

— Нет. Не-е брали.

— Вот как. А почему же ваши товарищи сознались и говорили про вас?

— Не знаем.

— Не знаете? А табак узнаете? — Викниксор указал на стол, а вместе с этим у ребят рухнули последние надежды. На столе лежали надорванные помятые семь пачек похищенного табаку.

— Ну, как же, не брали табак? А?

— Брали, Виктор Николаевич!

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Живо принесите сюда! — скомандовал заведующий.

За дверями тройка остановилась.

Янкель, сплюнув, ехидно пробормотал:

— Ну, вот и влопались. Теперь табачок принесем, а потом примутся за нас. А на кой чорт, спрашивается, брали мы этот табак!

— Но кто накатил, сволочи? — возмутился искренне Цыган.

— Кто накатил?

Этот злосчастный вопрос повис в воздухе, и, не решив его, тройка поползла за своими «заначками».

Первым вернулся Янкель. Положил, посапывая носом, пачку на стол зава и отошел в сторону. Потом пришел Воробей, Громоносцева не было.

Прошла минута, пять, десять минут — Кольки все не было.

Викниксор уже терял терпение, как вдруг Цыган ворвался в комнату и в замешательстве остановился:

— Ну, — буркнул зав. — Ну?

Цыган молчал.

— Где табак?

— Виктор Николаевич, у меня нет... табаку... У меня... тиснули, украли табак, — послышался тихий ответ Цыгана.

Янкеля передернуло. Так вот чей табак взял он по злобе, а теперь бедняге Кольке придется отдуваться!

Рассвирепевший Викниксор подскочил к Цыгану и, схватив его за шиворот, стал яростно трясти, тихо приговаривая:

— Врать, каналья. Врать, каналья. Неси табак. Неси табак.

Янкелю казалось, что трясут его, но сознаться не хватало силы. Вдруг он нашел выход.

— Виктор Николаевич! У Громоносцева нет табаку, это правда.

Викниксор прекратил тряску и гневно уставился на защитника. Янкель замер, но решил довести до конца свою версию.

— Видите ли, Виктор Николаевич. Одну пачку мы скурили. Одна была ведь лишняя, а одну... а одну вы ведь нашли наверно сами. Да. Так вот это и была, я говорю, и была Громоносцева пачка-то, была, я говорю.

— Да, правильно. Мне воспитатель принес, — задумчиво пробормотал заведующий и потом добавил: — Ну, можете итти. Потом будем говорить особо.

Кончились уроки. С шумом и смехом, громко стуча выходной дверью, уходили приходящие.

Янкель с тоской посмотрел, как захлопнулась дверь за последним и как дежурный, надев на нее цепочку, щелкнул ключом.

«Гулять пошли, задрыги. Домой», — тоскливо подумал, он и нехотя поплелся в спальню.

При входе его огорошил невероятный шум. Спальня бесилась.

Лишь только он показался в дверях, к нему сразу подлетел Цыган:

— Гришка! Знаешь, кто выдал нас, а?

— Кто?

— Гога — сволочь!

Гога стоял в углу, прижатый к стенке мятущейся толпой, и, напуганный, мягко отстранял кулаки от носа.

Янкель сорвался с места и подлетел к Гоге.

— Ах, ты, подлюга! Как же ты мог выдать это, а?

— Д-д-да я ей богу, не нарочно, б-б-ратцы. Не нарочно,— взмолился тот, вскидывая умоляющие коричневые глаза и силясь объясниться. — В-ви-ви-тя п-п-п-озвал меня к се-бе и гговорит: Т-ты украл табак, мне сказали. А я д-думал вы сказали и ссознался. А п-потом он спрашивает, к-как мы ук-крали. А я и ск-казал. Сперва, Ч-черных и Косоров, п-пошли, а п-п-потом Громоносцев, а потом и все.

— А-а п-потом все, зануда! — передразнил Гогу Янкель, но бить его было жалко и потому, что он так глупо влип, и потому, что вообще он возбуждал жалость к себе.

Плюнув, Янкель отошел и лег на койку.

Разбрелись и остальные, оставив в углу заику, стоявшего попрежнему, как наказанный.

— Что-то будет, — вздохнул кто-то.

— Что-то будет!

Янкель разозлился и, вскочив, яростно выкрикнул:

— Чего заныли, охмурялы! Что-то будет! Что-то будет! Что будет, то и будет, а скулить нечего! Нечего тогда было и табак тискать, чтоб потом хныкать!

— А кто тискал-то?

— Вы тискали.

— Нет, ты!

Янкель остолбенел.

— Почему же я-то? Я тискал для себя, а ваше дело было сторона. Зачем лезли?

— Ты подначил!

СОЮЗ Б. Г. Белинского http://book.../

Замолчали.

Предчувствие висящего над головой наказания тяготило больше всего. Была скопившаяся злоба к кому-то, и казалось, дай малейший повод, они накинулись и избили бы кого попало, только чтобы сорвать накопившуюся ненависть.

Легче, казалось, было бы, если бы уже было известно наказание, а неизвестность еще больше давила, чем ожидание.

То и дело кто-нибудь нарушал тишину печальным вздохом и опять замирал в молчаливом обдумывании.

Янкель лежал и бессмысленно глядел в потолок. Думать ни о чем не хотелось, да и не думалось. Его раздражали эти оханья и вздохи.

— Зачем мы пошли за этим сволочным Янкелем, — нарушил тишину Воробей, и голос его прозвучал так отчаянно, что Гришка больше не выдержал. Ему захотелось сказать что-нибудь такое едкое и злое, чтоб Воробей заплакал. Но он ограничился только насмешкой:

— Пойди, Воробышек, сядь к Вите на колени и попроси прощения.

— И пошел бы, еслиб не ты.

— Дурак.

— Сам дурак. Сманил всех, а теперь лежит себе.

Янкель рассвирепел.

— Ах, ты, сволочь белобрысая! Я тебя сманивал?

— Всех сманил!

— Факт, сманил, — послышались голоса с кроватей.

— Сволочи вы, а не ребята, — кинул Янкель, не зная, что сказать.

— Ну, ты полегче. За сволочь морду набьем.

— А ну, набейте.

— И набьем. Еще кошек мучает!

— Сейчас вот развернусь, да как дам, — услышал Янкель над собой голос Воробьева и вскочил с койки.

— Дай ему, Воробышек! Дай, не бойся. Мы поможем!

Положение принимало угрожающий оборот, и неизвестно, что сделала бы с Янкелем рассвирепевшая Шкида, если бы, в этот момент в спальню не вошел заведующий. Ребята вскочили с кроватей и сели, опустив головы и храня гробовое молчание.

Викниксор прошелся по комнате, поглядел в окно, потом дошел до середины и остановился, испытующе оглядывая воспитанников. Все молчали.

— Ребята, — необычайно громко прозвучал его голос. — Ребята, на педагогическом совете мы только что разо-

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

брали ваш поступок. Поступок скверный, низкий, мерзкий. Это — поступок, за который надо выгнать воспитанников из школы. Понимаете, надо выгнать! — Викниксор сделал ударение, и головы опустились еще ниже. — Но мы его не решили просто так и легко. Мы долго его обсуждали и разбирали, долго взвешивали вашу вину и после всего уже решили. Мы решили...

У шкидцев занялся дух. Наступила такая тяжелая тишина, что, казалось, упади на пол спичка, она произвела бы грохот. Томительная пауза тянулась невыносимо долго, пока голос заведующего не оборвал ее:

— И мы решили, мы решили... не наказывать вас совсем...

Минуту стояла жуткая тишь. Потом прорвалась.

— Виктор Николаевич. Спасибо...

— Неужели, Виктор Николаевич?

— Спасибо. Больше никогда этого не будет.

— Не будет. Спасибо.

Ребята облепили заведующего, сразу ставшего таким хорошим, похожим на отца, и мягко терлись от избытка чувств, не зная, что сказать. А он стоял, улыбался, гладил рукой склоненные головы.

Кто-то всхлипнул под наплывом чувств, кто-то повторил, и вдруг все заплакали.

Янкель крепился и вдруг почувствовал, как слезы невольно побежали из глаз, и странно — вовсе не было стыдно за эти слезы, а наоборот, стало легко, словно вместе с ними уносило всю тяжесть наказания.

Викниксор молчал.

Гришке вдруг захотелось показать свое лицо заведующему, показать, что оно в слезах и что слезы эти настоящие, как настоящее раскаяние.

В порыве он задрал голову и еще более умилился.

Викниксор — гроза шкидцев, Викниксор — строгий заведующий школой тоже плакал, как и он, Янкель — шкидец...

Так просто и неожиданно кончилось просто и неожиданно начавшееся дело о табаке японском — первое крупное дело в истории республики Шкид...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ukrai.ru/

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ-ПОД СМОЛЬНОГО.

Маленький человек.— На Канонерский остров.— Шкида купается.— Гутен таг, камераден.— Бисквит из Гамбурга.— Идея Викниксора.— Гимн республики Шкид.

У дефективной республики Шкид появился шеф — портовые рабочие.

Торг-порт сперва помог деньгами, на которые прикупили учебников и необходимых продуктов, потом привез дров, а когда наступило лето, предоставил детдому Канонерский остров и территорию порта для экскурсий и прогулок.

Прогулки для Шкиды были праздником. Собирались с утра и проводили в порту весь день, и только поздно вечером, довольные, но усталые, успокаивались на койках.

Обычно сборы на остров поглощали все внимание воспитанников. Они бегали, суетились, одни доставали из гардероба пальто, другие запаковывали корзины с «шамовкой», третьи суетились просто так, потому что на месте не сиделось.

Не мудрено поэтому, что в одно из воскресений, когда происходили сборы для очередного похода в порт, ребята совершенно не заметили внезапно появившейся маленькой фигурки в сером довольно потертом пальтишке и шапочке, похожей на блин.

Он — этот маленький незаметный человечек изумленно поглядывал на суетившихся и шмыгал носом. Потом, чтобы не затолкали, он прислонился к печке и так и замер в уголке, приглядываясь к окружающим.

Между тем ребята построились в пары и ожидали команды выходить на улицу.

Викниксор в последний раз обошел ряды и тут только заметил притулившуюся в углу фигурку.

— Ах, да. Эй, Еонин, иди сюда. Встань в задние ряды. Ребята. Это новый воспитанник, — обратился он к выстроившейся Шкиде, указывая на новичка.

Собрание В. Г. Белинского
http://book.kitaec.ru/

Ребята оглянулись на него, но в следующее же мгновенье забыли про его существование.

Школа тронулась.

Вышли на улицу, по-воскресному веселую, оживленную. Со всех сторон, как воробьи, чирикали торговки семячками, блестели от солнца теплые панели. До порта было довольно далеко, но бодро настроенные шкидцы шли быстро, и скоро скрипнули синие ворота торгового порта, впуская своих подшефников.

Сразу повеяло прохладой и простором. Впереди сверкала вода канала, какая-то особая, более бурливая и волнующаяся, чем вода серой Фонтанки.

Несмотря на праздник, порт работал. Около приземистых, широких как киты пакгаузов суетились грузчики, сваливая мешки с зерном. От движения тонкий слой пыли все время не переставал серебриться в воздухе.

Дальше у берега стоял немецкий пароход, прибывший с паровозами.

Шкидцы попробовали прочесть название, но слово было длинное и разобрали его с трудом — «Обербюргермейстер».

— Ну, и словечко. Язык свернешь, — удивился Мамочка, недавно пришедший в Шкиду ученик.

Мамочка — это было его прозвище, а прозвали его так за постоянную поговорку: «Ах, мамочки мои».

«Ах, мамочка» постепенно преобразовалось в Мамочку и и так и осталось за ним.

Мамочка был одноглазый. Второй глаз ему вышибли в драке, и поэтому-то он всегда носил на лице черную повязку.

Несмотря на свой недостаток, Мамочка оказался очень задиристым и бойким парнем, и скоро его полюбили.

Вот и теперь Мамочка не вытерпел, чтобы не показать язык немецкому матросу, стоявшему на палубе.

Тот, однако, не обиделся и, добродушно улыбнувшись, крикнул ему:

— Здрасте, комсомол!

— Ого. Холера! По-русски говорит, — удивились ребята, но останавливаться было некогда. Все торопились на остров, солнце уже накалило воздух и хотелось купаться.

Прошли быстро под скрипящим и гудевшим от напряжения громадным краном и, уже издали оглянувшись, увидали, как гигантская стальная лапа, ухватив за хребет новенький немецкий паровоз, тихо подняла его на воздух.

Наконец и остров.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В лодках переехали через канал и углубились в зелень, — по обыкновению шли в самый конец Канонерского, где остров превращался в длинную, узкую дамбу.

Жара давала себя знать. Лица ребят уже лоснились от пота, когда, наконец, Викниксор сказал, что пора остановиться.

— Ура-а-а! Купаться!

— Купа-а-аться!

Сразу каменистый скат покрылся голыми телами. Море едва дышало тихим ветром на берег, но вода у берега беспокойно волновалась.

Откуда-то накатывались валы и с шумом обрушивались на камни.

В воду влезать было трудно, так как волна быстро выбрасывала купающихся на камни. Но ребята уже приноровились.

— А ну, кто разжигает? Начинай! — выкрикнул Янкель, хлопая себя по ляжкам.

— Разжигай!

— Дай я. Я разожгу, — выскочил вперед Цыган. Встал у края, подождал, пока не подошел крутой вал, и нырнул прямо в водяной горб.

Через минуту он уже плыл, подкидываемый волнами.

Один за другим исчезали в волнах тела и потом выпрыгивали где-то далеко от берега на отмели.

Янкель остался последний и уже хотел нырять, как вдруг заметил новичка.

— А ты что же не купаешься?

— Не хочу. Да и не умею.

— Купаться не умеешь?

— Ну да.

— Вот так да, — искренно удивился Черных, а потом вдруг добавил. — Все равно раздевайся и лезь, а то ребята засмеют. Да ты не бойся, здесь мелко.

Еонин нехотя разделся и полез в воду. Был он худенький, слабенький, несмотря на свои четырнадцать лет, и движения у него были какие-то угловатые.

Два раза Еонина вышвыривало на берег, но Янкель, плававший вокруг, ободрял:

— Ничего. Это с непривычки. Уцепись за камни крепче, как волна найдет.

Потом ему стало скучно возиться с новичком, и он поплыл за остальными.

На отмели ребята отдыхали, валяясь на песке и издеваясь над Викниксором, плававшим, по шкидскому определению, по-бабьи.

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book-kai.ru/

Время летело быстро. Как-то незаметно берег вновь усыпали тела.

Ребята накупались вдоволь и теперь просили есть.

Роздали хлеб и по куску масла.

Тут Янкель вновь вспомнил про новичка и, решив поговорить с ним, стал его искать, но Еонина не было.

— Виктор Николаевич, а новичку дали хлеб? — спросил он быстро, но Викниксор ответил отрицательно.

Тогда Янкель, взяв порцию хлеба, пошел его разыскивать.

Велико было его изумление, когда его глазам представилась следующая картина. За кустами на противоположной стороне дамбы сидел новичок, а с ним двое немецких моряков.

Все трое оживленно разговаривали.

«Ого! Новичок-то по-немецки жарит», — с невольным восхищением подумал Янкель и выскочил из-за куста.

Тройка удивленно оглядела нового пришельца, потом немцы заулыбались и, приветливо кивнув головами, пригласили сесть, стараясь пояснить приглашение речью и жестами. Янкель, не желая ударить лицом в грязь, призвал всю свою память и, наконец, собрав несколько подходящих фраз, слышанных на немецком языке, галантно поклонился и произнес:

— Гутен таг, дейтчлянд камераден.

— Гутен таг. Гутен таг, — обрадовались немцы, но Янкель уже больше ничего не мог сказать связного и поэтому, передав хлеб новичку, помчался обратно. Там он, состроив невинную улыбку, подошел к заведующему.

— Виктор Николаевич, а как по-немецки сказать: «Товарищ, дай мне папироску»?

Викниксор добродушно улыбнулся.

— Не знаю. Спроси у Эллы Андреевны. Она в будке.

Янкель отошел.

Эланлюм действительно сидела в будке — в полуразрушенной маленькой беседке. Она пришла позже детей и, выкупавшись в стороне, теперь отдыхала.

Янкель опять спросил, но Эланлюм удивленно вскинула глаза.

— Зачем это тебе?

— Так. Хочу разговорный немецкий язык выучить.

Эллушка минуту подумала, потом сказала:

— Камраден. Битте гебен зи мир айне сигаретте.

— Спасибо, Элла Андреевна, — выкрикнул Янкель и помчался к немцам.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urai.ru/

Там он опять поклонился и повторил фразу. Немцы засмеялись и вынули по сигарете. Янкель взял обе и ушел, вполне довольный своей проделкой.

На берегу он вытащил сигарету и закурил. Душистый табак щекотал горло. Почувствовав непривычный запах, ребята окружили его.

— Где взял?

— Сигареты курит!

Но Черных промолчал и только рассказал о новичке и о том, что тот хорошо говорит по-немецки.

Однако, ребята уже разыскали немцев. Поодиночке вся Шкида скоро собралась вокруг моряков.

Еонин стал служить переводчиком.

Он переводил вопросы ребят на немецкий язык — немцы отвечали.

Ребята так увлеклись беседой, что даже не заметили, как подошел заведующий с немкой.

— Ого. Да тут гости, — раздался его голос.

Эланлюм сразу затараторила по-немецки, улыбаясь широкой улыбкой.

Ребята ничего не понимали, но сидели и с удовольствием рассматривали иностранцев, а старшие сочли своим долгом ближе познакомиться с новичком, выказавшим такие познания в немецком языке.

— Где ты научился так здорово говорить? — спросил его Цыган.

Еонин улыбнулся.

— А там, в Очаковском. Люблю немецкий язык, ну и учился.

— А что это за Очаковский?

— Интернат. Раньше так назывался. Он под Смольным находится. Я оттуда и переведен к вам.

— За бузу? — серьезно спросил Воробей.

Новичок помолчал. Потом загадочно ответил.

— За все... И за бузу тоже.

Постепенно разговорились. Новичок рассказал о себе, о том, что жил круглой сиротой, что где-то у него есть дядя, но где — он и сам не знает, что мать умерла после смерти отца, а отца убили в четырнадцатом году на фронте. За разговором время бежит быстро, только оклик Викниксора вернул ребят к действительности.

Солнце опускалось за волнующееся водное зеркало Финского залива. Обратно шли с моряками.

Когда вышли на территорию порта, немцы поблагодарили за дружеское участие и, попросив минутку подождать,

скрылись на корабле. Через минуту они вернулись с пакетом и, что-то сказав, передали его Эланлюм.

Немка засияла.

— Дети, моряки дарят вам печенье за хорошее к ним отношение.

Шкида радостно загоготала и, махая шапками на прощанье, двинулась к воротам.

Только один Горбушка остался недоволен тем, что немцы очень мало дали.

Он всю дорогу тихо бубнил, доказывая своему соседу в паре, Косарю, что немцы пожадничали.

— Тоже дали. Чтоб им на том свете черти водички столько дали. Это же не подарок, а одна пакость!

— Почему же? — робко допытывался Косарь.

— Да потому, что если разделить это печенье, то по одной штуке достанется только, — мрачно изрек Горбушка, а потом добавил после некоторого раздумья: — разве может еще одна лишняя будет, для меня.

— Ну, ладно, не скули! — крикнули на Горбушку старшие.

А Цыган, не удовольствовавшись словами, еще мрачно прихлопнул ладонью по Горбушке и тем заставил, наконец, его смириться.

Горбушка получил прозвище благодаря необычной форме своей головы. Черепная коробка его была сдавлена и шла острым хребтом вверх, действительно напоминая горбушку.

Несмотря на то, что Горбушка был новичок, он уже был известен, как вечный брюзга и ворчун, поэтому на его «скульбу» обычно никто не обращал внимания, а если долгое ворчанье надоедало ребятам, то они поступали так, как поступил Цыган.

Теплое чувство к морякам осталось у шкидцев и особенно у Янкеля, у которого, кроме приятных воспоминаний, сохранилась еще от этой встречи заграничная сигарета с узеньким золотым ободком.

После этой прогулки ребята прониклись уважением к новичку, так хорошо говорившему по-немецки.

Случай с немцами выдвинул Еонина сразу, и то обстоятельство, что старшие шли с ним рядом, показывало, что новичок попадет в «верхушку» Шкиды.

Так и случилось. Еонин завоевал свое место скоро. Умный, развитой и в то же время большой бузила, он пришелся по вкусу старшим, к тому же его и перевели в четвертое отделение. Скоро у него была и кличка — Японец, а получил он ее за свою «субтильную», по выражению Мамочки, фигуру.

СОЦНИ В. Г. Бельского http://book.uraic.ru/

Еще больше возвысился Японец, когда оказался творцом шкидского гимна.

Случилось это однажды вечером.

Воспитатели сгоняли воспитанников в спальни, и классы уже опустели. Только в четвертом отделении сидели Янкель и Япончик.

Янкель рисовал, а Японец что-то переписывал из немецкого учебника.

Вдруг в класс вошел Викниксор. Повидимому, он был в хорошем настроении, так как все время мурлыкал под нос какой-то боевой мотив.

Он походил по классу, осмотрел стены и согнувшиеся фигуры воспитанников и вдруг, остановившись перед партой, произнес:

— А знаете, ребята. Нам нужно сочинить свой гимн школьный!

Янкель и Японец удивленно вскинули глазами на заведующего и деликатно промолчали, а тот продолжал:

— Ведь наша школа — это своего рода республика. У нас свои запросы, свои интересы, поэтому у нас должен быть и свой гимн.

— Ясно, — неопределенно промямлил Янкель и переглянулся с Японцем.

— Ну, так в чем же дело? — вдруг оживился Викниксор. — Давайте, сейчас сядем втроем и сочиним гимн! У меня даже идея есть. Мотив возьмем студенческой песни «Гаудеамус». Будет очень хорошо.

— Давайте, — нехотя согласились будущие творцы гимна.

Викниксор, весь захваченный новой идеей, сел и объяснил размер, два раза пропев «Гаудеамус».

Янкель достал лист, и приступили к сочинению.

Викниксор вместе с ними, позабыв достоинство и недоступность зава, старательно подбирал строчки и рифмы.

Уже два раза в дверь заглядывал воспитатель и, подивившись необычайной картине, не посмел тревожить воспитанников и вести их спать, так как оба они находились под покровительством Викниксора.

Наконец, через час, после усиленного обдумывания и споров, гимн был готов.

Троица творцов направилась в Белый зал, где Викниксор, сев за рояль, взял первые аккорды.

Оба шкидца, положив лист на пюпитр, приготовились петь.

Сканы им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Наконец, грянул аккомпанимент, и два голоса воспитанников смешались с басом завшколой в единодушном исполнении нового гимна республики Шкид.

Мы из разных школ пришли,
Чтобы здесь учиться.
Братья, дружною семьей
Будем же трудиться.
Бросим прежнее житье,
Позабудем, что прошло.
Смело к но-о-вой жизни.
Смело к но-о-вой жи-и-зни.

Время для пения было недостаточно подходящее. Наверху в спальнях уже засыпали ребята, а здесь внизу, среди наползающей тишины, три глотки немилосердно рвали голосовые связки, стараясь словно перекричать друг друга.

Школа Достоевского,
Будь нам мать родная,
Научи, как надо жить
Для родного края.

Ревел бас Викниксора, сливаясь с мощными аккордами Беккеровского рояля, а два тоненьких и слабых голоска подхватывали:

Путь наш длинен и тяжел,
Много предстоит трудов,
Чтобы вы-и-йти в лю-у-ди.
Чтобы вы-и-й-ти в лю-у-ди.

Когда пение кончилось, Викниксор встал и, отдышавшись, сказал:

— Молодцы! Завтра же надо будет спеть наш гимн всей школой.

Янкель и Японец, гордые похвалой, с поднятыми головами прошли мимо воспитателя и отправились в спальню.

На другой день вся Шкида зубрила новый гимн республики Шкид, а имена новых шкидских Руже-де-Лилей [1] — Янкеля и новичка Японца — не сходили с уст возбужденных и восхищенных воспитанников.

Гимн сразу поднял новичка на недосягаемую высоту, и оба автора сделались героями дня.

Вечером вся школа под руководством Викниксора уже организованно пела свой гимн.

---

[1] Руже-де-Лиль — сочинитель французского гимна.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ХАЛДЕИ.

Человек в котелке. — Исчезновение в бане. — Опера и оперетта. — Война до победного конца. — Кое-что о пессимисте со спичкой. — Безумство храбрых.

Халдей — это по-шкидски воспитатель.

Много их перевидела Шкида. Хороших и худых, злых и мягких, умных и глупых и, наконец, просто неопытных, приходивших в детдом для того, чтобы получить паек и быть на месте. Голод гнал на пост педагога и воспитателя людей, раньше не имевших и представления об этой работе, а работа среди дефективных подростков дело тяжелое. Чтобы быть хорошим воспитателем, нужно было иметь железные нервы, выдержку и громадную силу воли.

Только истинно-преданные этому делу работники могли в девятнадцатом году сохранить эти качества, и только такие люди работали в Шкиде, а остальные, пайкоеды или слабовольные, приходили, осматривались день-два и убегали прочь, чувствуя свое бессилие перед табуном задорных и дерзких воспитанников.

Много их перевидела Шкида.

Однажды в плохо окрашенную дверь Шкиды вошел человек в котелке. Он был маленький, щуплый. Птичье личико его заросло бурой бородкой. Во всей фигуре новопришедшего было что-то пришибленное, робкое. Он вздрагивал от малейшего шороха, и тогда маленькие водянистые глаза на птичьем личике испуганно расширялись, а веки помимо воли опускались и закрывали их, словно в ожидании удара. Одет человек был очень бедно. Грязно-темное драповое пальто, давно просившееся на покой, мешком сидело на худеньких плечах, бумажные неглаженные брюки свисали из-под пальто и прикрывали порыжевшие сапоги солдатского фасона. Это был новый воспитатель, уже зачисленный в штат, и теперь он пришел

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

посмотреть и познакомиться с детьми, среди которых должен был работать. Скитаясь по комнатам безмолвной тенью, маленький человек зашел в спальню.

В спальне топилась печка, а около грелись Японец, Горбушка и Янкель.

Маленький человек осмотрел ряды кроватей и, хотя было ясно видно, что это спальня, все же спросил:

— Это что — спальня?

Ребята изумленно переглянулись, потом Япошка скорчил подобострастную мину и приторно ответил:

— Да, это спальня.

Человек тихо кашлянул.

— Так. Так. Гм... Это вы печку топите?

— Да, это мы печку топим. Дровами, — уже язвительно ответил Японец, но человек не обратил внимания.

— Гм... И вы здесь спите?

— Да, и мы здесь спим.

Человек минуту походил по комнате, потом подошел к стене и пощупал портрет Зиновьева.

— Это что же, сами рисовали? — снова спросил он.

В воздухе запахло комедией. Янкель подмигнул ребятам и ответил:

— Да, это тоже сами рисовали.

— А кто же рисовал?

— А я рисовал, — Янкель с серьезным видом подошел к воспитателю и молча уставился в него, ожидая вопросов.

Маленький человек оглядел комнату еще раз и остановил взгляд на кроватях.

— Это ваши кровати?

— Да, наши кровати.

— Вы спите на них?

— Мы спим на них.

Потом Янкель с невинным видом добавил:

— Между прочим, они деревянные.

— Кто? — не понял воспитатель.

— Да кровати наши.

— Ах, они деревянные! Так, так, — бормотал человек, не зная, что сказать, а Янкель уже зарвался и все так же невинно продолжал:

— Да, они деревянные. И на четырех ножках. И покрыты одеялами. И стоят на полу. И пол тоже деревянный.

— Да, пол деревянный, — машинально поддакнул халдей. Японец хихикнул. Шутка показалась забавной, и он

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

в свою очередь, растягивая слова, серьезно проговорил, обращаясь к воспитателю:

— Обратите внимание. Это печка.

— Да, я вижу, что это печка.

Халдей уже нервничал, но шутка продолжалась.

— А печка каменная. А это дверцы. А сюда дрова суют.

Маленький человечек начал понимать, что над ним смеются, и поспешил выйти из комнаты.

Скоро вся Шкида уже знала, что по зданию ходит человек, который обо всем спрашивает.

За человеком стала ходить толпа любопытных, а более резвые шли впереди него и под общий хохот предупредительно объясняли...

— А вот тут дверь...

— А это вот класс...

— А это вот парты. Они деревянные.

— А это стенки. Не расшибитесь.

Через полчаса затравленный новичок укрылся в канцелярии, а толпа ребят гоготала у дверей, издеваясь над жертвой любознательности.

Запуганный приемом маленький человечек больше уже не приходил в Шкиду. Человек в котелке понял, что ему здесь не место, и удалился так же тихо, как и пришел.

Не совсем так обстояло дело с другими.

Однажды Викниксор привел нового воспитателя.

Воспитатель произвел на всех чарующее впечатление, и даже шкидцы почувствовали в нем силу.

Он был молод, хорошо сложен и обладал звучным голосом. Черные непокорные кудри шапкой трепались на гордо поднятой голове, а глаза сверкали, как у греческого бога.

В первый же день дежурства ему выпало на долю выдержать воспитательский искус. Нужно было вести в баню Шкиду.

Однако, юноша не сробел, и уже со второй перемены голос его призывно гремел в классах.

— Воспитанники. Получайте белье. Сегодня пойдете в баню.

Шкидцы тяжелы на подъем. Сразу же десяток гнусавых голосов застонал:

— Не могу в баню. Голова болит.

— У меня поясница разболелась.

— Руку ломит.

— Чего мучаете больных! Не пойдем!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Но номер не прошел. Голос новичка загремел так внушительно и властно, что даже проходивший мимо Викниксор умилился и любовно подумал:

«Из него выйдет хороший воспитатель».

Шкидцы покорились. Ворча шли получать белье в гардероб, потом построились парами в зале и затихли, ожидая воспитателя.

А тот в это время получал в кладовой месячный паек продуктов в виде аванса.

Ученики ждали вместе с Викниксором, который хотел лишний раз полюбоваться на энергичного новичка. Наконец тот пришел. За спиной болтался вещевой мешок с продуктами.

Он зычно скомандовал равняться, потом вдруг замялся, нерешительно подошел к Викниксору и вполголоса проговорил:

— Виктор Николаевич. Видите ли, я не знал, что ученики пойдут в баню... и поэтому не захватил белья.

— Ну, так в чем же дело?

— Да, я, видите ли, хочу попросить, чтобы мне на один день отпустили казенное белье. Я потом его принесу, как только сменюсь.

Обычно это не допускалось, но воспитатель был так хорош и так понравился своим поведением Викниксору, что тот невольно уступил.

Белье тотчас же подобрали, и школа тронулась в баню. Все шло благополучно.

Пары стройно поползли по улице, и даже ретивые бузачи не решались швыряться камнями и навозом в трамвай и прохожих.

В бане шумно разделись и пошли мыться.

Воспитатель первый забрался на полок и совсем забыл про воспитанников, увлекшись мытьем.

Потом ребята одевались, ругались с банщиком, стреляли папиросы и совсем не заметили, что воспитателя нет. Уже все были готовы. Прождали полчаса, но его все не было. Обыскали всю баню и не нашли. Тогда решили итти одни.

Нестройная орда взбесила Викниксора, он прежде всего решил сделать выговор новичку, но тот не явился. Не пришел он и на другой день, а Викниксор долго разводил руками и говорил сокрушенно:

— Такой солидный вид и такое мелкое шулерничество... Спер пару белья, получил продуктов на месяц и скрылся!

Однако, урок послужил на пользу, и к новичкам стали больше приглядываться.

Серия безнадежных не кончается этими двумя. Их было больше.

Одни из них приходили, другие уходили, но цель была одна: что-нибудь заработать. Каждый, чтобы удержаться, подлаживался то к учителям, то, наоборот, к воспитанникам.

Пал Ваныч, молодой педагог, обладал в этом отношении большой способностью.

Он с первого же дня взял курс на ученика, и, когда ему представили класс старших, он одобрительно улыбнулся и бодро сказал:

— Ну, мы с вами споемся!

— Факт, споемся, — подтвердили ребята.

Спевка началась на первом же уроке.

Он пришел в класс и начал спрашивать у приглядывающихся к нему ребят об их жизни. Разговор клеился туго. Старшие оказались осторожными, и тогда для сближения Павел Иваныч решил рискнуть.

— Не нравятся мне ваши педагоги. Больно уж они строги к воспитанникам. Нет товарищеского подхода.

Класс удивленно безмолвствовал, только один Горбушка процедил: «Угу».

Разговор не клеился. Все молчали. Вдруг воспитатель, походив по комнате, неожиданно сказал:

— А ведь я хороший певец.

— Ну? — удивился Громоносцев.

— Да. И очень хорошо пою арии. Я даже в любительских концертах выступал.

— Ишь ты! — восхищенно воскликнул Янкель.

— А вы нам спойте что-нибудь, — предложил Японец.

— Верно спойте, — поддержали и остальные.

Пал Ваныч усмехнулся.

— Говорите, спеть надо... А урок...

— Ладно, урок потом. Успеется, — успокоил Мамочка, органически не любивший уроков.

— Ну, ладно, будь по-вашему, — сдался воспитатель.

— Только что же вам спеть? — он мучительно нахмурился, стараясь придумать номер.

— Да ладно. Спойте что-нибудь из оперы, — раздался нетерпеливый голос.

— Арию какую-нибудь.

— Ну, хорошо. Арию, так арию. Я спою арию Ленского из оперы «Евгений Онегин». Хорошо?

— Валите, пойте!

Смоленск

— Даешь! Чего там.

Пал Ваныч откашлялся и запел вполголоса:

Куда, куда, куда вы удалились
Весны моей златые дни.
Что день грядущий мне готовит....

Пел он довольно хорошо. Голос мягкий звучал верно, и, когда были пропеты заключительные строки, класс шумно аплодировал.

Только Мамочке не понравилась вещь.

— Пал Ваныч! Дружище! Дерните что-нибудь еще, только повеселей.

— Верно, Пал Ваныч. Песенку какую-нибудь.

Тот попробовал протестовать, но потом сдался.

— Что уж с вами делать. Мерзавцы этакие. Так и быть, спою вам сейчас студенческие куплеты. Когда бывало я учился, мы всегда их пели.

Он опять откашлялся и вдруг, отбивая ногой такт, рассыпался в задорном мотиве:

Не женитесь на курсистках,
Они толсты, как сосиски.
Коль жениться вы хотите,
Раньше женку подыщите.
Эх-эх, труля-ля...
Раньше женку подыщите...

Класс гоготал и взвизгивал.

Мамочка, тихо всхлипывая короткими смешками, твердил, восхищаясь:

— Вот это здорово! Сосиски.

Бурный такт песни закружил питомцев. Горбушка, сорвавшись с парты, вдруг засеменил посреди класса, отбивая русского.

А Пал Ваныч все пел:

Поищи жену в медичках,
Они тоненьки, как спички,
Но зато резвы, как птички,
Все женитесь на медичках.

Ребята развеселились и припев уже пели хором, прихлопывая в ладоши, гремя партами и подсвистывая. По классу металось безудержное:

Эх-эх! Труля-ля.
Все женитесь на медичках...

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Песню оборвал внезапный звонок за стеной. Урок был кончен.

Когда Пал Ваныч уходил из класса, его провожали гурьбой:

— Вот это да. Это свой парень! — восхищался Янкель, дотягиваясь до высокого воспитателя и дружески хлопая его по плечу.

— Почаще бы ваши уроки.

— Полюбили мы вас, Пал Ваныч, — изливал свое чувство Японец.

— Друг вы нам теперь. Можно сказать прямо — брат кровный.

Пал Ваныч, ободренный успехом, снисходительно улыбался.

— Мы с вами теперь заживем, ребята. Я в театр буду водить вас.

Скоро Пал Ваныч действительно стал своим парнем. Он водил ребят в театр, делился с ними школьными новостями, никого не наказывал, а главное не проводил уроков, устраивая чтение, или попросту объявлял, что сегодня свободный урок и желающие могут заняться чем угодно.

Пал Ваныч твердо решил завоевать расположение воспитанников и скоро его завоевал, да так крепко, что, когда пришел момент и поведение воспитателя педагогический совет признал недопустимым, Шкида, как один человек, поднялась и взбунтовалась, горой встав за своего любимца.

А любимец ходил и разжигал страсти, распространяясь о том, что его хотят выгнать. Бунт разгорелся страшный. Целую неделю дефективные натуры дико бузили, распоясавшись во-всю и объявив решительный бой педагогам.

Создалось ядро защиты.

Штаб работал беспрерывно. Руководителями восстания оказались по обыкновению из банды старших: Цыган, Японец, Янкель, Воробей. Они по целым дням заседали.

Рассылались агитаторы, целый штат которых носился в перемене по классам и произносил речи за срывы уроков.

— Не учитесь. Бойкотируйте педагогов, стремящихся прогнать нашего Пал Ваныча.

И уроки срывались.

Лишь только педагог начинал урок, в классе раздавалось тихое гудение, которое росло и переходило в рев.

Преимущество этого метода борьбы было в том, что нельзя было никого уличить.

Класс сидел смирно, сжав губы, и через нос мычал.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Кто мычит,—заметить невозможно. Лишь только педагог подходит к одному, тот замолкает и сидит поджав губы, отходит — мычание раздается опять.

Говорить невозможно. Мычание усиливается.

Уроки срывались один за другим.

Учителя, выбившиеся из сил, убегали с половины урока.

Постепенно борьба из простого протеста вылилась уже в настоящую войну. Штаб отдал приказ перейти к активной борьбе. Ночью в школе вымазали чернилами ручки дверей, усыпали сажей подоконники, воспитательские столы и стулья. Набили гвоздей в сиденья и около канцелярии устроили газовую атаку, — стащили большой кусок серы из химического шкафа и, положив его под вешалку, зажгли. Едкая серная вонь совершенно не давала возможности сидеть в канцелярии, но тщетно педагоги искали причины.

На уроках ребята открыто уже отказывались заниматься.

Целую неделю школа бесновалась. Педагогический состав растерялся. Они еще ни разу не встречали такого организованного восстания.

Воспитатели ходили грязные, вымазанные в чернилах и мелу, в порванных брюках и не знали, что делать. Общая растерянность еще больше ободрила восставших шкидцев.

Штаб работал, выдумывая все новые способы поразить халдеев. Заседали целыми днями, рассматривая проекты борьбы.

— Мы их заставим оставить у себя Пал Ваныча! — бесновался Японец.

— Правильно!

— Надо выпустить и расклеить плакаты, — выкрикивал свое предложение Янкель, любитель печатного слова.

Этот проект тотчас же приняли, и штаб поручил Янкелю немедленно выпустить плакаты. В боевом порядке он созвал весь наличный школьный состав художников и литераторов.

Плакаты начали изготовлять десятками, а проворные помощники расклеивали на стенках помещений грозные лозунги.

«Трепещите, халдеи».

«Мы не допустим изгнания хорошего педагога. Мы протестуем».

Воспитатели не успевали срывать листки.

Восстание разжигалось опытными и привычными к бузе руками. Уже в некоторых классах открыто задвигали двери партами, не давая входить на урок педагогам. Строились баррикады.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Среди воспитателей появилось брожение.

Откололась группа устрашившихся, которые начали поговаривать об оставлении Пал Ваныча. Но Викниксор встал на дыбы и, чтобы укротить восстание, решил поскорее убрать педагога. Его уволили в конце недели, но надежды, что вместе с его уходом утихнет буза, не оправдались.

Пал Ваныч сделал ловкий маневр. Когда ему объявили об увольнении, он пришел в класс старших и грустно поведал об этом воспитанникам.

Поднялась невероятная буря. Ребята клялись, что отстоят его, и дали торжественное обещание закатить такую бузу, какой Шкида ни разу не видела.

Возбужденные воспитанники обсудили создавшееся положение и твердо решили бороться до конца.

Этот день Шкида и педагоги запомнили надолго. Старший класс призвал все отделения к борьбе и дал решительный бой.

Штаб обсудил план действий, и сразу после ухода Пал Ваныча на стенах во всех помещениях запестрели плакаты.

«Мы требуем оставления педагога».

«Мы требуем».

В ответ на это за обедом Викниксор в пространной речи пробовал доказать, что этот воспитатель негоден, что он только развращает учеников, и закончил тем, что твердо подтвердил свое решение об исключении педагога.

— Он сюда больше не вернется, ребята. Я так сказал, так и будет!

Гробовое молчание было ответом на речь, а после обеда начался ад, которого не видела Шкида с первого дня основания школы.

Во всех залах, классах и комнатах закрыли двери и устанавливали западни из скамеек, щеток и стульев. Стоило только открыть дверь, как на голову входившего падало что-нибудь внушительное и оставляло неизгладимый след в виде шишки.

Такое положение не улыбалось педагогам, но нужно было проводить уроки. Они ринулись в бой, и после жаркой схватки баррикады были взяты штурмом. У троих педагогов на лбу и на затылках синели шишки. Однако они самоотверженно боролись.

В тот же день штаб отдал приказание начать «горячую» войну, и не одна пара воспитательских брюк прогорела от подложенных на стулья углей. Но держались педагоги стойко. Об уроках уже не могло быть и речи, нужно было удержать в своих руках власть, и только за это и шла борьба, жестокая и упорная.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Наступил вечер. За ужином Викниксор, видя угрожающее положение, сделал рискованную контр-атаку и объявил школу на осадном положении. Запретил прогулки и отпуска до тех пор, пока не прекратится буза. Но, увы, это только подлило масла в огонь. Приближались сумерки, и штаб решил испробовать последнее средство. Средство было отчаянное и смелое. Он выкинул лозунг: «Бей халдеев».

Как стадо диких животных, взметнулась вся школа. Сразу везде погасло электричество, и началась дикая расправа. В темноте по залу метались ревущие толпы. Застигнутые врасплох халдеи оказались окруженными.

Их сразу же смяли. Подставляли ножки. Швыряли в голову книгами и чернильницами, били кулаками и дергали во все стороны.

Напрасны были старания зажечь свет. Кто-то вывинтил пробки, и орда осатанелых шкидцев носилась по школе, сокрушая все. Стонала в темноте на кухне кухарка. Гремели котлы. Это практичные ребята решили попользоваться суматохой и разграбляли остатки обеда и ужина.

Наконец, воспитатели не выдержали и отступили в канцелярию. Тогда, оценив всю опасность дальнейшей бузы и поняв, кто является зачинщиками, Викниксор пошел немедля в класс старших и устроил экстренное собрание.

Для того, чтобы победить, нужно было переменить тактику, и он ее переменил.

Когда все ребята сели и успокоились немного, Викниксор ласково заговорил:

— Ребята. Почему вы бузите?

— А зачем Пал Ваныча выгнали? — послышался ответ.

— Ребята. Но вы поймите, что Павел Иванович не может быть педагогом.

— Почему это не может?

— Да потому, что он молод. Ну скажите сами, разве вы не хотите учиться?

— Так ведь он нас тоже учит? — загудели голоса, но Викниксор ядовито спросил:

— Чему же он вас учит! Ну что вы с ним прошли за месяц?

Ребята смутились.

— Да мы разные вещи проходили... Всего не упомнишь!

Но Мамочка при общем смехе добавил:

— Он здорово песни пел. Про сосиски!

Настроение заметно изменилось, и Викниксор воспользовался этим.

— Ребята, — сказал он печально, — как вам не стыдно... Вы, старшеклассники, все-таки умные, развитые мальчики и вдруг полюбили человека за какие-то «сосиски»...

Класс нерешительно захихикал.

— Ведь Павел Иванович не педагог, — это цирковой рыжий, который только тем и интересен, что он рыжий!

— Верно! — раздался возглас. — Рыжий! Как в Чинизелли.

— Ну так вот, — продолжал Викниксор. — Рыжего-то вам и в цирке покажут, а литературы вы знать не будете.

Класс молчал. Сидели, подперев головы руками, смотрели на расхаживавшего по комнате Викниксора и молчали.

— Так что, — громко сказал Викниксор. — Выбирайте: или Пал Ваныч или литература. Если вы не кончите бузить Пал Ваныч будет оставлен, но литературу мы принуждены будем вычеркнуть из программы школы.

Он задел больное место. Шкидцы все-таки хотели учиться.

— Ребята! — крикнул японец. — Ша! Как по-вашему?

— Ша! — повторил весь класс... И все зашумели. Сразу стало легко и весело, как будто за окном утихла буря.

Буза прекратилась, Павла Ивановича изгнали из школы, и штаб повстанцев распустил сам себя.

А вечером, после чая японец сказал товарищам:

— Бузили мы здорово, но, по правде сказать, не из-за Пал Ваныча, как вы думаете?

— Это правда, — сказал Цыган. — Бузили мы просто так, — ради самой бузы... А Пал Ваныч порядочная сволочь...

— Факт, — поддакнул Янкель, — бить таких надо, как Пал Ваныч...

— Бей его! — с возбуждением закричал Воробей, но он опоздал. Пал Ваныча не было уже в школе... Он ушел, оставив о себе сумбурное воспоминание.

Другую тактику повел некий Спичка, прозванный так за свою худобу. Это был несчастный человек. Он был поручиком и на фронте был контужен, навеки сделавшись полуглухим и угрюмым человеком.

В школу он пришел как преподаватель гимнастики и сразу принял сторону начальства, до подобострастия выполняя все предписания.

Он нещадно наказывал, записывал замечания в летопись и оставлял без отпусков.

Хороший педагог — обычно хороший дипломат. Он рассчитывает и обдумывает, когда кого можно записать или наказать.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Спичка мало задумывался и записывал направо и налево, стараясь только угодить начальству.

Он ходил по Шкиде, злобно оглядываясь по сторонам, и скрипел:

— Встань к печке.

— В изолятор.

— Без обеда.

— Без прогулки.

— Без отпуска.

Его возненавидели. Началась война, которая окончилась победой шкидцев.

Педагогический совет признал работу Спички непригодной и неправильной, и Спичка ушел.

Так же кончил и Пессимист, полуголодный студент, не имевший педагогической практики и не сумевший работать среди шкидцев.

Много их перевидала Шкида.

Около шестидесяти человек переменила их школа за два года.

Они приходили и уходили.

Медленно отстаивался кадр настоящих работников. Из шестидесяти только десяток сумел приспособиться к испорченным подросткам, и этот десяток на своих плечах вынес школу.

Ольга Афанасьевна, — мягкая, тихая и добрая, слишком добрая. Когда она представилась заведующему, как преподавательница анатомии, он даже как-то недружелюбно посмотрел на нее и подумал невольно о том, что вряд ли она справится с буйными учениками. Однако время показало другое. То, что другим педагогам удавалось сделать путем угроз и наказаний, у нее удивительно легко выходило без малейшего напряжения.

Хрупкая и болезненная на вид, она, однако, обладала большим запасом хладнокровия. Она никогда не кричала, никому не угрожала и все же через месяц все классы полюбили ее, и везде занятия по ее предмету пошли хорошо.

Даже самые ленивые делали успехи.

Мамочка, Янкель и Воробей — присяжные лентяи вдруг внезапно обрели интерес к скелету человека и тщательно вырисовывали косточки в своих тетрадках.

Ольга Афанасьевна сумела привить ученикам любовь к занятиям и сделала бы много, если бы не тяжелая болезнь, заставившая ее бросить на некоторое время Шкиду.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Гражданская война кончилась. Пачками стали появляться клубы и домпросветы.

Задумались над этим в детском доме.

Время у ребят было свободное, надо было его использовать с толком.

Тогда пришла Мирра Борисовна, полная, жизнерадостная еврейка. Она пришла вечером в класс и сразу расшевелила ребят.

— Ну, ребята, я к вам. Будем вместе теперь работать.

— Добро пожаловать, — угрюмо приветствовал ее появление Мамочка. — Только насчет работы бросьте. Не загибайте. Все равно номер не пройдет.

— Почему же это, — искренне удивилась воспитательница. — Разве плохо разработать пьеску, поставить хороший спектакль? И вам будет весело и других повеселите.

— Ого! Спектакль? Это хорошо.

— Засохни, Мамочка. Дело будет, — раздались возгласы.

Работа закипела.

Подходили праздники, и поэтому Мирра Борисовна с места в карьер взялась за дело.

Сразу же подобрали пьесы.

Взяли «Скупого рыцаря», отрывки из «Бориса Годунова», и начались репетиции.

Мирра Борисовна деятельно помогала.

Вечером собравшись в классе, проводили репетиции.

Япошка, взявшийся за два монолога царя Бориса, выходил на середину класса и начинал трагедию. Но как только монолог подходил к восклицанию:

«И мальчики кровавые в глазах...»

Япошка терялся. Темперамент исчезал, и он, как-то заплетаясь, заканчивал: «И мальчики кроватые в глазах...».

Тогда следовал мягкий, но решительный возглас Мирры Борисовны:

— Еончик... Опять не так.

Еончик чуть не плакал и начинал с начала. Однако, впоследствии он добился своего. Вечера коротались в репетициях и в подвижных играх, устроенных неутомимой Миррой, как стали ее звать воспитанники.

Все больше и больше сближались ребята с воспитательницей и скоро ее так полюбили, что если она не была дежурной, то ребята тосковали.

Стоило только показаться ее овчинному полушубку, и Шкида мгновенно оглашалась криками:

— Мирра Борисовна пришла.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

День спектакля был триумфом Мирры Борисовны.

Играли ребята с подъемом.

Вечер оказался лучшим вечером в школе, а после программы шкидцы устроили сюрприз.

На сцену вышел Янкель, избранный единогласно конферансье, сообщил о дополнительной программе, которую ученики приготовили от себя в честь своей воспитательницы, и прочел приветственное стихотворение.

Окончивши наш грандиозный спектакль,
Дадим ему новый на смену,
В нем чевствуем Мирру Борисовну Штак,
Создавшую шкидскую сцену.

С этого дня дружба еще более окрепла, но скоро Мирра печально сообщила, что она уезжает. Жалко было расставаться, однако, пришлось смириться, и веселая учительница в тулупе навсегда исчезла из Шкидской республики, оставив на память о себе знакомую в «Сплендид Паласе», еженедельно пропускавшую в кино двух питомцев Мирры — Янкеля и Японца. Таковы были эти две воспитательницы, сумевшие среди дефективных детей заронить любовь к занятиям и привязанность к себе. Их любила вся школа.

Зато Амебку Шкида не взлюбила, хотя он был неплохим преподавателем.

Амебка — мужчина средних лет, некрасиво сложенный, с узким обезьяньим лбом, был преподавателем естествознания. Свой предмет он любил горячо и всячески старался заинтересовать учеников; однако, это удавалось ему с трудом. Ребята ненавидели естествознание, ненавидели и Амебку, но все же боялись его.

Амебка был слишком мрачный человек, а Шкида таких не любила. К тому же он был склонен к педантизму и слишком скучен.

Идет урок в классе.

Амебка рассказывает с увлечением о микроорганизмах. Вдруг он замечает, что последняя парта, где сидит Еонин, не слушает его. Он принимает меры.

— Еонин, пересядь на первую парту.

— Зачем же это? — изумляется Япошка.

— Еонин, пересядь на первую парту.

— Да мне и здесь хорошо.

— Пересядь на первую парту.

— Да чего вы привязались, — раздражается Японец, но в ответ раздается прежнее монотонное приказание:

— Пересядь на первую парту.

Сайт им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— Не сяду. Халдей несчастный, — озлобленно кричит Еонин. Амебка некоторое время думает, потом начинает с начала:

— Еонин. Выйди вон из класса.

— За что же это?

— Выйди вон из класса.

— Да за что же?..

— Выйди из класса.

Еонин озлобляется и уже яростно топает ногами. Кнопка носа его краснеет, глаза наливаются кровью.

— Еонин, выйди вон из класса, — невозмутимо повторяет Амебка, и тогда Японец разражается взрывом ругательств.

— Амебка! Халдей несчастный! Чего привязался, тупица деревянная!

Амебка спокойно выслушивает до конца и потом накладывает резолюцию:

— Еонин! Ты сегодня будешь мыть уборные.

На этом обе стороны примиряются.

Вот за такую методичность и спокойствие и не любили Амебку шкидцы. Однако, его уважали. Амебка честно и неуклонно продолжал завоевывать себе позиции.

Но самыми яркими фигурами, лучшими воспитателями, на которых держалась школа, являлись два халдея.

Сашкец и Костец — дядя Саша и дядя Костя — Алникпоп и Косталмед, а попросту Александр Николаевич Попин и Константин Александрович Медович.

Оба пришли почти одновременно и сразу же сработались. Сашкец — маленький, бодрый, пожилой воспитатель. Высокий лоб и маленькая проплешина. На носу вечное пенснэ. Небольшая черная бородка, фигура юркая, живая. Громадный неиссякаемый запас энергии, силы, знаний и опыта.

Сашкеца в первые дни не взлюбили.

Лишь только появилась его щуплая фигурка в потертой кожаной курточке, шкидцы начали его травить.

Во время перемен за ним носилась стая хулиганов и на все лады распевала всевозможные арии, сочиненные услужливыми старшими.

Есть у нас один грибок:
Он не низок, не высок.
Он не блошка, он не клоп,
Он горбатый Алникпоп...

— Эй, Сашкец, Алникпоп! — надрывались ребята, дергая его за полы куртки, но Сашкец словно бы и не слыхал ничего.

Перед самым носом у него становились кучи ребят и, глядя нахально на его порванные и заплатанные сапоги, пели экспромпт, тут же сочиненный:

Сапоги у дяди Саши
Просят нынче манной каши...

Бывали минуты, когда хладнокровие покидало нового воспитателя, тогда он резко оборачивался к изводившему его, но вдруг опять брал себя в руки и только внушительно грозил пальцем:

— Ты смотри у меня, гусь лапчатый...

«Гусь лапчатый» тоже сделалось одной из многих его кличек.

Однако скоро травля прекратилась. Новичок оказался сильнее воспитанников и выдержал испытание. Его признали настоящим халдеем.

Он был суров по-воспитательски, но в меру. Ни одна шалость не проходила для ребят без последствий, однако, не всегда виновные терпели наказание. Сашкец строго и внимательно разбирал каждый проступок и только после этого наказывал или читал отповедь провинившемуся.

Но больше всего он преследовал лентяев по своему предмету — русской истории. Тут он был беспощаден ко всем, и каждый лентяй платился за свою рассеянность и нежелание заниматься.

Время шло. Все больше и больше сживались ребята с Алникпопом, и скоро выяснилось, что он не только хороший воспитатель, но и хороший товарищ.

Старшие ребята стали усиленно зазывать к себе Алникпопа, потому что с ним можно было обо многом поговорить. Часто по вечерам приходил к ним дядя Саша и с мягкой улыбкой начинал рассказывать какой-нибудь анекдот, вызывая воспитанников на разговор. То, бывало, расскажет о своей школьной жизни, об издании своего подпольного журнала, то вдруг заспорит с Янкелем и Япошкой о последних кинофильмах или театральных постановках, попутно расскажет о том времени, когда был рецензентом в «Пропперовских изданиях», а кончит уже только тогда, когда зазвенит звонок, призывающий спать.

Так постепенно росла и крепла связь дяди Саши с учениками, впоследствии превратившаяся в крепкую дружбу, которая, однако, отнюдь не мешала Сашкецу попрежнему быть строгим и взыскательным халдеем.

Костец пришел месяцем позже.

Пришел из другого еще худшего интерната и, уже достаточно опытный в деле воспитания дефективных, сразу обрезал все поползновения ребят высмеять новичка.

Вид его внушал невольное уважение самому отъявленному бузачу. Львиная грива волос, коричневато-рыжая борода, свирепый взгляд и мощная фигура в соединении с могучим грозным рыкающим голосом сперва настолько всполошили Шкиду, что ученики в панике решили, что это какой-то живодер из скотобойни, и окрестили его сразу «Ломовиком», однако, кличку скоро сняли.

«Ломовик», в сущности, оказался довольно мягким, добродушным человеком, рыкающим и выкатывающим глаза только для того, чтобы попугать.

Скоро к его грозным окрикам привыкли, а когда он брал кого-либо за шиворот, то знали, что это только так, для острастки, да и сам зажатый в мощной руке, жмурился и улыбался, словно его щекотали.

Однако, грозный вид делал свое.

Гимнастика — бывшая в его ведении, проходила отлично. Ребята с удовольствием проделывали упражнения, и только четвертое отделение, не любившее тяжелых физических занятий, вечно воевало с дядей Костей, постоянно отлынивая от уроков.

Скоро Костец и Сашкец почувствовали симпатии друг к другу и сдружились, чувствуя, что их взгляды на воспитание сходятся. С тех пор они всегда действовали согласованно и во многом помогли поднятию дисциплины в школе.

Таковы были те немногие «халдеи», которые сумели удержаться в школе и вложили свой труд в великое дело борьбы с детской преступностью.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ВЛАСТЬ НАРОДУ.

Вечер в Шкиде.— Тихие радости.— В погоне за крысой.— Вальс.— Власть народу.

Кончились вечерние уроки.

Отзвенел в последний раз звонок дежурного, и Шкида захлопала партами, затопала, запела, заплясала и рассыпалась по зданию.

Младшие отделения высыпали в зал играть в чехарду, кататься на перилах лестницы, а часть направилась на кухню в надежде поживиться.

Старшие занялись более культурным развлечением. Воробей достал где-то бечевку и, сделав петлю, вышел в столовую. Там он сел около дыры в полу, разложил петлю и бросил кусок каши. Потом сам спрятался за скамейку и стал ждать.

Это он ловил крыс. Ловля крыс была его любимым развлечением, и Воробей даже изобрел свой способ ловить, которым очень гордился.

Япошка, пошмыгивая носом, с необычайным упорством переводил стихотворение Шамиссо с немецкого языка. Перевод давался с трудом, но Япошка, заткнув руками уши, неустанно подбирал и бубнил вслух неподатливую строку стиха.

Я в своих мечтах, чудесных, легких...
Я в мечтах своих чудесных, легких...
Я в чудесных, радостных мечтаниях...
Я в мечтаньях радостных, чудесных...

И так без конца. До тех пор, пока строчка, наконец, не принимала должного вида.

Громоносцев сперва скучал, потом вышел из класса и, поймав какого-то шкета из младшего отделения, привел с собой и, привязав к его ноге веревку, лениво жмурясь, улыбался и приказывал:

— А ну, мопсик, попляши.

Мопсик сперва попробовал сыграть на Колькином милосердии и взвыл:

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ой, Коленька. У меня нога болит!

Но Громоносцев только рассмеялся.

— Ничего, мопсик, попляши.

В углу за классной доской упражнялся в пении недавно пришедший новичок Бобер. Он ревел куплеты, слышанные в кино, и аккомпанировал кулаками, ударяя по доске.

Ай! Ай! Петроград.
Распрекрасный град.
Петро-Петро-Петроград
Чудный град.

Доска скрипела, ухала и трещала под мощными кулаками.

За партой сидел Янкель и рисовал лошадь. Потом ему надоело, и он, бессмысленно уставившись взором в стенку, тупо бормотал.

— Дер Катер гейт нах хаузе. Дер Катер гейт нах хаузе.

Янкель ненавидел немецкий язык, и это была единственная фраза, которую он знал по-немецки и которой он оперировал на всех уроках Эланлюм.

В стороне сидели группой одноглазый Мамочка, Горбушка, Косарь и Гога.

Они играли в веревочку.

Перебирая с пальца на палец, делали замысловатые фигуры и тут же с трудом распутывали.

Вдруг вся группа насторожилась и прислушалась. Сверху доносился шум. Над головами топали десятки ног, и стены класса подозрительно похрустывали под осыпающейся штукатуркой.

— Крысу поймали! — радостно воскликнул Мамочка.

— Крысу поймали! — подхватили остальные и помчались наверх.

В зале царило смятение.

Посредине стоял Воробей и держал длинную веревку, на конце которой судорожно извивалась большая серая крыса.

По стенкам стояли шкидцы.

— Ну, я сейчас ее выпущу, а вы ловите, — скомандовал Воробей.

У самого края, почти у шеи крысы он надрезал веревку.

Раздался визг торжества.

Крыса, оглушенная страшным шумом, заметалась по залу, не зная, куда скрыться, а за ней носилась толпа шкидцев, стараясь затоптать ее ногами.

— О-о-о. Лови!

— А-г-а-а. Бей!

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— Души!
— И-и-их!

Зал содрогался под дробным топотом ног, и тихо позвякивали оконные стекла от могучего рева.

— О-го-го-о. Лови. Лови!
— Забегай слева-а!
— Ногой! Ногой!
— Над-дай!

Двери зала плотно были закрыты. Щели заткнуты. Все пути отступления серому существу были отрезаны. Тщетно тыкался ее острый нос в углы. Везде стены и стены. Наконец, Мамочка, почувствовав себя героем, помчался наперерез затравленной крысе и энергичным взмахом ноги прикончил ее.

Мамочка, довольный, гордо оглядел столпившихся ребят, рассчитывая услышать похвалу, но те злобно заворчали. Им вовсе не хотелось упускать такое интересное представление.

— Эва. Расхрабрился.
— Сволочь. Надо было убивать.
— Подумаешь, отличился. Это бы и всякий мог.

Недовольные расходились шкидцы.

В это время внизу Бобер закончил боевую песенку «Ай-ай, Петроград», загрустил и перешел на романс:

В шумном платье муаровом,
В макинтоше резиновом.

Потом затянул было «Разлуку» и смолк совсем.

— Пойти потанцовать, что ли, — предложил вдруг он скучающим голосом.

— Пойдем, — поддержал Цыган.
— Пойдем, — подхватил Янкель.
— Пойдем! Пойдем! — оживились остальные.

Янкель помчался за воспитателем и, поймав его где-то в коридоре, стал упрашивать.

— Сыграйте, дядя Сережа. Один вальсик и еще что-нибудь.

В Белом зале собралось все взрослое население республики. Шкидцы, как на балу, выбирали партнеров, и пары церемонно устанавливались одна за другой.

Дядя Сережа запрокинул мечтательно голову и ударил по клавишам.

Аккорды поплыли по стенам зала, и пары закружились в умиротворяющем вальсе.

Собственно, умела танцовать только одна пара — Цыган и Бобер. Остальные вертелись, топтались и толкали друг друга.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Синьоры! Мадам! Танц вальс. Верти, крути, наворачивай! — надрывался Янкель, грациозно подхватывая свою даму — Японца и нежно наступая ему на ногу.

Японец морщился, но продолжал топтаться, удивляясь вслух.

— Чорт. Четверть часа вертимся — и все на одном месте!

Вальс сменился «Ту-степом», «Ту-степ» — «Па-д'Эспанью».

Веселье постепенно вползало в холодные белые двери зала.

В самый разгар танцев, когда Шкида, единодушно закусив удила, дико отплясывала «Краковяк», ожесточенно притаптывая казенными сапогами, в дверях показался Викниксор.

— Ребята!

Крякнул вспугнутый рояль и смущенно смолк, захлебнувшись в аккорде.

Не успев топнуть, остановились насторожившиеся пары. Лицо заведующего сияло какой-то особой торжественностью.

— Ребята, — проговорил Викниксор, когда наступила полная тишина. — Все немедленно идите в столовую. Сейчас будет общешкольное собрание!

В полутемной столовой, пропахшей тюленьим жиром, гул от беспокойных голосов.

Встревоженные головы поминутно вертятся в разные стороны, а на лицах застыл вопрос.

— В чем дело?

Школьные собрания для шкидцев — новость. Это в первый раз.

Все с нетерпением ждут Викниксора.

— Что-то он скажет?

Наконец, заведующий входит в столовую.

Он несколько минут стоит, осматриваясь, потом подзывает воспитателя и громко говорит:

— Вы будете секретарем для первого раза. Ребята еще не привыкли к самоуправлению.

Воспитатель молча садится и ждет, а Викниксор минуту почесывает ухо. Потом он выпрямляется и начинает говорить:

— Ребята. До сих пор у нас в школе нет жизни... Да, постойте!..

Он сбивается.

— Я забыл начать-то. Итак, считаю первое общешкольное собрание открытым. Председателем пока буду я, секретарем Сергей Иванович. В порядке дня — мой доклад о самоуправлении в школе. Итак, я начинаю.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Шкида молчит. Шкида притаилась и ждет, что скажет ее рулевой.

— Итак, я начинаю. Что такое наша школа? Это — маленькая республика.

— А президент — Викниксор, — ехидно добавляет шопотом Японец.

— Наша школа — республика, но в республике всегда власть в руках народа. У нас до сих пор этого не было. Мы имели, с одной стороны, воспитанников, с другой — воспитателей, которыми руководил я. Я как бы был императором-самодержцем, а школа империей.

— Правильно, — несется приглушенный выкрик из гущи воспитанников.

Викниксор грозно хмурится, но вдруг спохватывается и вновь говорит.

— Теперь этого не будет. Сейчас я изложу перед вами мой план. Школа должна итти в ногу с жизнью, а посему школа должна ввести у себя самоуправление.

— О-го-го.

— Здорово.

Шкидцы удивлены.

— Да. Самоуправление. Самоуправление и еще раз самоуправление. Вот схема нашей системы самоуправления. Сегодня же мы изберем старост по классам, по спальням, по кухне и гардеробу. На обязанности их будет лежать назначение дежурных. Дежурные будут назначаться на один день. Сегодня один, завтра другой, послезавтра третий и так далее. Поняли?

— Ого-го. Конечно, поняли.

— Ну так вот. Старосту мы будем выбирать на месяц или на две недели. Но старосты — это еще не все. Старосты по кухне и гардеробу нуждаются в контроле. Мы изберем для них тройку. Ревизионную тройку, которая и будет контролировать их работу. Согласны?

— Ясно! Согласны! — гудят голоса.

— Таким образом, мы изживем возможность воровства и отначивания.

— Вот это да! Правильно.

Викниксор чувствует себя хорошо. Он сегодня сделал большой подвиг, ему хочется еще что-нибудь сообщить, и он говорит:

— Кроме этого педагогический совет будет созывать совет старост, и вместе с воспитателями ваши выборные будут обсуждать дальнейшие шаги школы и ее дальнейшую работу.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookuraic.ru/

Шкида поражена окончательно. Возгласы и реплики разрастаются в рев.

— Ур-ра-а!

Но Викниксор переходит уже к выборам. Как на аукционе он выкрикивает названия постов для будущих старост, а в ответ в многоголосом гуле слышатся фамилии выбираемых:

— Староста по кухне! Кого предлагаете? — возглашает Викниксор.

— Янкеля... Цыгана.

— Янкеля.

— Даешь Черных!

— Черных старостой.

— Кто за Черных? Поднять руки. Так, большинство. Черных — староста по кухне.

Уже прозвенел звонок, призывающий спать, а собрание только еще разгорелось.

Наконец, далеко за полночь Викниксор встал и объявил:

— Все места распределены. Время позднее и пора спать.

Он пошел к дверям, но, вспомнив что-то, обернулся и добавил:

— Собрание считаю закрытым. Между прочим, ребята. За последнее время все вы очень разбузились, поэтому я решил ввести для неисправимых изолятор. Всякий, кто особенно будет бузить, будет сидеть в изоляторе. Поняли? А теперь спать.

— Вот вам еще один новый закон, — скептически пробормотал Японец.

Но его не слушали.

— Ай-да Витя! Ну и молодец, — восхищался Янкель, чувствуя, что пост кухонного старосты принесет ему много хорошего.

— Да-с, здорово.

— Теперь мы равноправные граждане.

— Эй, посторонитесь, гражданин Викниксор, гражда-нин шкидец идет!

Новый закон Викниксора обсуждали везде.

В спальне, в уборной, в классах.

Везде находились и критики, и защитники. Споры разгорались, и бедный дядя Сережа напрасно старался уложить спать воспитанников.

Только один Еонин с видом глубоко обиженного непризнанного пророка презрительно выкрикивал фразы, полные желчи и досады:

— Эх вы! Растаяли! Дураки! Вам дали старост, но вы получили и изолятор.

СОНБ им. В.Г. Белинского http://bookurals.ru/

— Чего ты ноешь? — возмущалась масса, но Японец не переставал. Он закидывал руки вверх и трагически восклицал:

— Народ! О, великий шкидский народ! Ты ослеплен. Заклинаю тебя, Шкида, не верь словам Викниксора, ибо и он надуть может.

Еонин был всегда против новых идей Викниксора, и всегда в лице его педагоги встречали ярого противника. Но если раньше за ним шло большинство, то теперь все были против него. Все восхищались самоуправлением и были довольны.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ВЕЛИКИЙ РОСТОВЩИК.

Паучок. — Клуб со стульчаком. — Четыре сбоку, ваших нет. — Шкида в работе. — Оппозиция. — Птички. — Савушкин дебош. — Смерть хлебному королю.

Слаенов был маленький, кругленький шкет. Весь какой-то сдобный, лоснящийся. Даже улыбался он как-то сладко, аппетитно. Он был похож на сытого, довольного паучка.

Откуда пришел Слаенов в Шкиду, никто даже не полюбопытствовал узнать, да и пришел-то он как-то по-паучьи. Вполз тихонько, осторожненько, и никто его не заметил.

Пришел Слаенов во время обеда, сел на скамейку за стол и стал обнюхиваться. Оглядел соседей и вступил в разговор.

— А что у вас плохо кормят?

— Плохо. Одной картошкой живем.

— Здорово! И больше ничего?

— А тебе чего же еще надо? Хорошо, что картошка есть. Это, брат, случайно запаслись. В других школах хуже.

Слаенов притих.

Дежурный с важностью внес на деревянном щите хлеб. За ним вышел, помахивая ключом, староста Янкель. Он уже две недели исправно работал на новом посту и вполне освоился со своими обязанностями.

— Опять по осьмухе дают! — тоскливо процедил Савушка, вечно голодный, озлобленный новичок из второго класса, но осекся под укоризненным взглядом халдея Сашкеца.

Однако настроение подавленности передалось и двум соседям Савушки, таким же нытикам, как и он сам. Кузя и Коренев вечно ходили озабоченные приисканием пищи, и это сблизило их. Они стали сламщиками. Слаенов приглядывался к тройке скулящих, но сам молчал. Новичку еще не подобало вмешиваться в разговоры о школе.

Янкель обошел два стола, презрительно швыряя «пайки» шкидцам и удивляясь в душе, как это можно так жадно смотреть на хлеб. Сам Янкель чувствовал полное равно-

душие к черствому ломтю, возможно потому, что у него в столе лежала солидная горбушка в два фунта, оставшаяся от развешивания.

— Янкель, дай горбушку, — жалобно заскулил Кузя.

— Поди к чорту, — обрезал его Черных.

Горбушки лежали отдельно для старшего класса.

Розданные «пайки» исчезли моментально. Только Слаенов не ел своего хлеба. Он равнодушно отложил его в сторону и лениво похлебывал суп.

— Ты что же хлеб-то не ешь? — спросил его Кузя, с жадностью поглядывая на соблазнительную «осьмушку».

— Не охота, — так же равнодушно ответил Слаенов.

— Дай мне. Я съем, — оживился Кузя.

Но Слаенов уже прятал хлеб в карман.

— Я его сам на уроке заверну.

Кузя надулся и замолчал.

Когда все именуемое супом было съедено, принесли второе.

Это была жареная картошка.

Липкий, слащавый запах разнесся по столовой. Шкидцы понюхали воздух и приуныли.

— Опять с тюленьим жиром!

— Да скоро ли он кончится? Есть нельзя из-за него.

Однако трудно проглотить только первую картошку. Потом ощущение «тюленя» притупляется и едят картошку уже равнодушно, стараясь набить живот.

Этот тюлений жир был гордостью Викниксора, и когда ребята возмущались, он начинал поучать:

— Зря, ребята, бузите. Это еще хорошо, что у вас есть хоть тюлений жир, в других домах и этого нет. А без жиру совершенно жить нельзя.

— Истинно с жиру бесятся! — острил Японец печально, с сожалением осматривая миску с картошкой.

Он не мог выносить даже запаха ее.

Вид картошки был соблазнителен, но вкус отбивал всякий аппетит. Еошка минуту боролся, однако, отвращение осилило голод, и он с озлоблением, подцепив картошку на вилку, запустил ею по столу.

Желтенький шарик проехал по клеенке, оставляя жирный след, и влип в лоб Горбушке, увлекшемуся обедом.

Громкий хохот заставил встрепенуться Сашкеца.

Он обернулся, минуту искал глазами виновника, увидел утирающегося Горбушку, перевел взгляд на Японца и коротко приказал:

— За дверь!

СОЭЛМ. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Да за что же, дядя Саша? — пробовал протестовать Японец, но дядя Саша уже вынимал карандаш и записную книжку, куда записывал замечания.

— Ну и вали, записывай. Халдей!

Ешка вышел из столовой.

Кончился обед, а Кузя все никак не мог забыть осьмушку хлеба в кармане Слаенова.

Он не отходил от него ни на шаг.

Когда стали подниматься по лестнице наверх в классы, Слаенов вдруг остановил Кузю.

— Знаешь, что?

— Что? — навострился Кузя.

— Я тебе дам свою «пайку» хлеба сейчас. А за вечерним чаем ты мне отдашь свою.

Кузя поморщился.

— Ишь ты гулевой. За вечерним чаем хлеба по четверке дают, а ты мне сейчас осьмушку всучиваешь.

Слаенов сразу переменил тон.

— Ну, как хочешь. Я ведь не заставляю.

Он опять засунул в карман вынутый было кусок хлеба.

Кузя минуту стоял в нерешительности. Голод еще сильней давал себя знать, но благоразумие подсказывало: «Не бери». Однако голод победил.

— Давай. Чорт с тобой! — закричал он, видя, как Слаенов заворачивает в зал.

Тот сразу вернулся и, сунув осьмушку в протянутую руку, уже независимо проговорил:

— Значит, ты мне должен четвертку за чаем.

Кузя хотел отдать злосчастный хлеб, но зубы уже впились в мякиш.

Вечером Кузя «сидел на топоре» и играл на зубариках. Хлеб, выданный ему к чаю, переплыл в карман Слаенова. Есть Кузе хотелось невероятно, но достать было негде. Кузя был самый робкий и забитый из всего первого класса, поэтому так трудно ему было доставать себе пропитание.

Другие успевали обшаривать кухню и ее котлы, но Кузя и на это не решался.

Вся его фигура выражала унижение и покорность, и прямо не верилось, что в прошлом у Кузи крупные кражи и буйства. Казалось, что по своей покорности он взял чью-то вину на себя и отправился исправляться в Шкиду.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Награждал он редко. В его расчеты не входило подкармливать товарищей, но подачки были нужны, чтобы ребята не слишком озлоблялись против него.

С каждым днем все больше и больше запутывались жертвы Слаенова в долгах, и с каждым днем росло могущество «великого ростовщика», как назвали его старшие.

Однако власть его простиралась не далее второго класса: самые могучие и самые крепкие — третье и четвертое отделения — смотрели с презрением на маленького шкета и считали ниже своего достоинства обращать на него внимание.

Слаенов хорошо сознавал опасность такого положения. В любой момент эти два класса или один из них могли разрушить его лавочку. Это ему не улыбалось, и Слаенов разработал план, настолько хитрый, что даже самые умные деятели из четвертого отделения не могли раскусить его и попались на удочку.

Однажды Слаенов зашел в четвертое отделение, и, как бы скучая, стал прохаживаться по комнате.

Щепетильные старшие не могли вынести такой наглости, чтобы в их класс, вопреки установившемуся обычаю, смели приходить из первого отделения и без дела шляться по классу. Слаенов для них ничего еще не представлял особенного, и поэтому на него окрысились.

— Тебе что надо здесь? — гаркнул Громоносцев. Слаенов съежился испуганно.

— Ничего, Цыганок, я так просто пришел.

— Так. А кто тебя пускал?

— Никто.

— Ах, никто. Ну, так я тебе сейчас укажу дверь и ты в другой раз без дела не приходи.

— Да я что же, я ничего. Я только думал, я думал... — бормотал Слаенов.

— Что думал?

— Нет, я думал, вы есть хотите. Хочешь, Цыганок, хлеба, а то мне его девать некуда.

Цыган недоверчиво посмотрел на Слаенова.

— А ну-ка, давай, посмотрим.

При слове хлеб шкидцы оглянулись и насторожились, а Слаенов уже спокойно вынимал из-за пазухи четвертку хлеба и передавал Громоносцеву.

— А у тебя есть еще? — спросил в свою очередь Японец, подходя к Слаенову. Тот простодушно достал еще четвертку.

— На. Мне не жалко.

— А ну-ка, дай и мне, — подскочил Воробей, а за ним потянулись Мамочка и Горбушка.

Слаенов достал и им по куску.

Когда же подошели Сорока и Гога, он вдруг сморщился и бросил презрительно.

— Нету больше!

Хитрый паучок почуял сразу, что ни Гога, ни Сорока влиянием не пользуются, а поэтому и тратиться на них считал лишним.

Ребята уже снисходительно поглядывали на Слаенова.

— Ты вали, забегай почаще, — усмехнулся Цыган и уже войдя во вкус, добавил. — Эх, достать бы сахаринчику сейчас да чайку выпить.

Слаенов решил завоевать старших до конца.

— У меня есть сахарин. Кому надо?

— Вот это клево, — удивился Японец. — Значит, чайку попьем.

А Слаенов уже распоряжался.

— Эй, Кузя. Коренев! Принесите чаю с кухни. Кружки у Марфы возьмите. Старшие просят.

Кузя и Коренев ждали у дверей и по первому зову помчались на кухню.

Через пять минут четвертое отделение пировало. В жестяных кружках дымился кипяток, на партах лежал хлеб и сахарин. Ребята ожесточенно чавкали, а Слаенов довольный ходил и, потирая руки, распространялся.

— Шамайте, ребята. Для хороших товарищей разве мне жалко. Я вам всегда готов помочь. Как только кто жрать захочет, так посылайте ко мне. У меня всегда все найдется. А мне не жалко.

— Ага. Будь спокоен. Теперь тебя не забудем, — соглашался Японец, набивая рот шамовкой.

Так было завоевано четвертое отделение.

Теперь Слаенов был спокоен. Правда, содержание почти целого класса первое время для него было большим убытком, но зато постепенно он приучал старших к себе.

В то время хлеб был силой, — Слаенов был с хлебом и ему повиновались.

Незаметно он сумел превратить старших в своих телохранителей и создал себе новую могучую свиту.

Первое время даже сами старшие не замечали этого. Както вошло в привычку, чтобы Слаенов был среди них. Им казалось, что не они со Слаеновым, а Слаенов с ними. Но вот

однажды Громоносцев услышал фразу, произнесенную первоклассником с таким презрением, что даже призадумался.

— Ты знаешь, — говорил он Японцу. — Нас младшие холуями называют. Говорят, Слаенову служим.

— Правы они, сволочи, — морщился тоскливо Японец. — Так ведь и выходит. Сами не заметили, как холуями сделались. Противно даже как-то, а только трудно отстать... Ведь он, сволочь, приучил нас сытыми быть!

Скоро старшие свыклись со своей ролью и уже нарочно старались не думать о своем падении.

Один Янкель попрежнему оставался независимым, и его отношение к ростовщику не изменилось к лучшему. Силу сопротивления ему давал хлеб. Он был старостой кухни и поэтому мог противопоставить хлебу Слаенова — свой хлеб.

Однако втайне Янкель невольно чувствовал уважение к паучку-ростовщику. Его поражало то уменье, с каким Слаенов покорил Шкиду. Янкель признавал в нем ловкого человека, но тщательно это скрывал.

Тем временем Слаенов подготавливал последнюю атаку для закрепления власти. Оставалось еще независимое третье отделение, которое нужно было взять в свои руки. Кормить третий класс, как четвертый, было убыточно и невыгодно, затянуть его в долги, как первый класс, тоже не удалось. Там были не такие глупые ребята, чтобы брать осьмушку хлеба за четверку.

Тогда Слаенов напал на третье отделение с новым оружием.

Как-то после уроков, шкидцы по обыкновению собрались в своем клубе побеседовать и покурить.

Клубов у шкидцев было два — верхняя и нижняя уборные. Но в верхней было лучше. Она была обширная, достаточно темная и более или менее чистая.

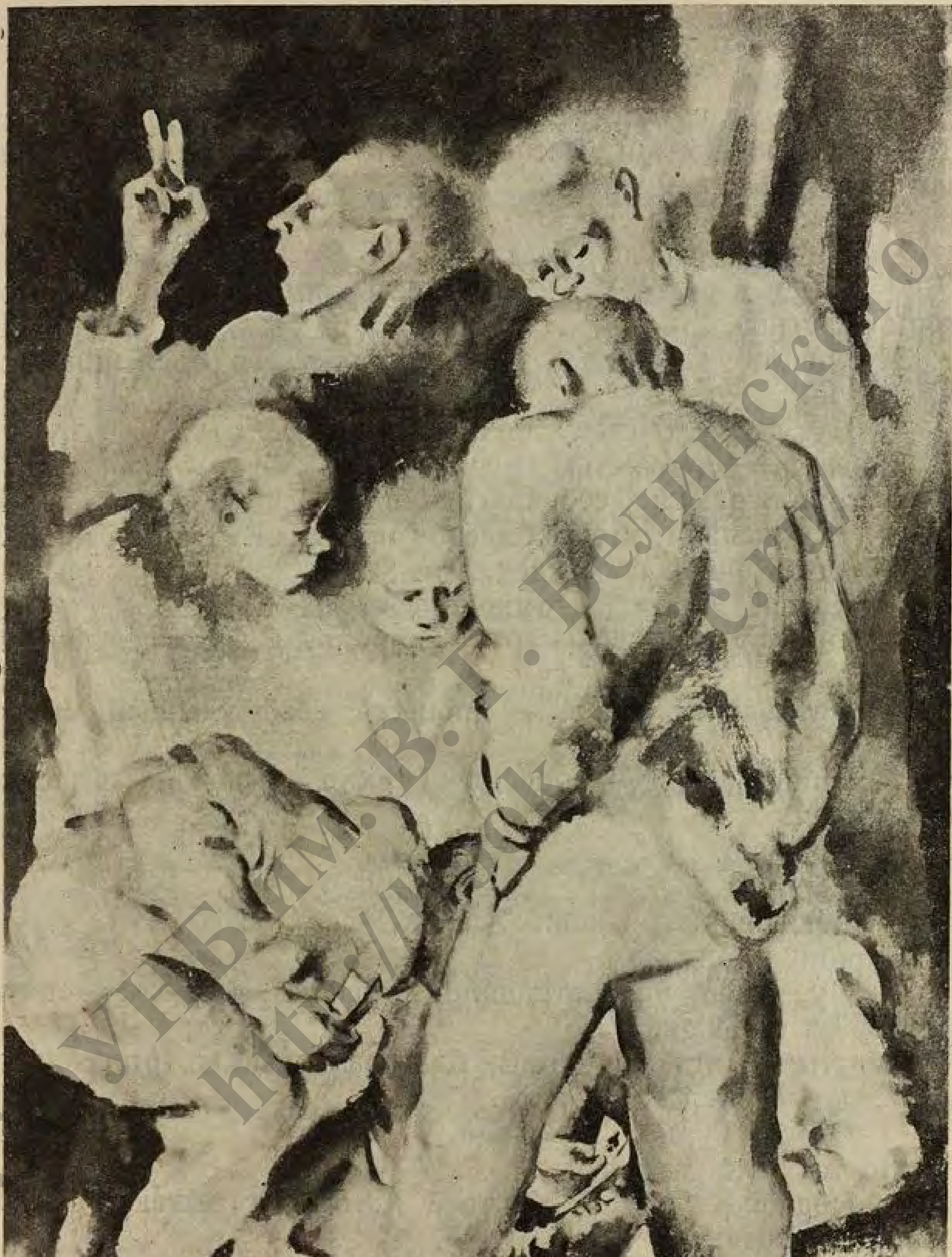
Когда-то здесь помещалась ванна, потом ее сняли, но пробковые стены остались, остался и клеенчатый пол. При желании здесь можно было проводить время с комфортом и, главное, здесь можно было курить с меньшим риском засыпаться.

В уборных всегда было оживленно и как-то по-семейному уютно.

Клубился дым на отсвете угольной лампочки. Велись возбужденные разговоры, и было подозрительно тепло. На запах шкидцы не обращали внимания.

Уборные настолько крепко вошли в быт, что никакая борьба халдеев с воспитанниками не помогала. Стоило только

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/



ОГУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

выгнать всех из уборной и отойти на минуту, как она вновь наполнялась.

В верхней-то уборной и началась атака Слаенова на независимое третье отделение.

Он вошел в самый разгар оживления, когда уборная была битком набита ребятами. Беспечно махнув в воздухе игральными картами, Слаенов произнес:

— С кем в очко сметать?

Никто не отозвался.

— С кем в очко? На хлеб за вечерним чаем, — снова повторил Слаенов.

Худенький, отчаянный Туркин из третьего отделения принял вызов.

— Ну, давай, смечем. Раз на раз!

Слаенов с готовностью смешал карты.

Вокруг играющих собралась толпа. Все следили за игрой Турки. Все желали, чтобы Слаенов проиграл. Туркин набрал восемнадцать очков и остановился.

— Побей. Хватит, — тихо бросил он.

Слаенов открыл свою карту — король. Следующей картой оказался туз.

— Пятнадцать очков, — пронесся возбужденный шопот зрителей.

— Прикупаешь? — спросил Туркин тревожно. Слаенов усмехнулся.

— Конечно.

— Король.

— Девятнадцать очков. Хватит.

Туркин проиграл.

— Ну, давай на завтрашний утренний сыграем, — опять предложил Слаенов.

Толстый Устинович, самый благоразумный из третьеклассников, попробовал остановить.

— Брось, Турка. Не играй.

Но тот уже зарвался.

— Пошел к чорту. Не твой хлеб проигрываю. Давай карту, Слаеныч.

Туркин опять проиграл.

Дальше игра пошла лихорадочным темпом. Счастье переходило от одного к другому.

Оторваться уже темпераментный Турка не имел силы, и игра прерывалась только на уроках и за вечерним чаем.

Потом они играли, играли и играли.

Сайт им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В третьем отделении царило невероятное возбуждение. То и дело в класс врывались гонцы и сообщали новости.

— Туркин выиграл у Слаенова десять паек.

— Туркин проиграл пять.

Уже прозвенел звонок, призывающий ко сну, а игра все продолжалась.

В спальне кто-то предупредительно на кроватях отсутствующих сделал чучела, а они все играли.

Утром стало известно: Туркин в доску проигрался. Он за одну ночь проиграл весь двухнедельный паек и теперь должен был ежедневно отдавать хлеб Слаенову.

Скоро такая же история случилась с Устиновичем, а дальше началась дикая картежная лихорадка. Очко, как заразная бацилла, распространилось в школе и, главным образом, в третьем отделении. Появлялись на день, на два маленькие короли выигрыша, но их сразу съедал Слаенов.

То ли ему везло, то ли он плутовал — однако, он всегда был в выигрыше. Скоро третье отделение почти целиком уже зависело от него.

Он заставил три четверти школы платить себе долги натурой.

Слаенов сразу вырос. Теперь он был самым могучим из всех в Шкиде. Вечно он был окружен свитой старших и блаженствовал.

Это время Шкиде особенно памятно. Ежедневно Слаенов задавал пиры в четвертом отделении, откармливая свою гвардию.

В угаре безудержного рвачества росло могущество Слаенова. Шкида стонала голодная, а ослепленные обжорством старшие не обращали на это никакого внимания.

Каждый день полшколы отдавало хлеб маленькому жирному пауку, а тот выменивал хлеб на деньги, колбасу, масло, конфекты.

Для этого он держал целую армию агентов.

Из-за голода в Шкиде начало развиваться новое занятие — услужение.

Первыми «услужающими» оказались Кузя и Коренев. Они готовы были сделать все, что им прикажут, а приказания шли от Слаенова.

Он уже ничего не делал сам. Если его посылали пилить дрова, он тотчас же находил заместителя за плату: давал кусок хлеба — и тот исполнял за него работу. Так было во всем.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Скоро все четвертое отделение перешло на положение лентяев — буржуев.

Все работы за них выполняли младшие, а оплачивал Слаенов.

Однажды во время очередного пиршества в четвертом отделении Слаенов особенно разошелся.

— Вали, Цыганок, сдвигай парты. Сегодня мы пируем на славу.

Вслед за этим на импровизированном столе показались пирожные, молоко, сливки, колбаса, ветчина и всякие сласти.

Япошка и Воробей даже ахнули.

Потом все ели, кричали, говорили. А у дверей толпилась кучка голодных.

— Я, брат, всех могу накормить, — кричал Слаенов и вдруг, обращаясь к Кузе, проговорил: — Кузя. Иди сюда.

Кузя подошел.

— Становись на колени.

Тот минуту не решался, чувство гордости заговорило в нем, но Слаенов настаивал:

— Становись на колени, Кузя. Накормлю пирожными!

И Кузя встал.

— На, Кузя, шамай. Мне не жалко.

С этими словами Слаенов швырнул ему кусок колбасы, и вдруг его осенила мысль.

— Эй, ребята. Слушайте! — Слаенов встал на парту. — Слушайте. Кузя будет мой раб. Слышишь, Кузя. Ты мой раб. Согласен? Я твой господин. Ты для меня будешь работать, а я тебя буду кормить. Встань, раб мой, и на̀ тебе еще колбасы.

Кузя покорно поднялся и, взяв подачку, отошел в угол.

Японца передернуло от унизительного зрелища, но в следующее же мгновенье он забылся за разговором. Однако чувство неприязни к Слаенову запало в душу не одного только Япошки. То же почти почувствовали Громоносцев и Воробей. А Мамочка так прямо открыто возмутился.

— Ну, и сволочь ты, Слаенов!

Слаенов опешил, почувствовал, что зарвался, но уже в следующее мгновенье оправился и запел песню, стараясь заглушить ворчанье Мамочки.

Однако рабство, с легкой руки Слаенова, привилось, и прежде всего обзавелись рабами за счет ростовщика четвертоотделенцы.

Они чувствовали всю низость своего поведения, но привычная боязнь работы переборола голос рассудка.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Рабство стало общественным явлением. Рабы убирали по утрам кровати своих повелителей, мыли за них полы, таскали дрова и исполняли все поручения.

Могущество Слаенова достигло предела.

Он был вершителем судеб, он был после заведующего вторым правителем школы.

Когда оказалось, что хлеба у него было больше, чем он мог расходовать, тогда Слаенов начал самодурствовать. Он заставлял для своего удовольствия рабов петь и танцовать.

При каждом таком зрелище присутствовали и старшие. Скрепя сердце они притворно усмехались, видя кривлянья младших.

Им было до тошноты противно, но слишком далеко зашла дружба с Слаеновым.

А великий ростовщик бесновался.

Часто лежа в спальне, он вдруг поднимал свою лоснящуюся морду и громко выкрикивал.

— Эй, Кузя! Раб мой!

Кузя покорно выскакивал из-под одеяла и, дрожа от холода, ожидал приказаний.

Тогда Слаенов, гордо посматривая на соседей, говорил:

— Кузя, почеши мне пятки.

И Кузя чесал.

— Не так, чорт. Пониже. Да не скреби, а потихоньку, — командовал Слаенов и извивался, как сибирский кот, тихо хихикая от удовольствия.

Ежедневно вечером за хлеб нанимал он сказочников, которые должны были говорить до тех пор, пока Слаенов не засыпал.

Доход Слаенова с каждым днем все рос. Он получал каждый день чуть ли не весь паек школы 1½—2 пуда хлеба и кормил старших. За это старшие устраивали ему овации и называли его «Золотым тельцом» и «Хлебным королем».

Слаенов был первым богачом не только в Шкиде, но, пожалуй, и во всем Петрограде.

Так продолжался разгул Слаенова, а между тем нарастало недовольство.

Все чаще и чаще на кухне у Янкеля собиралась тройка заговорщиков.

Там мирно и тихо, за чаем с сахарином, обсуждались деяния Слаенова.

— Ой, и сволочь же этот Слаенов, — возмущался Мамочка, поблескивая одним глазом. — Я бы его сейчас отдул, хоть он и сильнее меня!

ОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.ulsac.ru/

— И ст-т-оит. И ст-т-оит, — заикался Гога, но Янкель благоразумно увещевал:

— Обождите, ребята, придет время, мы с ним поговорим.

Тройка эта сразу показала Слаенову свои когти. Однажды, когда он попытался заговорить с Мамочкой и ласково предложил ему сахарину, тот возмутился.

Прямолинейный и страшно вспыльчивый, Мамочка сперва покрыл Слаенова крепкой руганью, потом начал отчитывать.

— Да я тебя, сволочь несчастная, сейчас кочергой пришибу, ростовщик поганый. Обокрал всю школу. Ты лучше со мной и не разговаривай, парша, а то прямо морду раскващу!

Нападение было неожиданным. Мамочка искал только предлога, а Слаенов никак не думал, что противники окажутся такими злобными.

Скандал произошел в людном месте. Кругом стояли и слушали рабы и одобрительно, хотя и боязливо, хихикали.

Слаенов так опешил, что даже не нашелся, что сказать, и посрамленный помчался в четвертое отделение.

Там он сел в углу и сделал плачущее лицо.

— Ты что насупился? — спросил его Громоносцев.

И Слаенов обо всем рассказал.

— Понимаешь, Мамочка грозится побить, — говорил он и щупал глазами фигуры своих телохранителей, но те смущенно молчали.

Тут Слаенов впервые почувствовал, что сделал крупный промах.

Он считал себя достаточно сильным, чтобы заставить Громоносцева и всю компанию приверженцев повлиять на их одноклассника Мамочку, но ошибся. Мамочку, повидимому, никто не решался трогать, и это было большим ударом для Слаенова.

Он сразу почувствовал, во что может превратиться маленькое ядро оппозиции, и поэтому решил раздавить ее в зародыше.

Но начал он уж не с Мамочки.

Янкель только что вошел в класс. В руках его была солидная краюха хлеба, которая по обыкновению осталась от развески.

Он собирался пошамать, но, увидев Слаенова, нахмурился.

— Долго ты здесь будешь шляться еще? — угрюмо спросил он ростовщика среди наступившей гробовой тишины, но вдруг, заметив в руках Слаенова карты, смолк.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В голове родилась идея: «А что если попробовать обыграть».

Расчет Слаенова оказался верен, в следующее же мгновенье Янкель предложил сыграть в очко.

Игра началась.

Через час после упорной борьбы Янкель проиграл весь свой запас и начал играть на будущее.

Игра велась ожесточенно. Весь класс чувствовал, что это не просто игра, что это борьба двух сторон. Но Янкелю особенно не везло. За последующие два часа он проиграл 35 фунтов хлеба, но настаивал на продолжении игры.

С трудом удалось его успокоить.

Маленький лоснящийся, тихий паучок победил еще раз.

Утром Янкель встал с больной головой. Он с отчаянием вспомнил о вчерашнем проигрыше.

На кухне он заглянул в тетрадку и решил на риск назначить дежурным по кухне вне очереди Мамочку. Так и сделал.

Сходили с ним в кладовку, получили на день хлеб и стали вешать.

Янкель придвинул весы и поставил четверочную гирю, собираясь вешать, и вдруг изумился, глядя на Мамочкины манипуляции.

Тот возился, что-то подсовывая под хлебную чашку весов.

— Ты что там делаешь?

— Не видишь, что ли. Весу прибавляю, — рассердился Мамочка.

— Что же, значит, обвешивать ребят будем? Ведь заскулят.

— Не ребят, а Слаенова, все равно ему пойдет.

Янкель не препятствовал больше.

К вечеру у них осталось пять фунтов, которые и переплавились немедленно в склады Слаенова.

Янкель повеселел. Если так каждый день отдавать, то можно скоро отквитать весь долг.

На другой день он по собственной инициативе подложил под весы солидный гвоздь и к вечеру получил шесть фунтов хлеба.

Янкель был доволен.

Тихо посвистывая, он сидел у стола и проверял по птичкам в тетради выданное количество хлеба. Птички ставились в списке против фамилии присутствующих учеников.

Как на зло, сегодня отсутствовало около десяти человек приходящих, и Янкель уже высчитал, что в общей сложности от них он получил около фунта убытку: обвешивать можно было только присутствующих.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookuralic.ru/

Вдруг Янкель вскочил, словно решив какую-то сложную задачу.

— Идея! Кто же может заподозрить меня, если я поставлю четыре лишних птички!

Открытие было просто до смешного, а результаты оказались осязательными.

Четыре птички за утренний и за вечерний чай дали два лишних фунта, а четыре за обед прибавили еще маленький довесок в полфунта.

Своим открытием Янкель остался доволен и применил его и на следующий день.

Дальше пошло легко, и скоро оппозиция вновь задрала голову.

От солидного Янкелевского долга Слаенову осталось всего пять фунтов, которые он должен был погасить на другой день.

Но в этот день над Янкелем разразилось несчастье.

После обеда он, довольный, пошел гулять, а когда пришел обратно, на кухне его встретил новый староста.

За два часа прогулки случилось то, о чем даже забыл думать Янкель.

Викниксор устроил собрание и, указав на то, что Черных уже полтора месяца староста по кухне, велел его переизбрать, в то же время отметив, что работа Черных была исправной и безукоризненной.

Старостой под давлением Слаенова избрали Савушку — его вечного должника.

Удар пришелся кстати, и Викниксор невольно явился помощником Слаенова в борьбе с его противниками.

Дни беззаботного существования сменились днями тяжелой нужды. Никогда не голодавшему Янкелю было очень тяжело сидеть без пайка, но долг нужно было отдавать.

Между тем Слаенов вновь успокоился.

По его мнению, угрозы его могуществу не существовало.

Так же пировал он со старшими, только Шкида, изголодавшаяся, измученная, все больше и больше начинала роптать.

А Слаенов все наглел. Он уже сам управлял кухней, контролируя Савушку. Слаенов заставлял Савушку подделывать птички, не считаясь с опасностью запороться.

Хлеб ежедневно по десятифунтовой форме продавался за стенами Шкиды в лавку чухонки. Слаенов стал отлучаться по вечерам в кинематограф. Денег завелось много.

Но злоупотребление птичками не прошло даром.

Однажды за перекличкой Викниксор заметил подделку.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book-ural.ru/

Лицо его нахмурилось и, подозвав воспитателя, он проговорил.

— Александр Николаевич! Разве Сорокин был сегодня?

Сашкец ответил без промедления.

— Нет, Виктор Николаевич, не был.

— Странно. Почему же он отмечен в тетради?..

Викниксор углубился в изучение птичек.

— А Заморов был?

— Тоже не был.

— А Данилов?

— Тоже нет.

— Адриянов?

— Нет.

— Позвать старосту.

Савушка явился, испуганный, побледневший.

— Вы меня звали, Виктор Николаевич?

— Да, звал. — Викниксор строго поглядел на Савушку и, указав на тетрадь, спросил голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Почему здесь лишние отметки?

Савушка смутился.

— А я не знаю, Виктор Николаевич.

— А хлеб кто за них получал?

— Я... я никому не давал.

Вид Савушки выдал его с головой. Он то бледнел, то краснел, шмыгал глазами по столовой и, как затравленный, не находя, что сказать, бормотал: «Не знаю. Не давал. Не знаю».

Голос Викниксора сразу стал металлическим.

— Савин сменяется со старост. Савина в изолятор. Александр Николаевич, озаботьтесь.

Сашкец молча вытащил ключ и, подтолкнув, повел Савушку.

В столовой наступила грозная тишина.

Все сознавали, что Савушка влип ни за что ни про что. Виноват был Слаенов.

Ребятам стало жалко вечно тихого, покорного Савушку.

А Викниксор возмущенный ходил по комнате и говорил.

— Это неслыханно! Это самое подлое и низкое преступление. Обворовывать своих же товарищей. Брать от них последний кусок хлеба. Это гадко!

Вдруг его речь прервал нечеловеческий вопль. Крик несся с лестницы. Викниксор помчался туда.

На лестнице происходила драка.

Всегда покорный Савушка вдруг забузил.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Не пойду в изолятор. Сволочи халдеи! Уйди, Сашкец, а то морду разобью!

Сашкец геройски старался обуздать Савушку. Он схватил его за талию, стараясь дотащить до изолятора, но Савин не давался.

В припадке ярости он колотил по лицу воспитателя кулаками. Сашкец посторонился и выпустил его. Савушка с громким воплем помчался вниз к двери. В эту минуту в дверях показался Викниксор, но, увидав летящего ураганом воспитанника, отскочил и сделал это во-время. Кулак Савина промелькнул мимо его носа...

— А, Витя! Я тебя убью, сволочь! Дайте мне нож...

— Савин, в изолятор, — загремел голос заведующего, но это еще больше раззадорило воспитанника.

— Меня в изолятор? — взвизгнул Савушка и вдруг помчался на кухню.

Оттуда он выскочил с кочергой.

— Где Витя? Где Витя? — Савушка был страшен. При виде мчащегося на него ученика, яростно размахивающего кочергой, Викниксору сделалось нехорошо.

Он, стараясь сохранить достоинство, стал отступать к своей квартире, но в последний момент ему пришлось сделать большой прыжок за дверь и быстро ее захлопнуть.

Кочерга Савушки с треском впилась в дверь.

Разозленный неудачным нападением Савушка кинулся на воспитателя, но ярость постепенно улетучивалась.

Через четверть часа Сашкец с дворником нашли его в углу в классе. Савушка сидел сжавшись и тихо плакал.

В изолятор пошел покорный, размякший и придавленный.

Педагоги не знали, что стряслось с Савиным. Они недоумевали. Ведь многих же сажали в изолятор, но ни с кем не было таких припадков буйства, как с Савушкой. Но зато знали истину шкидцы, знали, кто был виноват в преступлении Савина, и Слаенов все больше и больше чувствовал обращенные на него свирепые взгляды.

Страх все сильнее овладевал им. Он понимал, что теперь это не пройдет даром.

Тогда он вновь решил подбодрить и задобрить свою гвардию и устроил в этот вечер неслыханный пир: он поставил две бутылки одеколону, жареного гуся. Но холодно и неприветливо было на пиршестве. Угрюмы были старшие.

А там наверху голодная Шкида паломничала к изолятору и утешала Савушку сквозь щелку:

— Савушка, сидишь?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ukrai.ru/

— Сижу.

— Ну, ладно, ничего. Посидишь и выпустят. Это все Слаенов, сволочь, виноват.

А Савушка понурившись ходил по маленькой четырехугольной комнатке и грозился.

— Я этому Слаенову морду расквашу, как выйду.

В верхней уборной собрались шкидцы и мрачные обсуждали случившееся.

Турка держал четвертку хлеба и сосредоточенно смотрел на нее. Эта четвертка—его утренний паек, который нужно было отдать Слаенову, но Туркин был прежде всего голоден и, кроме того, озлоблен до крайности. Он еще минуту держал хлеб в руке, не решаясь, и вдруг закусил яростно зубами.

— Ты что же это? — удивился Устинович. — А долг?

— Не отдам, — хмуро буркнул в ответ Турка.

— Ну-у? Неужели не отдашь? А старшие заставят.

Да, старшие могли заставить, и это сразу охладило Турку. Теперь уже был опасен не Слаенов, а его гвардия. Он остановился с огрызком в раздумьи, но вдруг услышал голос Янкеля.

— Эх, была не была! И я съем свою четвертку. А долг пусть Слаенов с Гоголя получит.

В этот момент все притихли.

В дверях показался Слаенов. Он раскраснелся. И так всегда красное лицо пылало. Он прибежал с пирушки, — на углах рта еще белели прилипшие крошки пирожного и таяли кусочки масла.

Слаенов почувствовал тревогу и насторожился, но решил держаться до конца спокойно.

Он подошел, пронизываемый десятками взоров, к Туркину и спокойно проговорил.

— Гони долг, Турка. За утро.

Туркин молчал.

Молчали и окружающие.

— Ну. Гони долг-то! — настаивал Слаенов.

— С Гоголя получи. Нет у меня хлеба, — решительно брякнул Турка.

— Как же нет? А утренний паек?

— Съел утренний паек.

— А долг?

— А этого не хотел? — с этими словами Турка сделал рукою довольно невежливый знак. — Не буду долгов тебе отдавать — и все!

— Как это не будешь? — опешил Слаенов.

— Да не буду — и все.

СОЛНЕЧНИМ. Б. http://bookurabi.ru

— А-а-а!

Наступила тишина. Все следили за Слаеновым. Момент был критический, но Слаенов растерялся и глупо хлопал глазами.

— Нынче вышел манифест. Кто кому должен, тому крест,— продекламировал Янкель, вдруг разбив гнетущее молчание, и громкий хохот заглушил последние слова.

— А-а-а. Так вы долги платите! Ну, хорошо...

С этими словами Слаенов выскочил из уборной, а ребята сразу приуныли.

— К старшим помчался. Сейчас Громоносцев приведет.

Невольно чувствовалось, что Громоносцев должен будет решить дело. Ведь он — сила, и если сейчас он заступится за Слаенова, то завтра же вновь Турка будет покорно платить дань великому ростовщику, а с ним будут и остальные.

— А может он не пойдет, — робко высказал свои соображения Устинович среди гнетущего уныния. Все поняли, что под «ним» подразумевался Громоносцев, но втайне надеялись, что он не пойдет за Слаеновым.

Но он пришел.

Пришел вместе со Слаеновым.

Слаенов гневно и гордо посмотрел на окружающих и проговорил, указывая пальцем на Туркина:

— Вот, Цыганок, он отказывается платить долги!

Все насторожились. Десяток пар глаз впился в хмурое лицо Цыгана, ожидая чего-то решающего.

— Да или нет?

— Да или нет?..

А Слаенов жаловался:

— Я пришел. Давай, говорю, долг, а он смеется, сволочь, и на Гоголя показывает.

Громоносцев молчал, но лицо его темнело все больше и больше. Узенькие ноздри раздулись, и вдруг он, обернувшись к Слаенову, скверно выругался.

— Ты что же это... Думаешь, я держиморда или вышибало какой? Я вовсе не обязан ходить и защищать твою поганую морду, а если ты еще раз обратишься ко мне, я тебя сам проучу! Сволота несчастная!

Хлопнула дверь, и Слаенов остался один в кругу врагов, беспомощный и жалкий.

Ребята зловеще молчали. Слаенов почувствовал опасность и вдруг ринулся к двери, но у двери его задержал Янкель и толкнул обратно.

— Попался, голубчик,—визгнул Турка, и тяжелая пощечина с треском легла на толстую щеку Слаенова.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Слаенов охнул. Новый удар по затылку заставил его присесть.

Потом кто-то с размаху стукнул кулаком по носу, раз еще, еще.

Жирный ростовщик беспомощно закрылся руками, но новый удар свалил его с ног.

— За что бьете? Ребята! Больно! — взвыл он, но его били.

Били долго с ожесточением, словно всю жизнь голодную на нем выколачивали. Наконец отрезвились.

— Хватит. Ну его к чорту, паскуду, — отдуваясь проговорил Турка.

— Хватит.

Слаенов, избитый, жалкий, сидел в углу у стульчака, всхлипывал и растирал рукавом кровь, сочившуюся из носа.

Ребята вышли.

Весть о случившемся сразу облетела всю Шкиду.

Старшие в нижней уборной организовали митинг, где вынесли резолюцию: долги считать ликвидированными, рабство уничтоженным и впредь больше не допускать подобных вещей.

Почти полтора месяца голодавшая Шкида вновь вздохнула свободно и радостно.

Вчерашние рабы ходили сегодня довольные, но больше всего были довольны старшие.

Сразу спал гнет, мучивший каждого из них. Они сознавали, что во многом были виноваты сами, и тем радостней было сознание, что они же помогли уничтожить сделанное ими зло.

Падение Слаенова совершилось быстро и неожиданно. Это была катастрофа, которой он и сам не ожидал. Сразу исчезли все доходы, сразу он стал беспомощным и жалким, но к этому прибавилось худшее, — он не имел товарищей. Все отшатнулись от него, и даже Кузя, когда-то стоявший перед ним на коленях, смотрел теперь на него с отвращением.

Через два дня из изолятора выпустили Савушку и сняли с него вину.

Школа, как один человек, встала на его защиту и рассказала Викниксору о деяниях великого ростовщика.

Савушка тоже поколотил Слаенова, а потом некогда великий, могучий ростовщик был посажен в изолятор, но никто не приходил, никто не утешал его в заключении.

Еще через пару дней Слаенов исчез. Дверь изолятора нашли открытой. Замок был сорван, а сам Слаенов бежал из Шкиды.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Говорили, что он поехал в Севастополь, носились слухи, что он живет у товарищей, но это все были толки.

Слаенов исчез навсегда.

Так кончились похождения великого ростовщика — одна из тяжелых и грязных страниц в жизненной книге республики Шкид.

Долго помнили его воспитанники, и по вечерам «старички», сидя у печки, рассказывали «новичкам» бесконечно-прикрашенные легенды о деяниях великого сказочного ростовщика Слаенова.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СТРЕЛЬНА ТРЕПЕЩЕТ.

Май улыбнулся.— Переселение народов.— Косецкий-фокусник.— На даче.— Солнечные ванны.— Кабарэ.— Все на одного.— Зеркало.— Стрельна трепещет.— История неудавшегося налета.— Летопись и разряды.

Первое мая.

Маленькую республику захлестнул поток звуков, знамен, людей и солнца.

С утра вокруг стен Шкиды беспрестанно перекатывались волны демонстрантов.

Никогда шкидцы еще не были так возбуждены. Они столпились у окон и кричали демонстрантам ура. Они сами хотели быть там и шагать рядами на площадь, но в этом году детей в демонстрацию не допустили.

Весна улыбнулась первым маем. Первый май улыбнулся сайками. Белыми, давно невиданными сайками.

Их раздавали за утренним чаем. За обедом Викниксор сказал речь о празднике, потом шкидцы пели Интернационал.

Вечером все от младшего до старшего ходили в город, смотрели иллюминацию, слушали музыку и толкались довольные в повеселевшей праздничной толпе.

Шкидцы весело встретили весну, а еще радостней им стало, когда узнали, что Губоно разыскало для своих питомцев дачу.

Когда окончательно стало известно, что для ребят отвоевана дача где-то в Стрельне и что пора переезжать, вся Шкида высыпала на улицу и наполнила ее воплем и гамом.

Переезжать нужно было трамвайным путем.

С утра мобилизованы были все силы.

Воспитанники вязали тюки белья, свертывали матрацы и переносили вниз кровати.

Ребята со рвением взялись за дело. Даже самые маленькие из первоклассников прониклись важностью момента и работали не хуже больших.

Сайт им. В. Г. Белинского
http://book.itaic.ru/

— Эй ты, — кричал маленький пузыреподобный Тырновский на своего товарища. — Куда край-то заносишь? Левей, левей. А то не пролезешь.

Они несли койку.

Внизу укладкой вещей занимались Янкель, Цыган и Япошка, а вместе с ними был граф Косецкий.

Граф Косецкий — халдей, но его молодость и чисто товарищеское отношение сблизили с ним шкидцев. Графом Косецким его звали за спиной. Он был косым, отсюда пошла и кличка.

Завоевал Косецкий доверие у старших с первого дня.

Вот как это случилось.

Косецкий только-что явился в школу и вечером стал знакомиться с учениками.

Сидели в классе. Косецкий долго распространялся о том, что он хороший физик и что он будет вести практические занятия.

— Это хорошо, — воскликнул в восторге Японец. — А у нас физических пособий до чорта. Вон целый шкаф стоит.

С этими словами он беспечно указал на шкаф, приютившийся в углу класса.

— Где? Покажите, — оживился Косецкий. Глаза его заблестели, и он кинулся к шкафу.

— Да он закрыт.

— Не трогайте. Витя запретил его трогать!

Ребята сами испугались поведения Косецкого, а он, беспечно улыбаясь, говорил:

— Чорт с ним, что ваш Витя запретил, а мы откроем и посмотрим.

— Не надо.

— Попадет, запоремся!

Однако, Косецкий, отвинтил скобку и, не тронув висячего замка, открыл шкаф.

Он вытащил динамо и стал с увлечением объяснять ее действие.

В школе царила полная тишина.

Младшие классы уже спали, и только маленькая группа бодрствовала.

Ребята слушали объяснения, но сами тревожно насторожились, подстерегая малейший шорох.

Вдруг на лестнице стукнула дверь.

— Прячьте! Викниксор!

— Прячьте!

Динамо боком швырнули в шкаф, прикрыли дверь, едва успели всунуть винты и отскочили.

В класс вошел Викниксор.

Он делал свой очередной обход.

— А вы еще здесь?

— Да, Виктор Николаевич. Разговариваем о занятиях. Сейчас пойдем спать.

— Пора, пора, ребята.

Викниксор походил несколько минут по комнате, почесал за ухом, попробовал пыль на партах пальцем и подошел спокойно к шкафу.

Ребята замерли.

Взоры тревожно впились в пальцы Викниксора, а тот пощупал пальцами замок и... по близорукости не разглядев до половины торчавших винтов, вышел.

Вздох облегчения вырвался сразу у всех из груди.

— Пронесло!

Потом, когда уже улеглись в кровати, Цыган долго восторгался.

— Ну, и смелый этот Косецкий. Я и то сдрефил, а ему хоть бы хны.

После этого случая Косецкий завоевал себе доверие среди старших и даже сошелся с ними близко, перейдя почти на товарищеские отношения.

И вот теперь он вместе с ребятами весело занимался упаковкой вещей. В минуты перерыва компания садилась на ступеньки парадной лестницы и задирала прохожих.

— Осторожней, гражданин. Здесь лужа.

— Эй, торговка, опять с лепешками вышла. Марш, а не то в милицию сведем, — покрикивал Цыган.

Косецкий сидел в стороне и насвистывал какой-то вальс, блаженно жмурясь на солнце.

Наконец там наверху в школе все успокоилось.

Вещи, необходимые на даче, были перетащены вниз.

Дожидались только трамвая.

Прождали целый день. Викниксор звонил по телефону, ругался, но платформу подали вечером, когда прекратилось трамвайное движение.

Спешно нагрузились, потом расселись по вагону, и республика Шкид тронулась на новые места.

У Нарвских ворот переменили моторный вагон с дугой на маленький пригородный вагончик с роликом. Места всем не хватило, и часть перелезла на платформы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Зажурчали колеса, скрипнули рельсы и снова понеслись вагоны, увозя стадо молодых шпаргонцев.

На платформе устроились коммункой старшие. Сидели и под тихий свист ролика следили за убегающими деревянными домиками заставы.

Уже проехали последнее жилье на окраине города, некогда носившее громкое название «Красный Кабачок», и помчались по полям.

Трамвай равномерно подпрыгивал на скрепах и мчался все дальше и дальше без остановок.

Шкидцам стало хорошо-хорошо, захотелось петь, перестали смеяться, и вот под ровный гул движения кто-то затянул:

Высоко над нивами птички поют
И солнце их светом ласкает,
А я горемыкой на свет родился
И ласк материнских не знаю.

Пел Воробей. Песенка грустная, тихая, тягучая вплелась в мерный рокот колес.

Сердитый и злобный раз дворник меня
Нашел под забором зимою,
В приют приволок меня, злобно кляня,
И стал я приютскою крысой.

Медленно-медленно плывет мотив, и вот уже к Воробью присоединяется Янкель, сразу как-то притихший. Ему вторит Цыган.

Влажный туман наползает с поля. А трамвай все едет по прямым, затуманившимся рельсам, и остаются где-то сзади обрывки песни.

Я ласк материнских с рожденья не знал.
В приюте меня не любили,
И часто смеялися все надо мной,
И часто тайком колотили.

Притихли ребята. Даже Япончик, вечно веселый бузила, Япончик замер и тоже фальшиво, но старательно подтягивает.

Летят поля, изредка мелькнет огонек в домике и опять ширь и туман.

Уж лето настало, цветы зацвели,
И птицы в полянах запели,
А мне умереть без любви суждено
В приютской больничной постели.

СОУНБ им. Н. Г. Белинского
http://booksaic.ru/

Вдруг надоело скучать. Янкель вскочил и заорал диким голосом, обрывая тихий тенорок Воробья:

Солнце светит высоко,
А в канаве глубоко
Все течет парное молоко.

Сразу десяток глоток подхватил и заглушил шум трамвая. Дикий рев разорвал воздух и понесся скачками в разные стороны, к полю, к дачам, к лесу.

Сахар стали все кусать,
Хлеб кусками бросать,
И не стали карточек сосать.

— Вот это да!

— Вот дернули. По-шкидски по крайней мере!

Вагоны, замедляя ход, пошли в гору.

С площадки моторного что-то кричала Эланлюм, но ребята не слышали.

Ее рыжие волосы трепались по ветру, она отчаянно жестикулировала, но ветер относил слова в сторону. Наконец ребята поняли.

Скоро конец пути.

После подъема Янкель ухмыльнулся и заорал:

— Монастырь! Ребятки, монастырь!

— Ну и что ж такого?

— Как что? Ведь год же-ж жил в нем. Год! — умилялся Янкель, но заметив скептические усмешки товарищей, махнул рукой.

— Ну, вас к чорту. Если б вы понимали. Ведь монастырь. Кладбище, могилки. Хорошо. Кругом кресты.

— И покойнички, — добавил Япончик.

— И косточки, и черепушечки, — вторил ему, явно издеваясь над чувствительным Янкелем, Цыган, и так разозлили парня, что тот плюнул и надулся.

Трамвай на повороте затормозил и стал.

— Приехали.

— Ребята, разгружай платформы. Поздно. Надо скорее кончить, — кричала Эланлюм, но ребята и сами работали со рвением.

Им поскорее хотелось освободиться и осмотреть свое новое владение.

Втайне уже носились в бритых казенных головах мечты об осени и о соблазнительной картошке со стрельнинских огородов, но пока они только рвались осмотреть местность.

*

ОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.urfac.ru/

Однако ничего не вышло. Весь вечер и часть ночи дружно таскали воспитанники вещи и расставляли по даче.

Распределили спальни и тут же сразу, уставив кровати, завалились спать.

Дача оказалась славная. Она почти совсем не была разрушена. Правда, местные жители уже тронули чуть-чуть своими руками бывший графский или княжеский особняк, но удовольствовались двумя снятыми дверьми и парой медных ручек. Остальное все было на месте, и даже разбитое пианино попрежнему стояло, запыленное, но нетронутое.

К новому месту шкидцы привыкли быстро. Дача стояла на возвышенности; с одной стороны проходило полотно Ораниенбаумского трамвая, а с трех других сторон были парк и лес, видневшийся в долине.

Рядом находился пруд — самое оживленное место летом. С утра до позднего вечера Шкида купалась. Иногда и ночью, когда жара особенно донимала и горячила молодые тела, ребята крадучись, на цыпочках шли на пруд и там окунались в теплую, но свежую воду.

Викниксор и здесь попытался ввести систему. Первое время он сделал расписание. Утром гимнастика на воздухе, уроки до обеда, после обеда купанье, вольное время и вечером опять гимнастика.

Но из плана ничего не вышло.

В первый же раз провалилась гимнастика, так как на летнее время, в целях экономии, со шкидцев сняли сапоги, а без сапог ребята отказались делать гимнастику, ссылаясь на массу стекол.

Уроки были, но то и дело к педагогам летели просьбы.

— Отпустите в уборную.

— Сидеть не могу.

Стоило парня отпустить, как он уже мчался к пруду и купался долго, до самозабвения.

Лето, как отрывной календарь, полетело день за днем быстро-быстро.

Как-то в жаркий полдень, когда солнце невыносимо жгло тело и лицо, Янкель, Японец и Воробей, забрав с собой ведро воды, полезли на чердак обливаться.

Но на чердаке было душно. Ребята вылезли на крышу и здесь увидели загоравшую на вышке немку.

— А что, ребята. Не попробовать ли и нам загорать по Эллушкиному методу. А? — предложил Янкель.

— А давайте попробуем.

Ребята, довольные выдумкой, моментально разделись и улеглись загорать.

— А хорошо, — лениво пробормотал Воробей, ворочаясь с боку на бок.

— И верно хорошо, — поддержали остальные.

Их примеру последовали другие, и скоро самым любимым занятием шкидцев стало загорать на вышке.

Приходили в жаркие дни и сразу разваливались на горячих листах железной крыши.

Скоро, однако, монотонность и скука летнего дня стала приедаться воспитанникам.

Надоело шляться с Верблюдычем по полям, слушать его восторженные лекции о незабудках, ловить лягушек и червяков, надоело тенями ходить из угла в угол по даче, и даже купаться надоело.

Все больше и больше отлеживались на вышке. Младшие еще находили себе забавы, лазили по деревьям, катались на трамвае и охотились на ворон с рогатками, но старшие ко всему потеряли интерес и жаждали нового.

Когда-то в Шкиде, сидя за уроками, они предавались мечтам о теплом лете, а теперь не знали, как убить время.

— Скучно, — лениво тянул Японец, переворачиваясь с боку на бок под жгучими лучами солнца.

— Скучно, — подтягивали в тон ему остальные. Все чаще и чаще собирались на вышке старшие и ругали кого-то за скуку.

А солнце весело улыбалось с ярко-синего свода, раскаляло железную крышу и наполняло духотой, скукой и ленью притихшую дачу.

— Скучно, — безнадежно грустил Японец.

Вечерело. Сизыми хлопьями прорезали облачка красный диск солнца. Начинало заметно темнеть. Со стороны леса потянуло сыростью и холодком. Шкидцы сидели на вышке и, притихшие, ежась от ветерка, слушали рассказы Косецкого о студенческой жизни.

— Бывало, вечерами такие попойки задавали, что небу жарко становилось. Соберемся, сперва песни разные поем, а потом на улицу...

Голос Косецкого от сырости глуховат. Он долго с увлечением рассказывал о фантастических дебошах, о любовных интрижках, о веселых студенческих попойках. Шкидцы слушали

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

жадно и только изредка прерывали его речь возгласами восхищения:

— Вот это здорово!

— Ай да ребята!

Сумерки сгустились. Внизу зазвенел колокольчик.

— Тьфу, чорт, уже спать! — выругался Воробей.

Ребята зашевелились. Косецкий тоже нехотя поднялся. Сегодня он был дежурный воспитатель и должен был итти в спальни, укладывать воспитанников. Но спать никому не хотелось.

— Может, посидим еще? — нерешительно предложил Янкель, но халдей запротестовал:

— Нет, нет, ребята. Нельзя! Витя нагрянет, мне попадет! Идемте в спальни. Только дайте закурить перед сном.

Ребята достали махорку, и пока Косецкий свертывал папироску, они один за другим спускались вниз.

— Вы к нам заходите в спальню побеседовать, когда младших уложите, — предложил Громоносцев.

— Хорошо, забегу!

Уже внизу в спальне ребята, укладываясь, гуторили между собой:

— Он хороший парень.

Последнее время Косецкий особенно близко сошелся со старшими. Они вместе курили, сплетничали про зава и его помощницу. Теперь ребята окончательно приняли в свою компанию «свойского» Косецкого и даже не считали его воспитателем.

Ночь наступила быстро. Скоро стало совсем темно, а ребята еще лежали и тихо разговаривали. Косецкий, уложив малышей, пришел скоро, сел на одну из кроватей и стал рассказывать о будущей работе.

— Вы, ребята, со мной не пропадете. Мы будем работать дружно. Вот скоро я свяжусь с обсерваторией, так будем астрономию изучать.

— Бросьте! — лениво отмахнулся Японец.

— Что это бросьте? — удивился Косецкий.

— Да обсерваторию бросьте.

— Почему?

— Да все равно ничего не сделаете, только так, плешь наводите. Уж вы нам много что обещали.

— Ну и что ж? Что обещал, то и сделаю! Я не такой, чтобы врать. Сказал пойдем и пойдем. Это же интересно. Будем звездное небо изучать, в телескопы посмотрим...

СОЛЬ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— Есть что-то хочется, — вдруг изрек все время молчавший Янкель и почему-то, понюхав воздух, спросил Косецкого:

— А вы не хотите, Афанасий Владимирович?

— Чего?

— Да шамать!

— Шамать-то... шамать... — Косецкий замялся. — Признаться, ребятки, я здорово хочу шамать, а что? Почему это ты спросил? — обратился он к Янкелю, но тот улыбнулся и неопределенно ответил, обращаясь неизвестно к кому.

— И это жизнь! Хочешь угостить дорогого воспитателя плотным обедом и нельзя.

— Почему? — оживился Косецкий.

— Собственно угостить пожалуй можно... но... — робко пробормотал Японец.

— Но требуется некоторая ловкость рук и так далее, — закончил Янкель, глядя в потолок.

— Ах, вот в чем дело! — Косецкий понял. — А где же это?

— Что?

— Обед.

— Обед на кухне!

Потом вдруг все сразу оживились. Обступили плотной стеной Косецкого и наперебой посвящали его в свои планы.

— Поймите, остаются обеды... Марта их держит в духовой... Сегодня много осталось... Спальня сыта будет, и вы подкормитесь. Все равно до завтра прокиснет... А мы в два счета, только вы у дверей на стреме постойте...

Косецкий слушал и улыбался, потом хлопнул по плечу Громоносцева.

— Ах, черти, ну валите, согласен!

— Вот это да! Я ж говорил, — захлебывался Янкель от восторга, — я же говорил, вы не воспитатель, Афанасий Владимирович, а пройдоха первостатейный.

Налет на кухню проводили организованно. Сперва Цыган, Японец и Янкель на цыпочках пробрались на кухню, потом прошел Косецкий с обходом и, вернувшись, легким свистом дал знать, что все спокойно.

Тотчас все трое уже мчались в спальню, кто со сковородой, кто с котлом.

Ели вместе из одного котла и тихо пересмеивались.

— Хе-хе! С добрым утром, Марта Петровна. За ваше здоровье.

СОГБУ им. В. Г. Белинского http://booklugaic.ru/

— Хороший суп, солидно подсадили куфарочку нашу, — отдуваясь проговорил Косецкий, а Воробышек, деловито оглядев посудину, изрек:

— Порций двенадцать слопали.

Нести котлы обратно не хотелось и лениво развалившийся после сытного обеда Косецкий посоветовал:

— Швырните в окно, под откос.

Так и сделали.

Сытость располагает к рассуждениям, и вот Японец, кувырнувшись на кровати, нежно пропел:

— Кто бы мог подумать, что вы такой милый человек, Афанасий Владимирович, а я-то, мерзавец, помню, хотел вам чернил в карман налить.

— Ну вот. Разве можно такие гадости делать своему воспитателю? — улыбнулся благодушно Косецкий, но Япончик захохотал.

— Да какой же вы воспитатель?

— А как же, конечно!

— Бросьте арапа заправлять!

Косецкий обиделся.

— Ты, Еонин, не забывайся. Если я с вами обращаюсь по-товарищески, то это еще не значит, что можно все говорить.

Теперь захохотала вся спальня.

— Хо-хо-хо!

— Бросьте вы, Афанасий Владимирович.

— Воспитатель! Ха-ха-ха!

— Вот жук-то!

А Япошка разошелся и, давясь от смеха, проговорил:

— Не лепи горбатого, Афоня. Да где ж это видано, чтобы воспитатель на стреме стоял, пока воспитанники воруют картошку с кухни! Хо-хо-хо!

Косецкий побледнел. И, вдруг подскочив к Японцу, схватил его за шиворот:

— Что ты сказал? Повтори!

Япошка под общий хохот, бессильно барахтаясь, пробовал увильнуть:

— Да я ничего!...

— Что ты сказал? — шипел Косецкий, а спальня, принявшая сперва выходку воспитателя за шутку, теперь насторожилась.

— Что ты сказал?

— Больно! Отпустите!.. — прохрипел Японец, задыхаясь, и вдруг, обозлившись уже, рявкнул: — Пусти, говорю!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Что сказал! Сказал правду! Воруешь с нами, так нечего загибаться, а то распрыгался, как блоха.

— Блоха? А-а-а! Так я блоха?.. Ну хорошо, я вам покажу же! Если вы не понимаете товарищеского отношения, я вам покажу!..

— А что покажете? — ехидно спросил Янкель.

— Молчать!

— Молчим-с, ваше сиятельство, — почтительно проговорил Громоносцев. — Мы всегда-с молчим-с, ваше сиятельство, где уж нам разговаривать...

— Молчать!!! — дико взревел халдей, — я вам покажу, что я воспитатель, я заставлю вас говорить иначе. Немедленно спать и чтоб ни слова, или я скажу Викниксору!

Дверь хрястнула, и все стихло.

Спальня придушенно хохотала, истеричный Японец, задыхаясь в подушке, не выдержал и, глухо всхлипывая, пробормотал:

— Ох! Не могу! Уморил Косецкий!

Вдруг дверь открылась, и раздался голос халдея.

— Еонин, завтра без обеда.

— За что? — возмутился Японец.

— За разговоры в спальне.

Дверь опять закрылась. Теперь смеялась спальня без Еонина. Тому уже не было смешно.

Минут через пять, когда все успокоились, Цыган вдруг заговорил вполголоса:

— Ребята. Косецкий забузил, поэтому давайте переменим ему кличку, вместо графа Косецкого, будем звать граф Кособузецкий!

— Громоносцев, без обеда завтра! — донеслось из-за дверей, и послышались удаляющиеся шаги.

Спальня ахнула.

— Сволочь. У дверей подслушивал!

— Ну и зараза.

— Сам ворует, а потом обижается, ишь гладкий какой, да еще наказывает.

— Войну Кособузецкому! Войну!

Возмущение ребят не поддавалось описанию. Было непонятно, почему вдруг халдей возмутился, но больше всего озлобило подслушивание у дверей.

Подслушивать даже среди воспитанников считалось подлостью, а тут вдруг подслушивает воспитатель.

— Ну, ладно же. Без обеда оставлять, подслушивать у дверей. Хорошо же. Попомнишь нас, Косецкий. Попомнишь, — грозился озлобленный Цыган.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Тут же экстренно сделали заседание и единогласно постановили: с утра поднять бузу во всей школе и затравить Косецкого.

— Попомнишь у нас.

Спальня заснула поздно, и, засыпая, добрый десяток голов выдумывал планы мести халдею.

Резкий звонок и грозный окрик «Вставайте!» сразу разбудил спальню старших.

— Если кто будет лежать к моему вторичному приходу, того без чаю оставлю! — выкрикнул Косецкий и вышел.

— Ага. Он тоже объявил войну, — ухмыльнулся Янкель, но не остался дожидаться второго прихода халдея, а стал поспешно одеваться. Однако, почти половина спальни еще лежала в полудремоте, когда вновь пришел Косецкий.

Он ураганом ворвался в спальню и, увидев лежащих, начал свирепо сдергивать одеяла, потом подлетел к спавшему Еонину и стал его трясти.

— Еонин, ты еще в кровати. Ты будешь без чаю!

Япончик сразу проснулся. Он хотел было вступить в спор с халдеем, но того уже не было.

— Без чаю. Ну, ладно! Мы тебе так испортим аппетит, что у тебя обед не полезет в рот, — заключил огорченно он.

Спальня была возбуждена. Лишь только встали, сейчас же начали раскачивать сложную машину бузы...

Воробей помчался к младшим агитировать, те сразу же дали согласие. Главные агитаторы Янкель, Японец и Цыган отправились в третье отделение и скоро уже выступали там с успехом.

Война началась с утреннего умывания.

Косецкий стоял на кухне и отмечал моющихся в тетрадке.

Вдруг в столовой показалась процессия. Шло человек пятнадцать, вытянувшись в длинную ленту. Они бодро махали полотенцами.

Потом ребята стали важно проходить мимо халдея, выкрикивая поочереди:

— Здра-
— вствуйте,
— Афа-
— насий
— Влади-
— мирович.
— Граф

— Ко-

— со-

— бу-

— зецкий! — смачно закончил последний.

Халдей оторопел, дернулся было поймать виновника, но, вспомнив, что они все бузят, сдержался, ограничившись предупреждением:

— Если это повторится, весь класс накажу.

В ответ послышалось ржанье всех присутствующих.

— Ого-го. Аника воин.

— Подожди. Заработаешь.

Косецкий, несмотря на угрозы, не отступался от своего. Еонин остался без чаю, и это еще больше взорвало ребят. Они начали действовать.

День выдался хороший. Солнце пекло, как никогда, но у пруда стояло затишье. Обычного купанья не было. Зато у перелеска царило необычайное оживление.

Проворные шкидцы карабкались по дубовым стволам за желудями, сбивали их палками, камнями и чем только было возможно.

Тут же внизу партия ползала по земле и собирала крепкие зеленые ядра в кепки, в наволочки и просто в карманы.

Зачем готовились такие запасы желудей, выяснилось немного позже.

Косецкий, довольный внезапной тишиной в школе, решил, что ребята успокоились. Откровенно говоря, он ожидал тяжелой борьбы и был чрезвычайно удивлен вдруг сразу наступившим затишьем.

Он, вполне удовлетворенный, тихо насвистывая, вышел на двор, потом прошел к пруду и сел на берегу, жмурясь под ярким солнцем.

Ему вдруг захотелось выкупаться.

Сразу разделся и бросился в воду.

Свежая влага приятно холодила тело. Косецкий доплыл до середины пруда и, как молодой резвящийся тюлень, окунулся, стараясь достать до дна.

Наконец, он решил, что пора вылезать, и повернул к берегу.

Вдруг что-то с силой стукнуло об его затылок. Боль была, как от удара камнем. Косецкий оглянулся, но вокруг было все спокойно и неподвижно. Тут взор его упал на качавшийся на поверхности воды маленький желтенький желудь.

«Желудем кто-то запустил»,— подумал халдей, но новый удар заставил его действовать и думать быстрее.

Он поплыл к берегу.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

«Щелк. Щелк». Сразу подряд два желудя стукнулись в его голову и опять в затылок. Положение было критическое.

«Нужно поскорее одеться. Тогда можно будет изловить негодяев», — подумал Косецкий. Размышления его прервал новый удар в висок, настолько сильный, что желудь, отлетев от головы, вдруг запрыгал по воде, а сам Косецкий пробкой выскочил на берег.

Попрежнему кругом стояла мертвая тишина.

— Погодите же! — пробормотал Косецкий и бросился к кустику, за которым лежало белье.

— О чорт!

Раз за разом в спину снова ударились крепкие, как камень, желуди.

«Скорей бы одеться», — думал воспитатель, вскакивая за куст, и вдруг холодная дрожь передернула все тело.

Белья не было.

Косецкий вне себя от ярости огляделся вокруг, все еще не уверенный в пропаже.

Он остановился, беспомощный, не зная, что делать. Он чувствовал, что на него глядят откуда-то десятки глаз, наблюдают за ним.

Как бы в подтверждение его мысли где-то поблизости перекатилось сатанинское злорадное гоготанье, и новый желудь шлепнулся в плечо халдея.

Теперь он понял, что это началось сражение, исход которого будет зависеть от выдержки и стойкости той или другой стороны.

Однако для него начало не предвещало ничего хорошего.

Белья не было. Невольно Косецкий ужаснулся. Ведь он был беспомощен перед ними. Между тем желуди все чаще и чаще свистели вокруг него.

Тогда халдей лихорадочно бросился искать белье. Он обшарил смежные кусты, стараясь не высовываться из-за зелени, служившей ему прикрытием, но белья не было. В отчаянии он выпрямился, но тотчас же снова присел. Пять или шесть желудей попали в спину.

Косецкому было стыдно. Он — воспитатель, а принужден сидеть нагишом и прятаться от мстительных воспитанников. Он знал, что так просто они его не отпустят.

Теперь он желал только одного: достать белье. Напрасно шарили глаза вокруг, белья не было. И вдруг радостный крик. Косецкий увидел белье, но уже в следующее мгновенье он разразился проклятием.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Сволочи. Негодяи.

Белье, сияя своей белизной, тихо покоилось на дереве.

— Что делать...

Ведь если лезть на дерево, то его закидают желудями, а палкой не достать. Чуть не плача, он, полный решимости, пополз к стволу. Но едва только выпрямился, как снова тело обожгли удары.

Бессознательно, руководимый только чувством самосохранения, Косецкий снова присел и услышал торжествующий рев невидимых врагов.

— А-а-а, смеются!

Вопль отчаяния и злобы невольно вырвался из горла, и уже в следующее мгновение халдей, с решимостью осужденного на смерть, полез на дерево, осыпаемый желудями.

Кора до боли царапала тело, два раза желуди попадали в лоб и причиняли такую боль, что халдей невольно закрывал глаза и приостанавливал путешествие, но потом, собравшись с силами, лез дальше.

Наконец он у цели.

Обратно Косецкий как-то бессильно соскользнул, поцарапав грудь и руки, но удовлетворенный победой.

Однако с бельем пришлось помучиться. Рукава нижней рубашки и кальсоны оказались намоченными и туго завязанными узлом.

Шкидцы это называли «сухариками», и Косецкому долго пришлось провозиться, пока удалось развязать намокшие концы.

Наконец он оделся и вышел, ожидая снова обстрела, но все было тихо.

Косецкий вне себя от обиды и злобы помчался на дачу, решив переговорить с заведующим, но и здесь его постигла неудача: Викниксор уехал в город.

Проходя по комнатам, он ловил насмешливые взгляды воспитанников и сразу угадал, что все они только-что были свидетелями его поражения.

Подошел обед, и здесь халдей вновь почувствовал себя в силе. Громоносцев и Еонин были лишены обеда.

После обеда шкидцы устроили экстренное собрание и, глубоко возмущенные, решили продолжать борьбу.

Теперь Косецкий, наученный горьким опытом, не отлучался с дачи никуда, но это не помогло. Снова началась бомбардировка. Стоило только ему повернуться, как сзади летел желудь. Он был бессилен и нервничал все больше и больше,

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

и как бы в насмешку со всех сторон слышалась только-что сочиненная песенка:

На березу граф Косецкий
Лазил с видом молодецким,
Долго плакал и рыдал,
Все кальсоны доставал.

Напрасно Косецкий метался, стараясь отыскать уголок, где можно было бы скрыться, везде его встречали желуди и песенка, песенка и желуди.

Он решил, наконец, отсидеться в воспитательской комнате и помчался туда. Вдруг взгляд его приковала стена.

На ней висел тетрадочный развернутый лист бумаги, вверху которого красовалось следующее:

«БУЗОВИК».

«Стенная газета. Орган бузовиков республики Шкид. Экстренный номер по поводу Косых направлений в Шкиде».

Дальше замелькали названия «Граф Косецкий». Сенсационный роман. «Купанье в пруду». «Долой графов».

В глазах халдея потемнело. Он сорвал лист с твердым намерением показать Викниксору.

В комнате воспитателей его ожидал сюрприз.

Едва он открыл дверь, как стоявшая щетка и табурет обрушились ему на голову.

Дальше Косецкий не выдержал. Слезы показались у него на глазах, и он упал на кровать.

Скоро по Шкиде пронеслась весть: с Косецким истерика.

Янкель и Япошка — редакторы первой шкидской газеты «Бузовик» — приостановили работу наполовине, не докончив номера.

Сразу упало настроение.

— Косецкий в истерике.

— Что-то будет?

Ребята ожидали грозы, но не боялись ее. Они чувствовали себя правыми.

Явилась Эланлюм.

— Что у вас вышло с Афанасием Владимировичем? — грозно вопросила она, но когда узнала, что Косецкий сам вел себя не лучше ребят, предложила замять всю историю и не доводить до сведения Викниксора.

На этом и порешили. Ребята выслали делегацию к халдею, и они помирились. До Викниксора дошел только маленький листик газеты «Бузовик».

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

На другой день Янкелю и Японцу сообщили, что их зовет Викниксор.

Ребята прежде, чем пойти, перебрали в уме все свои проступки за неделю и, не найдя ничего страшного, кроме замятого скандала с Косецким, бодро отправились в кабинет.

— Можно войти?

— Войдите. А, это вы!

Викниксор сидел в кресле. В руках он держал номер «Бузовика».

Ребята переглянулись и замерли.

— Ну садитесь. Поговорим.

— Да мы ничего, Виктор Николаевич. Постоим. — Янкель тревожно вспоминал все ругательства по адресу Косецкого, которыми был пересыпан текст «Бузовика».

— Так вот, ребята, — начал Викниксор. — Я, как видите, имел возможность прочесть вашу газету. На мой взгляд в ней один недостаток: она пахнет бульварщиной. Она груба, но в ней также много и остроумного.

Викниксор вслух перебрал ряд заметок и, увлекшись, продолжал:

— Почему бы вам, в самом деле, не издавать хорошей школьной газеты? Видите ли, я сам пробовал натолкнуть учеников на это и даже выпустил один номер газетки «Ученик», но воспитанники не отозвались, и газета заглохла. Вы, я вижу, интересуетесь этим, а поэтому валите-ка, строчите. Название, разумеется, надо переменить. Ну... ну... хотя бы «Зеркало»... и с лозунгом можно: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

— Мы-то уж давно хотели, — вставил Японец.

— Ну, а коли хотели, то и делайте. Я даже рад буду, — закончил Викниксор.

Через четверть часа газетчики вышли из кабинета, нагруженные бумагой, чернилами, тушью, перьями, вставками, карандашами и красками.

Все случившееся было так неожиданно, что только у дверей спальни ребята опомнились и сообразили, в чем дело.

— Здорово вышло, — воскликнул восхищенный Янкель.

— Да, — протянул Япончик. — Ожидали головомойки, а получили поощрение...

На другой день на вышке готовился первый номер шкидской школьной газеты «Зеркало». Янкель, подложив под лист папку, разрисовывал заголовок. Япончик писал передовицу от редакции. На краю крыши сидел согнувшись Цыган, вызвавшийся редактировать отдел шарад и ребусов. Тут же,

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

впав в поэтический транс, Воробей строчил стихи о закате солнца на горизонте шкидской дачи.

Покончив с заголовком, Янкель сел рядом с Японцем, и вдвоем они принялись за составление стихотворения, в котором нужно было изложить программу нового органа.

Стишки были слабые, но начинающим стенгазетчикам они показались самыми лучшими из всех стихов, и поэтому немедля Янкель стал их переписывать в колонку стенгазеты.

Первый номер «Зеркала» вышел на другой день утром.

Редколлегия была в восторге и все время вертелась около толпы читающих шкидцев. Повесили номер в столовой. За обедом Викниксор в своей обычной речи отметил новый этап в школе — появление «Зеркала», послал привет сияющим редакторам и пожелал дальнейших успехов.

Стенгазета понравилась всем, но больше всего Янкелю. Тот раз десять подбегал к ней, с тайным удовлетворением перечитывая свои стихи.

Наша «Зеркало» газета—
Орган школы трудовой,
В ней хотим ребят потешить,
Показать наш быт простой.

Успех первого номера подтолкнул еще больше к газете, и скоро выпорхнул номер второй, уже более обширный и более богатый, за ним третий, четвертый.

Так из бузы, из простой шалости родилось здоровое начинание.

А лето незаметно меняло краски.

Уже предательски поблескивали робкие желтенькие листики на деревьях и слишком темными становились ночи.

К шкидской даче подкрадывалась неслышно осень...

. . . . . .

Однажды случилась заминка с продуктами. То ли в складе оказалась недостача, то ли с ордерами запоздали, но следствием этого явилось резкое сокращение и так уже незначительного пайка.

Перестали совершенно выдавать к обеду хлеб и сократили вечернюю порцию с четверти фунта до осьмушки.

Шкида погрузилась в уныние. Такой паек не предвещал ничего хорошего, к тому же по слухам увеличение предвиделось не скоро.

«Зеркало», развернувшееся к этому времени в газету большого формата, забило тревогу. Появились запросы,

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

обращения к педагогическому совету с приглашением осветить через газету причину недостатка продуктов.

Викниксор вызвал редакторов и имел с ними по этому поводу беседу, результатом которой явилась статья-интервью с мрачными взглядами на будущее.

Шкидцев охватила паника, но пока третье и четвертое отделения ломали головы, ища выхода, первое и второе уже нашли его и блаженствовали.

Выход был прост. Подходила осень, по соседству находились огромные стрельнинские огороды, в которых поспевал картофель. Огороды почти не охранялись, и проныристым малышам ничего не стоило устраивать себе ужин из печеного, вареного, жареного картофеля. Для этого ходившие в отпуск выклянчивали дома масло, жир, жировар и потом привозили в Шкиду.

Скоро примеру младших последовали и старшие.

Паломничество в чужие огороды росло и ширилось, пока не охватило всю школу.

Прекратились сразу жалобы на скверный паек, на жидкий суп, потому что картошка, хорошая, розовая, молодая картошка насытила всех.

Жидкий суп становился густым, как только его разливали по тарелкам. Печеная картошка сыпалась в бульон и получалось довольно приличное питательное блюдо.

На даче печек не топили, кроме плиты, но зато вокруг было так много густых перелесков, что в этом нужды не чувствовалось.

Лишь только солнце переставало светить и побледневшее окуналось в дымчатые дали горизонта, — вокруг шкидской дачи вместе с поднимающимся туманом со всех сторон выпархивали узенькие, сизоватые струйки прозрачного дыма.

Они вились и рождались где-то там внизу, в лесу, у выдолбленных сырых пней и высохшей травы.

Маленькие костры весело мигали, шипели сырыми сучьями и манили продрогших в сыром тумане ночных похитителей стрельнинской картошки.

Те приходили партиями, выгружали добычу и пекли круглые катышки, приносящие довольство и сытость.

С дачи эти дымки в долине были особенно хорошо видны, но первое время на них не обращали внимания, пока однажды Викниксор не отправился исследовать таинственное явление.

Загадочные существа в лесу во-время заметили его длинную фигуру и в панике скрылись в чащу, а он нашел только десятка полтора костров и горы картошки. Вызвав воспитан-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklyrar.ru/

ников, Викниксор велел им перенести все найденное картофельное богатство в кладовую для общего котла, а сам остался тушить костры.

Потом он заперся у себя в кабинете и долго обдумывал свое открытие.

Собственно думать много не пришлось. Ясно было, что костры разводили воспитанники для того, чтобы печь картошку, которую они же воровали с огородов.

Надо было принять меры.

Викниксор вызвал прежде всего Янкеля и Япончика, как представителей печати, и предложил им начать кампанию в «Зеркале» против воровства, но печать скромно потупила очи, и последующие номера газеты ни словом не заикнулись о картошке.

Зато заведующий сказал свое слово. Он предупредил коротко и веско:

— Кто попадется в краже картошки с чужих огородов, тот немедленно переводится в лавру.

Угроза подействовала. Картошку стали воровать меньше, но зато ударились в близлежащие огороды за репой и брюквой.

Скоро разыгрался крупный скандал.

Пришли жаловаться. За три дня к Викниксору явилось шесть делегаций с категорической просьбой обуздать учеников.

Викниксор издал вторичный приказ по школе, еще более грозный, и запугал до отказа шкидцев.

— Ну ее к чорту, эту картошку!

— Еще запорешься!

Были еще смельчаки, которые попрежнему ходили на отхожие промыслы, но благоразумные уже отставали.

— Довольно. Бросаем, пока не влопались.

Так же говорили Янкель и Япончик:

— Довольно. С завтрашнего дня ни одной картошки с чужих огородов. А сегодня... Сегодня надо сходить в последний раз.

И пошли.

Было это после обеда.

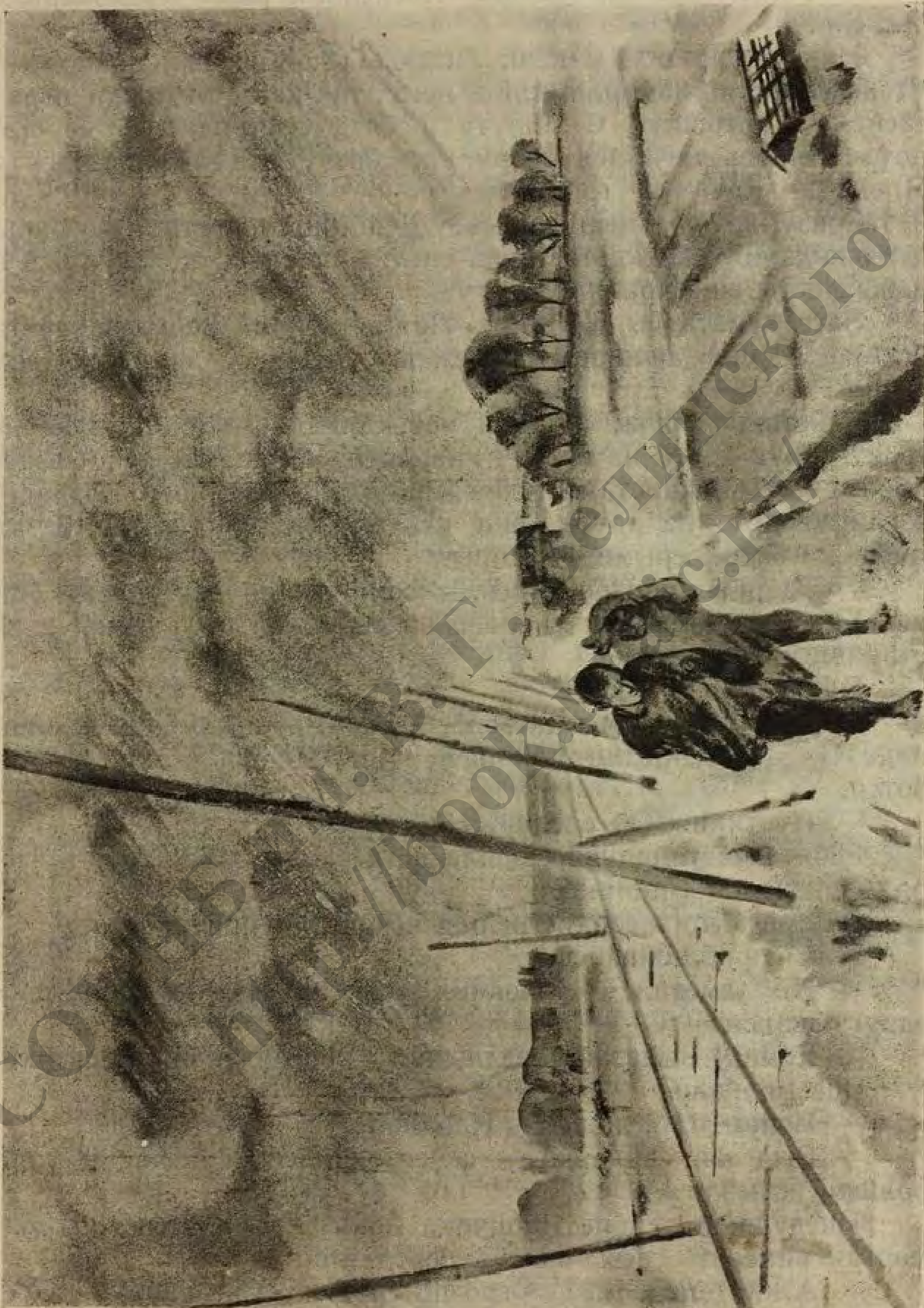
День выпал пасмурный и холодный. Только-что прошел дождь, и трава была сырая, леденящая. Но Янкель и Японец все же пошли.

Захватили по наволочке с подушек, решив набрать побольше.

Вышли на трамвайную линию и зашагали по шпалам.

Япончик ругался и подпрыгивал, согревая посиневшие босые ноги.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/



СОНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Чорт. В такую погоду да картошку копать.

— Ничего не поделаешь. Последний раз, — успокаивал Янкель.

Наконец пришли к цели. Огород был большой и знакомый. Стенгазетчики уже привыкли к нему, так как оттуда они не раз таскали картошку. С минуту ребята постояли на дороге, потом Янкель нагнулся и юркнул в ботву. За ним последовал Японец.

Сразу же оба выругались. Действительность превзошла все ожидания. Дождь оставил след: в грядках стояли лужи и даже листы еще хранили влагу.

Зато копать было легко. Прямо руками дергали ребята ботву, и она покорно вылезала вместе с гнездом картошки.

Работали молча, изредка перекликались тихо, чтобы не терять друг друга из виду, и, наконец, когда наволочки вздулись грязными животами, ребята выползли на дорогу. Однако, взглянув друг на друга, они испугались: чистенькие белые рубашки были серыми от глины.

— Здорово обработались, — сокрушенно проговорил Янкель, но Япошка только свирепо взглянул на него и дал знак отправляться обратно.

Подходили к даче.

— Как бы не засыпаться! Мимо Витиных окошек итти надо, — предупредил Японец, но Янкель был беззаботен.

— Пустяки. Он слепой. Не заметит.

Ребята благополучно дошли до веранды, как вдруг в дверях показался Викниксор.

Оба редактора юркнули под веранду и притаились.

Шаги приближались.

— Не заметил, — успокоил себя дрожащий Японец и вдруг сжался.

— Еонин! Вылезай немедленно! — раздался окрик сверху.

Оба молчали.

— Еонин! Ну, живей!.. Каналья!

— Вылезай, Япошка, — забеспокоился Янкель. — Запорались, вылезай.

Тщедушное тельце Японочика показалось на свет, и он, моргая виновато, остановился перед Викниксором.

— А картошка где? — грозно спросил заведующий.

— Какая картошка?

— Доставай картошку, каналья! — заревел гневно Викниксор.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

От слова до слова все слышал Янкель и дрожа стал отсыпать картошку из наволочки, а перед глазами проносились картины.

— Засыпались... Позор... В лавру отправят — и прощай-газета «Зеркало»!

— Доставай картошку, — гремело сверху.

Потом Янкель услышал тихий голос Япончика.

— Сейчас, Виктор Николаевич, — и сам Еонин показался перед щелью. Янкель молча сунул ему в руки наполовину опустошенную наволочку, и тот полез обратно.

Наверху, завозились и две пары ног, дробно отстукивая, удалились.

Янкель осторожно вылез и огляделся. В таком грязном виде итти в школу нельзя. Надо было вымыться и выстирать рубаху. Дрожа от холода, он помчался к пруду, скинул белье и стал его стирать, потом тщательно выжал и надел. От мокрой рубахи стало еще холодней. Зубы выбивали барабанную дробь. Янкель побегал, чтобы согреться и обсушить белье на теле, потом постарался придать себе беззаботный вид и насвистывая направился к даче.

У дверей его встретили ребята и предупредительно насовали в руки желудей.

— Скажи, что желуди собирал. Витя искал тебя.

Однако желуди не понадобились. Лишь только он прошел в столовую, на него наскочили воспитатели.

— Черных, в спальню немедленно.

— Зачем.

— Иди и не разговаривай.

В спальне сидел Викниксор. При виде Янкеля он нахмурился.

— Раздевайся и ложись.

Янкель понял, что запирательства не помогут.

— Где наволочка?

— Сейчас принесу, Виктор Николаевич.

Вместе с картошкой появилась на свет грязная, замусленная наволочка.

Потом их раздели, попросту отняли штаны, таким образом заставив лежать в кроватях.

Летом это было очень тяжелым наказанием, но на дворе уже бродила осень, и наказание подействовало мало.

Много передумали Японец и Янкель лежа в кроватях, днем к ним забегали и сообщали последние новости.

— Вас в лавру направляют!

— Викниксор выхлопатывает сопроводительные документы!

Центральная городская библиотека имени А. Г. Белинского Свердловск

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Новости были одна печальнее другой, и парочка приуныла. Потом горе стало казаться привычным. Уже оба преступника перестали себя считать шкидцами, и, наконец, после нескольких дней ожидания Янкель предложил.

— Давай, выпустим прощальный номер «Зеркала».

Японец согласился.

Тяжело было делать последнюю газету.

Японец написал веселый фельетон под названием «Гроза огородов». Читали оба, смеялись над злополучными похождениями двух бандитов, а когда прочли, задумались. Грустно стало.

Однако фельетон пустили гвоздем номера. Это было своевременно. Вопрос о переводе Янкеля и Японца был злободневным вопросом, вопросом спорным. Мнения педагогического совета разделились. Одни стояли за перевод, другие за оставление.

Янкель украсил фельетон рядом крупных карикатур, потом написал грустное лирическое стихотворение, — описание осени. Принес стихотворение и Финкельштейн — Кобчик, знаменитый в Шкиде поэт.

Прибавили ряд заметок и выпустили прощальный номер.

Об отъезде ни слова не было в газете, но номер вышел на этот раз грустный.

Наконец настал день.

Янкелю и Японцу выдали белье и велели собираться. Серый тусклый день показался больным и скучным. Когда одетые в пальто и сапоги ребята собрали свои вещи и вышли на веранду, вся Шкида дожидалась их там.

Ребята попрощались. Вышел Викниксор, сухо бросил.

— Пошли.

Вот уже дорога. Блестят сырые трамвайные рельсы. В последний раз оглянулись на дачу, где оставили своих товарищей, Косецкого и «Зеркало», любимое детище, взращенное собственными руками...

Сели в трамвай.

Всю дорогу Викниксор молчал.

У Нарвских ворот ребята вылезли, ожидая дальнейших распоряжений.

Викниксор посмотрел на них, потом процедил.

— Сейчас зайдем в школу. Мне надо по делам.

Пошли по знакомым улицам. В городе осень чувствовалась еще больше. Панели посерели от дождя и грязи, капала вода, хотя дождя не было.

Показалось знакомое желтое здание Шкиды.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urai.ru/

Ребята прошли двор, поднялись на лестницу.

Дверь открыл дворник.

Шаги непривычно гулко отдавались в пустынных комнатах. Непривычно было смотреть на мертвые классы, где всегда был слышен хохот, треск парт, пение.

Викниксор ушел к себе в кабинет.

Янкель и Японец переглянулись. Жалко было расставаться со Шкидой, к которой так привыкли, а теперь стало еще более жалко, при виде знакомых парт с вырезанными ножиком надписями:

«Янкель дурак».

«Япошка — картошка».

Оскорбительные когда-то слова теперь вдруг приобрели необычайную прелесть.

Ребята долго рассматривали надписи. Потом Янкель умиленно произнес.

— Это Воробей вырезал.

— Да, это он, — мечтательно поддакнул Японец и вдруг добавил: Давай попытаемся. Может оставит.

Янкель понял.

Раздались шаги. Вошел Викниксор. Он деловито осмотрел комнату и сказал:

— Парты запылились. Возьмите тряпки и вытрите хорошенько.

Ребята молча пошли на кухню и, взяв тряпки, стали обтирать парты.

Кончив, твердо решили:

— Пойдем к Викниксору, попытаемся.

На робкий стук последовало:

— Войдите.

Увидев ребят, Викниксор встал.

— Виктор Николаевич, вы, может, оставите нас?

— Оставите, может? — как эхо повторил Еонин.

Викниксор безразличным взглядом посмотрел на ребят и вдруг равнодушно сказал.

— Да, я вас оставлю. За вас поручилась вся школа, а сюда я вас привез для того, чтобы вы подчистили помещение к приезду школы. Завтра она переезжает с дачи.

Шкида переехала с треском. Едва трамвайные платформы остановились у дома и ребята начали разгрузку, уличная шпана окружила их.

— Эге-ге. Приютские крысы приехали?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

— Крысы приехали!

— Эй вы, голодные!

Воробей возмутился и подскочил к одному особенно старавшемуся.

— Как сказал, стерва? Повтори!

Тот усмехнулся и, заложив руки в карманы, оглядел своих.

— А вот как сказал, так и сказал.

— А ну повтори!

— Голодные крысы!

В следующее мгновение кулак Воробья прилип с треском к носу противника. Брызнула кровь.

— А-а-а! Наших бить!

Шпана смяла Воробья, но подоспела выручка. Шкидцев было больше. Они замкнули круг, и началась драка. Сразу же шпана оказалась в невыгодном положении. Их окружили плотной стеной. Сперва они бились отчаянно храбро, но скоро из десятка храбрецов половина лежала, а вторая половина уже не дралась, а только закрывалась от сыпавшихся ударов.

— О-ой. Больно!

— Хватит!

— Не бейте!

Шкида уже не слышала стонов. Она рассвирепела, и десятки рук попрежнему со злобой опускались на врагов.

Драку прекратил Викниксор. Увидев из окна, он выскочил взбешенный на панель, но при виде его шкидцы брызнули во все стороны, оставив на поле битвы избитых противников и Воробья, который был сильно помят и не в силах был убежать.

Драка имела свои последствия. Едва шкидцы устроились и уставили мебель в здании, как получился приказ заведующего: «Никого гулять не выпускать». Ребята приуныли, пробовали протестовать, но безрезультатно. А на другой день Шкида обогатилась еще двумя параграфами закона.

Устроили общее собрание, и Викниксор принес толстую книгу.

Притихшая аудитория с испуганным видом уставилась на книгу в черном коленкоровом переплете, а заведующий, раскрыв папку, показал всем первый лист, на котором красками было тщательно выведено:

«ЛЕТОПИСЬ ШКОЛЫ ИМЕНИ ДОСТОЕВСКОГО».

— Ребята. Отныне у нас будет школьная летопись. Сюда будут записываться замечания воспитанникам, все проступки

© ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

будут отмечаться здесь в книге, — заговорил торжественно Викниксор. — Все провинности, все безобразия воспитанников будут на учете у педагогов, по книге мы будем судить о вашем поведении. Бойтесь попасть в летопись, это позорная книга, и нам неприятно будет записывать сюда воспитанников, но сегодня же при вас я делаю первую запись.

Викниксор достал карандаш и, отчетливо произнося каждое слово, записал на чистом девственном листе:

«Черных уличен в попытке присвоить казенные краски».

Ребята притихли. Янкель тоже опечалился, не столько от записи, сколько от обиды, почему он первым записан.

А Викниксор, желая углубить страх перед наказанием, ударился в будущее.

— Вот я записал Черных, ребята. Черных хотел присвоить краски. Это останется навсегда. Может-быть, впоследствии Черных будет знаменитым художником. И вот он будет сидеть в кругу знакомых почитателей и вдруг появится «Летопись», — все раскроют ее и прочтут: «Черных уличен в попытке присвоить казенные краски». Тогда все отшатнутся от него, ему скажут: «Ты вор — тебе нет места среди честных людей».

Викниксор вдохновился, но вдруг вспомнив что-то, оставил бедного Янкеля в покое.

— Кроме «Летописи», ребята, у нас вводятся разряды. У нас будет пять разрядов. Первый разряд — это будут те ученики, которые в течение месяца не получат ни одной дурной записи в «Летопись». Перворазрядник — это хороший, примерный воспитанник. Он будет беспрепятственно отпускаться в отпуск, свободно ходить гулять, перворазрядники в первую очередь будут ходить в театры и будут получать лучшее белье. Они будут примерными учениками. Второй разряд — это ученики, не получившие дурного замечания в течение недели. Второй разряд также пользуется правом свободного гулянья и отпусков, все остальное он получает после первого разряда. Для того, чтобы попасть в первый разряд, нужно месяц пробыть во втором без замечаний. Третий разряд у нас будут середняки, с парой или одним легким замечанием, но третий разряд уже лишается права свободных гуляний, он будет отпускаться только в отпуск. Из третьего разряда во второй попасть можно, если воспитанник пробудет в третьем разряде неделю без замечаний, если же есть одно замечание, он попрежнему остается в третьем.

Викниксор сделал паузу и оглядел сидевших. Воспитанники были придавлены и огорошены громоздкой системой.

— Теперь переходим дальше. Все, кто получает свыше трех замечаний за неделю, попадают в штрафной разряд — четвертый и на неделю лишаются прогулок и отпусков, но...— Викниксор многозначительно поднял брови. — Но если за неделю пребывания в штрафном четвертом разряде воспитанник не получит ни одного дурного замечания, он снова поднимается в третий. А пятый разряд — это особый разряд, пятый разряд будет лишаться на месяц прогулок и отпусков, а попадать в него будут воры и хулиганы. Кто проворуется, тому мы беспощадно в тетради ставим букву «В» и на месяц изолируем от остальных воспитанников.

Викниксор говорил много и долго, учредил кроме общего собрания еще классные, и тут же назначил дни, в какие происходят классные собрания.

Классные собрания будут отмечать поведение класса, успешность и производить пересортировку в разрядах. Разряды назначает воспитатель.

В одну из ближайших недель Шкиду рассортировали на пять кучек, примерных, хороших, средних, скверных и воров, а пособием к сортировке служила «Летопись», отныне разделившая однообразную серую массу на разряды.

С «Летописью» — зоркой, как часовой, начала свой новый учебный год Шкида.

Лето прошло...

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uair.ru/

«КАУФМАН ФОН ОФЕНБАХ».

Шкида на досуге. — Барон в полупердончике. — Воспоминания бывшего кадета. — О Николае Втором и просвирке с маслом. — Кауфман. — Держиморда, любящий кошек.

В классе IV отделения слабо мерцают угольные лампочки... По стенам прыгают серые, бесформенные тени.

У раскаленной печки сидят Япошка, Янкель и Цыган. Они вполголоса разговаривают, поочереди затягиваясь папиросным окурком, пускают дым в узкое жерло топки.

Пламя топящейся печки бросает на их лица красной заревой отсвет.

Остальные шкидцы разбрелись по разным углам класса; обладающие хорошим зрением читают, другие бузят, — возятся, третьи, прикрывшись досками парт, дуются в «очко». Горбушка играет с Воробьем в шахматы, получает мат за матом и по неопытности не ведает, что Воробей его надувает.

Данилов и Сорока, усевшись на пол у классной доски, нашли игру более для себя интересную — «ножички», — бросают поочереди перочинный нож.

— С ладошки! — кричит Сорока и подбрасывает нож.

Нож впивается в некрашенную доску пола.

Потом бросает Данилов. У него — промах.

— С мизинчика! — снова кричит Сорока и опять вбивает нож.

Сделав несколько промахов, он разницу прощелкивает Данилову по лбу крепкими, звонкими щелчками. Широкоплечий Данила, нагнув голову, тупо смотрит в пол, при каждом щелчке вздрагивает и моргает.

В классе не шумно, но и не тихо, — голоса сливаются в неровный гул...

Заходит воспитатель... Он нюхает воздух, замечает дым и спрашивает:

— Кто курил?

Никто не отвечает.

— Класс будет записан, — говорит халдей и выходит.

После его ухода игры прекращаются, все начинают скулить на тройку, сидящую у печки. Те, в свою очередь, огрызаются на игравших в «очко».

Золотушный камчадал Соколов, по кличке «Пьер», кончив чтение, подходит к игравшим в шахматы и начинает приставать к Воробью.

— Уйди, — говорит Воробей.

— Никак нет-с, — отвечает Пьер.

— В зубы дам.

— Дай.

Но щуплый Воробей в зубы не дает, а углубляется в обдумывание хода. Пьеру становится скучно, он садится за парту и начинает петь:

Спи, дитя мое родное,
Бог твой сон хранит...
Твоя мама машинистка, —
По ночам не спит.
Брат ее убит в Кронштадте,
Мальчик молодой...

В это время в класс входит Викниксор. Все вскакивают. Картежники украдкой подбирают рассыпавшиеся по полу карты, а Янкель, не успевший спрятать папиросу, тушит ее носком сапога.

Вместе с Викниксором в класс вошел здоровенный детина, одетый в узкий с золотыми пуговицами мундирчик... Мундир у детины маленький, а сам детина большой, поэтому рукава едва доходят ему до локтя, а на животе отсутствует золотая пуговица и зияет прореха.

— Новый воспитанник, — говорит Викниксор. — Мстислав Офенбах... Мальчик развитой и сильный. Обижать не будете... Правда, мальчик?

— У-гу, — мычит Офенбах таким басом, что не верится, что голос принадлежит ему, а не тридцатилетнему мужчине.

— Мальчик, — насмешливо шепч[illegible] кто-то: — ничего себе мальчик. Небось, сильнее Цыгана...

Когда Викниксор уходит, все обступают новичка...

— За что пригнали? — любопытствует Япошка.

— Бузил дома, — басит Офенбах. — Меня мильтоны вели, так бы не дошел.

Он улыбается. Улыбка у него детская, не подходящая к мужественному грубому лицу... Сразу все почему-то решают, что Офенбах хотя и сильный, но не злой.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Сколько тебе лет? — спрашивает Цыган, уже почуявший в новичке конкурента по силе.

— Четырнадцать, — отвечает Офенбах. — Сегодня как раз именинник... Это мне мамаша подарочек сделала, что пригнала сюда.

Он осматривает серые стены класса и грустно усмехается.

— Ничего, — говорит Японец. — Подарочек не так уж плох... Сживемся.

— Неужели тебе четырнадцать лет? — задумчиво говорит Янкель. — Четырнадцать лет, а вид гужбанский, — прямо купец приволжский какой-то.

— И верно, — говорит Воробей. — Купец...

— Купец, — подхватывает Горбушка.

— Купец, — ухмыляется Офенбах, не ведая, что получает эту кличку навеки.

— А что это у тебя за полупердончик? — спрашивает Янкель, указывая на мундир.

— Это — кадетская форма, — отвечает «Купец». — Я ведь в кадетском учился. В Петергофском, потом в Орловском.

— Эге! — восклицает Янкель. — Значит благородного происхождения.

— Да, — отвечает Купец, без всякой гордости, — благородного... Отец мой офицер, барон остзейский... Фамилия-то моя полная — Вольф-фон-Офенбах.

— Барон?!.. — ржет Янкель. — Здорово!..

— Да только, жизнь-то моя не лучше вашей, — говорит Купец: — тоже с детства дома не живу.

— Ладно, — заявляет Япошка. — Пускай ты барон, нас не касается. У нас — равноправие...

Потом все усаживаются к печке. Купец садится, как индейский вождь, посередине на ломаный табурет.

Он чувствует, что все смотрят на него, самодовольно улыбается и щурит и без того узкие глаза.

— Значит ты тово... кадет? — спрашивает Янкель.

— Кадет, — отвечает Купец и, ухмыляясь, добавляет: — бывший.

Несколько мгновений длится молчание. Потом Мамочка тонким писклявым голосом спрашивает:

— У вас ведь все князья да бароны обучались... Да?..

— Фактически, — басит Купец, — все дворянского званья. Не ниже.

— Иш ты, — говорит Воробей. — Князей значит видел. За ручку, может-быть, здоровался...

— И не только князей. Я и самого Николая видел.

Собрание Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Николая? — восклицает Горбушка. — Царя?

— Очень даже просто. Он к нам в корпус приезжал, а потом я его часто видел, когда в дворцовой церкви в алтаре прислуживал. Эх, жисть тогда была, — малина земляничная!..

Купец вздыхает:

— Просвирками питался!

— Просвирками?

— Да, просвирками, — говорит Купец. — Вкусные просвирки были в дворцовой церкви, замечательные просвирки. Напихаешь их бывало штук двадцать за пазуху, а после с товарищами жрешь. С маслом ели. Вкусно...

Он мечтательно проводит рукою по лбу и снова вздыхает:

— Только засыпался очень неприятно!

— Расскажи, — говорит Японец.

— Обыкновенно я в корпус таскал просвирки — там их и шамали... А тут пожадничал, захватил маслица, думаю — в алтаре где-нибудь в ризнице позавтракаю. Ну вот... На амвоне служба идет, дьякон «спаси господи люди» запевает, а я ножичек вынул и просвирки разрезаю. Нарезал штук пять, маслом намазал, склеил, хотел за пазуху класть, а тут значит батюшка, отец Веньямин, входит, чтоб ему пусто... Ну я, конечно, все просвирки на блюдо и глаза к полу. А он меня на дворцовую кухню за кипятком для причастия посылает. Прихожу оттуда с кипятком, — нет просвирок, унесли уже. Сдрейфил я порядком. Все сидел в ризнице и дрожал. А потом батя входит. В руках просвирка. «Это что такое?» — спрашивает. Ну, безусловно, меня в три шеи, и в корпусе в карцере двое суток пропрел. Оказывается, батя Николаю стал подавать просвирку, а половина отклеилась и на пол... Конфузу, говорят, было... Потеха!

Ребята хохочут. В это время трещит звонок.

— Спать хряемте, — говорит Воробей.

— Что это? — удивляется Купец. — Так рано спать?

— Да, — отвечает Японец. — У нас законы суровые. Хотя не суровее кадетских, но все-таки...

В спальне вспоминают, что Купец не получил от кастелянши постельное белье. Кастелянша работает до шести часов и позже белье не получить.

— Пустяки, — говорит Японец. — Соберем с бору по сосенке... Выспится.

Коек пустых много, собирают белье, кто подушку, кто одеяло, кто простыню дает, из подушек делают матрац и постель. У Купца получается не хуже, чем у других.

СОЮЗ. В. Г. Белинского http://book.karelia.ru/

Купец укладывается, завертывается в серое мохнатое одеяло и басит.

— Спокойной ночи, робя!

Потом засыпает, храпит, как боров, и не слышит приглушенных разговоров ребят, которые тянутся за полночь...

Утром дежурный проходит по спальне, звонит в серебристый колокольчик. Воспитанники вскакивают, быстро одеваются и бегут в умывальню. Когда вся спальня уже на ногах, все постели убраны, одеяла сложены вчетверо и лежат на подушках, дежурный замечает, что новый воспитанник IV отделения спит.

Дежурный — первоклассник Козел, маленький, гнусавый, бежит к офенбаховской кровати и звонит над самым ухом Купца. Тот просыпается, вскакивает и недоумевающе смотрит в лицо дежурного.

— Ты чего, сволочь?

— Вставай, пора... Все уже встали, чай идут пить.

Купец скверно ругается, снова залезает под одеяло и поворачивается спиной к Козлу.

— Да вставай же! — тянет Козел.

Ему попадет, он получит запись в «Летопись», если не все воспитанники будут разбужены.

— Вставай ты... — гнусит он.

Купец внезапно вскакивает, сбрасывает с себя одеяло и сразмаху ударяет Козла по щеке. Козел взвизгивает, хватается за щеку и, выбегая из спальни, кричит.

— Накачу! Будешь драться, сволочь!

Но жаловаться Козел не идет,—фискалов в Шкиде не любят.

Через минуту Козел возвращается в спальню с Японцем, призванным для воздействия на Купца.

— Эй, барон, вставай, — говорит Японец, дергая Купца за плечо...

Купец высовывает голову из-под одеяла.

— Пошли вы подальше, а не то...

Но он уже проснулся.

— Что будите-то? — хмуро басит он. — Который час?

— Восемь, начало девятого, — отвечает Японец.

— Чорт, — тянет Купец, но уже добродушнее. — Раненько же вас подымают. У нас в корпусе и то полдевятого зимой будили.

— Ладно, — говорит Японец. — Вставай.

— А я вот раз дядьку избил, — вспоминает Купец. — Кузьмичем звали. Уж зарю проиграли, а я сплю... Он меня будит. Я ему раз—в ухо...

Собрание Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Купец мечтательно улыбается и высовывает из-под одеяла ноги.

— Идем умываться, — говорит Японец, когда Купец, напялив мундирчик, застегивает сохранившиеся на нем золотые пуговицы.

В умывальне домываются лишь два человека. Костец стоит у окна и отмечает в тетрадке «птичками» вымывшихся.

— Как фамилия? — спрашивает он у Купца, потом добавляет: — сними куртку.

Купец нехотя снимает мундир и нехотя, лениво ополаскивает лицо и шею.

Халдей осматривает вымывшегося для первого раза снисходительно и ставит в тетрадь птичку.

— Ну, ребята, — говорит после чая товарищам Японец. — Барон-то наш — вышибалистый... Держимордой будет, хотя и добродушен.

А «добродушие» Купца выясняется в тот же день.

Купец идет в гардеробную получать белье. Там он снимает с себя кадетские мундир и брюки «клош» и облачается в казенное, — холщевые рубаху и штаны.

Кастелянша Лимкор (лимонная корочка) или Амвон (американская вонючка), — старая дева, любящая подчас от скуки побеседовать с воспитанниками, расспрашивает Купца об его жизни...

— Животных любишь? — спрашивает она, сама страстно обожающая собак и кошек.

— Люблю,—отвечает Купец.—Я всех животных люблю,— и собак, и кошек, и людей.

Амвон рассказывает об этом воспитателям, а те товарищам Купца.

За Купцом остается репутация сильного, вспыльчивого, но добродушного парня.

В Шкиде, а особенно в IV отделении, он получает диктаторские полномочия и пользуется большим влиянием в делах, решающихся силой. Однокашники зовут его шутливо-почтительно «Купа».

Учиться Купец не любит.

СОЛЬ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ПОЖАР.

Юбилейный банкет. — Уголек из буржуйки. — Живой покойник. — Руки вверх. — Драма с дверной ручкой. — Обгорелое детище. — Новое «Зеркало».

Десять часов вечера. Хрипло пробрякали часы. Звенит звонок.

Утомленная длинным слепым зимним днем с бесконечными уроками и ноской дров, Шкида идет спать.

Затихает здание, погружаясь в дремоту.

Дежурная воспитательница — немка Эланлюм бесконечно довольна. Сегодня воспитанники не бузят. Сегодня они тихо укладываются в постели и сразу засыпают. Не слышно диких выкриков, никто не дерется подушками, все вдруг стали послушными, спокойными и тихими.

Такое настроение у воспитанников бывает редко, и Эланлюм чрезвычайно довольна, что это случилось как раз в ее дежурство.

Ее помощник — воспитатель, полный, белокурый, женоподобный мужчина, по прозвищу Шершавый, уже спит.

Шершавый — скверный воспитатель из породы «мягкотелых». Он добродушен, не быстр в движениях и близорук, — это позволяет шкидцам в его присутствии бузить до крайности.

Сегодня Шершавый утомлен. Он не только воспитатель, но и фельдшер. Сегодня был медицинский осмотр, и Шершавый очень устал, перещупав сорок шкидцев.

Шершавый спит, но Эланлюм не сердится на это. Она и без воспитателя уложила всех спать.

Эланлюм смотрит на часы — четверть одиннадцатого. Она идет в четвертый класс и видит необычайную картину.

Весь класс сидит на партах. Лица у всех серьезны.

При входе немки ребята встают и замирают, потом к ней подходит Еонин и робко говорит.

— Элла Андреевна. Сегодня мы справляем важный юбилей — выход двадцать пятого номера «Зеркала». Элла Андре-

ЦОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

евна, мы бы хотели отпраздновать это важное для нас событие устройством маленького банкета и поэтому всем классом просим вас разрешить нам остаться здесь до двенадцати часов. Мы обещаем вам вести себя тихо. Можно?

Глаза всего класса впились в воспитательницу — лица у всех серьезны.

Немка растрогана.

— Хорошо — сидите, но чтобы было тихо.

Она уходит. В классе начинаются приготовления. Выдвинут круглый стол, уставленный яствами, средства на которые собирались всем классом в течение двух недель. Посредине стола Янкель ставит чайник с кипятком и, расставив кружки, говорит:

— Прошу к столу.

Ребята чинно садятся. Япончик пробует сказать речь:

— Братишки, вышел двадцать пятый номер нашего «Зеркала» — органа воспитанников школы для трудновоспитуемых.

Он хочет что-то добавить, но больше не находит слов и садится.

Все растроганы. Каждый хочет что-то сказать хорошее двум редакторам, но связной речи никто не может произнести.

Воробей тихо говорит.

— Молодцы Янкель и Япончик. Продолжайте и дальше так.

Настроение тихое, умиротворяющее. Янкель торжественно достает из парты комплект «Зеркала» и раскладывает его по столу. 25 номеров пестрой лентой раскинулись на черном крашеном дереве, двадцать пять номеров — двадцать пять недель усиленного труда — это действительно стоит отметить.

Класс с уважением смотрит на газету, класс тронут, и только один Купец, забравшись в угол, расправляется с колбасой. Он тоже взволнован, но не газетой, а «шамовкой».

Потом ребята вновь усаживаются и пьют чай с печеньем, едят хлеб с маслом и колбасой.

В классе жарко.

Поставленная на время холодов чугунка топится с утра дровами, наворованными у дворника. От чаю и от жары все размякли и, лениво развалившись, сидят, не зная, о чем говорить.

Бобер, из третьего отделения, затесавшийся случайно на банкет, начинает тихо мурлыкать игривый мотив «Яблочка»:

Эх, яблочко на подоконничке,
В Петрограде появилися покойнички.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Но большинство настроено торжественно. Им хочется спеть что-нибудь более торжественное, величавое, но ничего подходящего не приходит в голову. Наконец, Янкель затягивает школьный гимн:

Мы из разных школ пришли,
Чтобы здесь учиться.
Братья, дружною семьей
Будем же труди-и-ться.

Один Купец не поет. Он считает, что греться у буржуйки гораздо приятнее. Улыбаясь широкой улыбкой, он сидит около пузатой железной печки, помешивая кочергой догорающие угли и головешки.

— Мамочка, посмотри, сколько время, — говорит Янкель.

Но в это время дверь отворяется, и входит Эланлюм.

— Пора спать, ребята. Половина первого.

Мирно и тихо выходят шкидцы. Янкель торжественно кладет «Зеркало» к себе в парту и идет к дверям, потом останавливается.

Эланлюм молча показывает рукой на чугунку и выходит.

Наспех покопав кочергой и видя, что головешек нет, Янкель закрывает трубу.

Выходя, он замечает, что около стенки прижался уголек, случайно выскочивший из чугунки, но возвращаться лень.

— Авось, пожара не случится. Погаснет скоро, — мысленно решает он и выходит из класса.

В спальне уже тихо. Все спят. Воздух достаточно уже нагрелся и погустел от дыханья, но в то же время эта густота делает спальню уютней. Пахнет жильем.

Слабо мерцает угольная лампочка, свесившаяся с потолка, настолько слабо, что через запушенные инеем окна виден свет фонаря, пробивающийся в комнату и освещающий ее.

В спальне тихо.

Изредка кто-нибудь беспокойный, увидев что-то сверхъестественное во сне, слабо вскрикнет и заворочается испуганно на кровати. Потом вновь успокоится.

И в спальне опять тихо.

Янкель проснулся и, перевернувшись, огляделся. Было еще темно. Все спали и так же бледно светила лампочка, но отсвета уличного фонаря уже не было.

«Часа три-четыре», — подумал Янкель и собирался уже вновь заснуть, как вдруг его внимание приковало маленькое сизое облачко дыма вокруг лампочки.

*

Собрание В. Г. Белинского
http://book.uric.ru/

«Что за чорт, кто бы мог курить в спальне», — невольно мелькнуло в голове.

Но хотелось спать, а не думать. Он опять укрылся с головой одеялом и притих.

Вдруг из соседней комнаты кто-то крикнул воспитателя, тот повертелся на кровати и, кряхтя, поднялся.

— Кто меня зовет? — прохрипел Шершавый, болезненно морщась и хватаясь за голову.

Кричал Гезенфус — самый длинный и тощий из всех шкидцев и в то же время самый трусливый.

— Дым идет откуда-то! Воспитатель, а даже не посмотрит, откуда! — надрывался он.

Теперь заинтересовался дымом и Янкель и тоже набросился на несчастного фельдшера.

— Что же вы, дядя Володя, в самом деле! Пойдите, узнайте, откуда дым.

Но Шершавый расслабленно простонал в ответ:

— Черных, видишь, я болен. Пойди сам и узнай.

Янкель разозлился.

— Подите вы к чорту. Что я вам, холуй, бегать.

Он решительно повернулся на бок, собираясь в третий раз уснуть, как вдруг дверь с треском распахнулась, и в спальню ворвалось облако дыма, так по крайней мере показалось вначале Янкелю. Однако дым рассеялся, и Янкель увидел Викниксора. Тот тяжело дышал и протирал глаза. Потом, оправившись, спокойным голосом, громко сказал:

— Ребята, вставайте скорее.

Однако и говорить было не нужно. Половина шкидцев уже проснулась и, почуяв неладное, торопливо одевалась. Викниксор, увидев почти одетого Янкеля, подозвал его и тихо сказал:

— Попробуй пройти к Семену Ивановичу, к кладовой. Дыму много. Возьми подушку.

Янкель молча кивнул головой и, схватив подушку, двинулся к двери.

— Ты куда? — окликнул его одевавшийся Бобер.

И, сразу поняв все, сказал:

— Я тоже пойду.

— Пойдем, — согласился Янкель.

Спальня уже гудела, как потревоженный улей. Будили спавших, одевались.

Подходя к двери, Янкель услышал за спиной голос недовольного Купца. Его тормошили, кричали на ухо о пожаре, а он сердито, истерично смеялся.

Copyright ОАО «ЦКБ «БИБКОМ» & ООО «Aгентство Kнига-Cервис» http://bookfaic.ru/

— Уйдите, задрыги. Ого-го. Не щекотите. Отстаньте.

Бобер натянул свой полушубок и поровнялся с Янкелем.

— Ну, пойдем.

— Пойдем.

Оба переглянулись. Потом Янкель дернул дверь и вышел, закрыв рот подушкой.

Сразу почувствовался неприятный запах гари. Дым обступил их плотной стеной.

Держась за руки, они наощупь вышли в зал. Янкель открыл на минуту глаза и сквозь жуткий мрак увидел едва блестевший глазок лампочки.

Обычно светлый зал теперь был темен, как черное покрывало.

Ребята прошли зал, повернули в коридор, по временам открывая глаза, чтобы ориентироваться по лампочкам. Дым начал першить в горле, пробиваясь сквозь подушку, глаза слезились. Было страшно итти вперед, не зная, где горит.

— А вдруг мы идем на огонь?

Но вот за поворотом мелькнул яркий свет, дыму стало меньше. Эконом уже стоял у дверей, встревоженный запахом гари.

— Пожар, Семен Иванович! — разом выкрикнули Янкель и Бобер, с жадностью глотая свежий воздух. — Пожар!

Эконом засуетился.

— Так что же вы. Бегите скорей в пожарную команду, я открою черную лестницу.

Звякнула цепочка. Ключ щелкал по замку, прыгая в дрожащих руках старика.

— Пойдем? — спросил Янкель, нерешительно поглядывая на Бобра.

— Конечно. Надо же!

На Гришке была только нижняя рубашка, пара брюк и сапоги да в руках подушка. Он минуту потоптался, поглядывая на костюм товарища — Бобер был в полушубке, поэтому-то он и не колебался, итти или не итти. Янкель хотел, было, отказаться, но потом решил:

— Пойдем.

Быстро сбежали по лестнице, татарин дворник Мефтахудын открыл ворота, и ребята выскочили на улицу.

— Поглядим, где горит, — задыхаясь крикнул Янкель.

Вышли на середину дороги и, поглядев в окна, ахнули.

Четыре окна нижнего этажа, освещенные ярко красным светом, бросали отсвет на снег.

Янкель завыл.

Собственность В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Наш класс. Сгорело все! «Зеркало» сгорело!

Потом оба молча помчались вдоль панели.

Янкелю, несмотря на летний костюм, было совсем не холодно, только мерзли уши. Тогда он закрыл их подушкой.

Тишина царила вокруг, и на улицах не видно было ни одного человека — было время самой глубокой ночи.

Бежали долго по прямому проспекту. Проскочили мимо ярко освещенной фабрики. Потом устали и пошли быстрым шагом.

Обоих занимал вопрос.

— Что-то делается там, в Шкиде?

Вдруг Янкель, не убавляя хода, шепнул Бобру:

— Кто-то крадется.

Оба взглянули на развалины дома и увидели серую тень, спешащую перерезать им дорогу. Бобер побледнел.

— Живые покойники! Полушубок снимут.

— Идем скорее, — оборвал Янкель. Ему было не страшно. Он ничем не рисковал, так как вряд ли какой бандит решится снять последнюю рубаху и притом нижнюю, грязную и старую.

Оба, стиснув зубы и скосив глаза, прибавили шагу, с намерением проскочить мимо тени, но маневр не удался.

Из-за груды кирпичей с револьвером в руках выскочил человек в серой шинели.

— Стой. Руки вверх.

Ребята остановились.

Солдат, не опуская поднятого револьвера, спросил, подозрительно оглядывая шкидцев:

— Куда идете?

У Бобра прошло чувство страха, и он, почуяв, что это не налетчик, бодро сказал:

— В пожарную часть.

— Откуда?

— Из интерната. Пожар у нас.

Серая шинель минуту нерешительно потопталась, потом, спрятав револьвер, уже смягчаясь пробурчала:

— Пойдемте. Я вас провожу.

По дороге разговорились — человек с револьвером был агентом.

— А я вас, чертенята, за налетчиков принял, — засмеялся он.

Потом, увидев жалкий костюм Янкеля, скинул шинель и тихо бросил:

— На, накинь, а то простудишься.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urai.ru/

Пришли в часть. Едва успели сообщить о пожаре, как их позвали вниз.

Пожарные посадили ребят на возок, и вся часть рванулась вперед, разрывая сгустившуюся тишину звоном и хрястом подков и лошадиным ржаньем.

Когда подъехали к школе, там уже стояла небольшая кучка зевак.

Почти одновременно приехала еще часть.

Янкель и Бобер по черной лестнице поднялись было наверх, но эконом их выгнал, несмотря на горячие протесты.

В это время в спальне разыгрывалась трагедия.

Много времени прошло, пока удалось разбудить спящих, а когда все, наконец, проснулись, в комнате уже стоял густой дым. Он пробивался из всех щелей и быстро заполнял помещение.

Началась паника. Кто-то из малышей заплакал; треснуло где-то выдавленное стекло.

Ребята вдруг сразу заметались, обеспокоенные. В этот момент в спальню ворвалась Эланлюм.

— Дети! Берите подушки. Все ко мне!

Как стадо баранов к пастуху, прихлынули к немке воспитанники, ожидая от нее чуда, и даже Купа, нерешительно почесав затылок и спокойно докурив папироску, подошел к ней.

Эланлюм повысила голос, стараясь перекричать гудевшую массу.

— Закройте рты подушками. Все идите за мной, чтобы не растеряться, держитесь друг за друга!

Пожар разрастался. Это было видно по дыму, густому-густому и черному. Эланлюм раскрыла двери настежь и смело вышла навстречу черной завесе.

За ней двинулись остальные.

Итти было недалеко. Только свернуть направо, сделать три шага по площадке лестницы и открыть дверь в квартиру немки, где был также выход на лестницу.

Уже вся школа толпилась на лестнице, нетерпеливо дожидаясь, когда откроют заветную дверь, но передние что-то замешкались.

Искали ручку — дверную ручку и не находили. Десяток рук шарили по стенам, хватались за карнизы, мешали друг другу, но ручки не находили.

Искали наощупь. Открытые глаза все равно бы мало помогли, дым, черный как сажа, слепил глаза и вызывал слезы.

Послышались сдавленные выкрики.

— Скорей!

— Задыхаемся!

Кто-то не выдержал, закашлялся и, глотнув дым, издал протяжный вопль.

Стало страшно.

Купа, мрачно стоявший у стенки, наконец, не выдержал и, растолкав сгрудившихся воспитанников, медленно провел рукой по стене, нащупал планку, опять провел и наткнулся на ручку.

Брызнул яркий свет из открытой двери, и обессилевшие, задыхающиеся питомцы, шатаясь, ввалились в коридор.

Эланлюм пересчитала воспитанников. Все были на месте.

Она облегченно вздохнула и вдруг опять побледнела.

— Ребята. А где воспитатель?

Мертвое молчание было ответом.

— Где воспитатель? — снова переспросила немка тревожно.

Купец, добродушно улыбнувшись, сказал:

— А он там в спальне еще лежит, чудак. Охает, а не встает. Потеха!

Эланлюм взвизгнула и, схватившись за голову, рванулась в дымный коридор к спальне. Минут через пять в дверь постучали.

Когда шкидцы поспешили открыть ее, им представилась невиданная картина.

Немка волокла за руку Шершавого, а тот бессильно полз по полу в кальсонах и нижней рубахе. Язык у него вылез наружу, а в глазах светилось безумие — он задыхался.

Общими усилиями обоих втащили в коридор. Шершавый безжизненно упал на пол, а Эланлюм, тяжело дыша, прислонилась к стене.

Через минуту она уже оправилась, и снова голос ее гремел под сводами коридора:

— Все на лестницу! На улицу не выходите. Все идите в дворницкую к Мефтахудыну.

Ребята высыпали на двор, но к дворнику никто не пошел. Выскочили на улицу.

Дрожа от холода, они уставились на горящие окна, страх прошел, и было даже весело.

А у забора стояли Япончик и Янкель и чуть не плакали, глядя на окна.

Вот загремело стекло, и пламя столбом вырвалось наружу, согревая мерзлую штукатурку стены.

ЦОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

За углом запыхтела паровая машина, начавшая качать воду, надулись растянутые по снегу рукава.

Мимо пробежали топорники, слева от них поднимали лестницу, и проворный пожарный, поблескивая каской, уже влезал по ступенькам вверх. Загремели последние стекла в горящем этаже, фыркая и шипя из шлангов, рванулась мощная струя воды.

— Наш класс горит. Сволочи! — выругался Цыган, подходя к Японцу и Янкелю.

Но те словно не слышали и, стуча зубами от холода и возбуждения, твердили одно слово:

— Зеркало!

— Зеркало!

А Янкель иногда сокрушенно добавлял:

— Моя бумага. Мои краски.

— Марш в дворницкую! — вдруг загремел голос Викниксора над их головами.

В последний раз, с грустью взглянув на горящий класс, ребята юркнули под ворота.

Там уже сидели загнанные шкидцы.

Дворницкая была маленькая, и ребята расселись прямо на полу, ожидая конца тушения.

С улицы доносился шум работы, и шкидцам не сиделось, но у дверей стоял Мефтахудын, которому строго настрого запретили выпускать учеников за ворота.

Мефтахудын — татарин, добродушный инвалид, беспалый, приехал из Самары, бежал от голода и нашел приют в Шкиде. Ребята его любили, но сегодня возненавидели.

— Пусти, Мефтахудын, поглядеть, — горячился Воробей.

А дворник, ласково отпихивая парня, говорил, растягивая слова:

— Сиди, поджигала! Чиво глядеть? Нечиво глядеть. Сиди на месте.

То и дело, то Эланлюм, то Викниксор втискивали в двери новых и новых воспитанников, пойманных на улице, и снова уходили на поиски.

Ребята сидели сгрудившись, угнетенные и придавленные, долго, долго. Уже забрезжил в окнах бледный рассвет, а шкидцы сидели и раздумывали. Каждый по-своему строил догадки, но все сходились на одном:

— Жарко чугунку натопили в четвертом отделении, от этого загорелся пол.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Но настоящую причину знал только один Янкель: красный маленький уголек все время то потухал, то вспыхивал перед его глазами.

Наступило утро.

Уехали пожарные, оставив грязные лужи на снегу.

Печально глядели шесть оконных впадин, копотью, дымом и гарью ударяя в нос утренним прохожим.

Сгорели два класса и пол в спальне.

Утром старшие ходили по пепелищу, с грустью поглядывая на обгорелые бревна, рамы и стены. Искали пожитки, стараясь выкопать что-нибудь. Бродили и Янкель с Японцем, искали «Зеркало», и, когда ничего не нашли, грустно махнули рукой.

Они уже собирались уходить, как вдруг Янкель нагнулся над выкопанной ямой, торопливо засунул руку и смел грязь.

Мелькнули исписанные знакомые листы.

— Ура! Цело!

С величайшими предосторожностями всем классом откапывали любимое детище и наконец извлекли, но в каком виде. Обгорели края, пожелтела бумага. Дальше гореть помешала вода и, повидимому, обвалившаяся штукатурка, придавившая шкидскую газету и похоронившая ее в развалинах.

Редакция ликовала.

Потом Викниксор устроил собрание, опрашивая воспитанников, спрашивал их мнение, и все решили окончательно:

— Виновата буржуйка.

Тотчас же буржуйки уничтожили во всей школе.

Через пару дней третий и четвертый классы возобновили свои занятия, перебравшись во вновь оборудованные классы наверху, но там было неуютно, неприветливо.

Холодом встретили воспитанников новые стены. И не скоро привыкли к ним ребята.

Янкель и Японец как-то вдруг утратили любовь к старому «Зеркалу» и смотрели на него, как на калеку, с отвращением.

Долго не могли собраться с духом и выпустить двадцать шестой номер, а потом вдруг, поговорив, решили:

— Поставим крест на старом «Зеркале».

Через пару недель вышел первый номер роскошного многокрасочного журнала «Зеркало», который уже совершенно не был похож на своего родителя.

Пожар глубоко и надолго искалечил республику Шкид, и она притихла, забилась в угол, ушла от бурного ручья жизни, медленно зализывая раны.

ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ.

Злосчастный замок. — В отделении. — Допрос. — Ночь в камере. — История с коньками. — Сережка сдрефил. — Марафетчик. — Фальшивомонетчик из Пепо. — Аукцион в Губоно. — В Шкид. — Ленька Пантелеев № 2.

Они вошли во двор большого дома на Столярном переулке. Двор был пуст и лишь в ярко-освещенных окнах прыгали большие несуразные тени. На заднем дворе лаяла собака, пахло помоями...

— Хряем на лестницу, — тихо сказал Ленька, картавя на букве Р.

— Нет ни хрена. Известно, — чуть громче ответил Сережка.

Они поднялись на самый верх черной лестницы. Сережка угадал, — поживиться было нечем.

Спускались медленно, искали в темноте перила, наталкивались на стены, покрытые тонким слоем инея.

— Темно тут, — сказал Ленька. — Я у окна видел патрон... Пустой... А жаль...

— Да. Было бы, хоть сто свечей снять — пустяки. Гляди-ка, — вдруг остановился Сережка, — а там горит.

Когда они поднимались наверх, внизу было темно, как и на всей лестнице, сейчас же там тлела раздутым угольком пузатая угольная лампочка.

— Погоди, — шепнул Ленька, прислушиваясь.

За простой одностворчатой дверью, каких не бывает в жилых квартирах, слышался шум наливаемой из крана воды. На защелке дверей висел громадный железный замок с воткнутым в скважину ключом.

Товарищи стояли площадкой выше и смотрели вниз.

— Замок! — шепнул Сережка, и не успел Ленька подумать что-либо, как он, сорвавшись с места, перескочил дюжину ступенек, с грохотом сорвал замок и выбежал во двор. Ленька не мог последовать его примеру. Он перешагнул лишь две

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ступеньки, когда одностворчатая дверь с шумом отворилась, и из нее выскочила толстая женщина в повязанном треугольником платке. Она схватилась руками за место, где за несколько секунд до этого висел замок и, увидев, что замка нет, диким густым голосом заорала:

— Батюшки! Караул!

Она, было, бросилась во двор, но, увидев Леньку, остановилась. У того похолодело под сердцем, но он все-таки нашел мужество равнодушным тоном спросить:

— Виноват, гражданка... Что случилось?

— Замок! — таким же густым голосом проорала женщина. — Замок сперли...

— Замок? — удивленно спросил Ленька. — Это мальчик такой спер. Я видел. Я думал это ваш мальчик. Позвольте я его поймаю, — услужливо предложил он, пытаясь юркнуть между дверьми во двор. Женщина хотела пропустить его, но потом вдруг схватила за рукав и закричала:

— Нет, стой, шпингалет... Знаю я вас таких... Сообщники...

Она подняла голову и опять диким истошным голосом завопила:

— Кар-раул!

Ленька сделал попытку вырваться из ее рук.

— Позвольте, — закричал он. — Вы не смеете. Отпустите.

Но уже по лестнице и со двора бежали люди. Кто-то кричал:

— Вора поймали.

Ленька понял, что убежать ему не удастся. Толпа окружила его.

— Бей его!

— В участок!

— В комендатуру!

— Ты знаешь этого, который замок спер? — спросила толстая женщина... — Это товарищ твой... Верно?

— Ничего подобного! — закричал Ленька, но толпа снова загудела:

— Врет!

— В милицию его!

— Пойдемте в милицию, — с возможным в такую минуту достоинством проговорил Ленька. — Идемте... Там выяснят.

— Укажи товарища, тогда отпустим, — сказала какая-то женщина.

Ленька презрительно усмехнулся.

— Товарища... Я вам сказал, что никаких товарищей не знаю...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Человек пять отважных добровольцев повели Леньку в отделение милиции. Ленька шел спокойно, лицо не выдавало его, — на его лице с рождения застыла хмурая мина и кроме того он в свои четырнадцать лет пережил столько разных разностей, что особенно волноваться в данном случае не видел причин.

«Выкручусь», — подумал он, засвистал любимую свою песню «Яблочко» и небрежно сунул руки в карманы рваной шубейки. В кармане он нащупал что-то твердое. — «Нож», — вспомнил он.

Это был длинный колбасный нож, которым они с Сережкой пользовались заместо отвертки, когда приходилось свинчивать люстры и колпаки на парадных лестницах богатых домов.

«Надо сбачить», — подумал Ленька и стал осторожно вспарывать подкладку кармана, потом просунул нож в образовавшуюся дырку и отпустил его. Нож бесшумно упал в густой снег. Ленька радостно вздохнул, но тотчас же понял, что влип окончательно. Кто-то из провожатых проговорил за Ленькиной спиной:

— Прекрасно. Ножичек.

Все остановились.

— Что такое? — спросила хозяйка замка.

— Ножичек, — повторил тот же доброволец, подняв как трофей колбасный нож. — Ножичек выбросил, подлец. Улика... На убийство небось шли гады...

— Бандит! — взвизгнула какая-то худощавая баба.

Все зашагали быстрее. Сознание, что они ведут не случайного воришку, а бандита, наполнило их гордостью. Они самодовольно улыбались и глядели на немногочисленных прохожих, которые в свою очередь останавливались на тротуарах и смотрели вслед процессии.

В милиции за деревянным барьером сидел человек в зеленой рубахе с кантами. Дальше за столами сидело еще несколько человек. Перед барьером стоял милиционер в шлеме с красным щитом и девочка в валенках. Между милиционером и девочкой стояла корзина с подсолнухами. Девочка плакала, а милиционер, размахивая красным жезлом, говорил:

— Умучился, товарищ начальник... Ее гонишь, а она опять... Сегодня пять раз с тротуара сгонял... Совести нет. Сил же не хватит с ними... Измучился.

Он безнадежно махнул жезлом. Начальник усталым взором посмотрел на девочку.

— Патент есть? — спросил он.

Девочка еще громче заплакала и завыла:

— Не-е... я не буду, дяденька... Не бу-уду.

— Ну, иди, — сказал начальник.

Девочка встрепенулась, схватила корзинку и побежала к дверям.

Один из Ленькиных провожатых подошел к барьеру.

— Разрешите, товарищ начальник, преступника представить, — сказал он. — На месте преступления, извините, поймали. Убийца, можно сказать.

Подошли и остальные, подвели Леньку. Ленька принял независимую позу, но возмущаться и кричать почему-то уже не мог. Начальник сощурил глаза и посмотрел на него.

— Убийца? — спросил он.

— Выдумают тоже, — сказал Ленька. — Врут все, не верьте, товарищ...

Однако составили протокол. Пять человек подписались под ним. Оставили вещественное доказательство, — нож, потолкались немножко и с тем же гордым видом ушли.

Леньку провели за барьер.

— Ну, сознавайся, паренек, — сказал начальник. — С кем был, говори?..

— Эх, товарищ, — вздохнул Ленька и сел на стул.

— Встань, — нахмурился начальник. — И не думай отпираться. С кем был?.. И зачем нож выбросил?

— Не выбросил, а сам выпал нож, — грубо ответил Ленька. — И чего вы мучаете невинного человека. За это в суд можно...

— Я тебе дам суд. Обыскать его, — крикнул начальник.

Два милиционера обыскали Леньку. Нашли грязный носовой платок, кусок мела, гребешок и ключ.

— А это зачем у тебя? — спросил начальник, указав на ключ.

Ленька и сам не знал, зачем у него ключ, не знал даже, как попал ключ к нему в карман.

— Я отвечать вам не буду, — сказал он. — Если вы меня налетчиком считаете, то и считайте. А я честный человек. Я в советской школе учусь.

Он думал, что слово «советской» подействует на начальника. Но тот только насмешливо улыбнулся.

— Не сознаешься, значит, пока-что? — сказал он, — ну ладно... Чистяков, в камеру!

Милиционер с жезлом взял Леньку за плечо и повел куда-то по темному коридору. В конце коридора он остановился и, открыв какую-то дверь, толкнул в нее Леньку, потом закрыл

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookuraic.ru/

дверь и ушел. Его шаги гулко отзвенели и смолкли. Ленька остался в темной камере один. На противоположной стене светилось погасающим закатом окно, украшенное тусклым узором решетки.

Ленька сел на деревянную лавку и вздохнул.

«Засыпался, — подумал он. — Теперь не отвертеться... Мама узнает, все узнают... Господи...»

Тут в темной камере никто его не видел, и он заплакал. Плакал долго, потом лег на лавку, решил заснуть.

«Все-таки не сознаюсь, — подумал он. — Пускай пытают, сволочи, а не сознаюсь».

Засыпая, он думал:

«Хорошо, что я засыпался, а не Сережка. Сережка влип бы, давно бы рассказал. Твердости у него нет, даром что сильный. Когда на дело идет, руки трясутся. Зануда!»

Потом ему стало завидно и обидно, что Сережка убежал, а он лежит здесь в темной, нетопленной камере. Сережка, небось, попил чаю, сидит под абажуром и читает французскую книжку... Рядом тетушка Раиса из веревок туфли Сережке шьет, а Ленькина мать тут же чулок штопает и вздыхает:

— Что-то Лешенька не идет. Не случилось ли чего, избави боже...

Леньке стало жаль мать. Ему опять захотелось плакать. Вспомнил все горькое в своей жизни. Вспомнил отца, от которого всегда пахло вежеталем, у которого был ласковый взгляд и колючие усы.

«Был бы он сейчас здесь, — подумал Ленька, — он бы не дал в обиду. Был бы...»

Ленька горько заплакал. Отец не мог быть здесь. Его расстреляли в 19 году на снежных пустырях Архангельска.

Потом Ленька притих.

«Пусть и меня расстреляют, — подумал он, засыпая. — Пусть... А я не сознаюсь».

Проснулся Ленька от холода. Было уже светло, и от света камера показалась больше и неуютнее. На стеклах окна, украшенного узористой решеткой, плавали хрусталики льда, по полу бегали бледные лучики зимнего солнца.

Ленька сел на лавку. Почесал грудь и спину, потом расстегнул ворот рубахи — стал искать... Нашел двух клопов и вошь, большую, с горошину. Вошь пришелкнул ногтем, а клопов осторожно смахнул на пол и раздавил каблуком...

Захотелось есть.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://bookinsar.by/

«Здесь не кормят, — подумал, — небось голодом морят, сволочи...»

Закутался поплотнее в шубейку и стал ходить по камере, — взад и вперед. Измерил камеру. Камера оказалась очень маленькой: девять шагов, да еще поменьше чем полшага.

Нашагал тысячу с лишним шагов, надоело... Сел на лавку, стал читать надписи, которыми были испещрены дощатые стены камеры:

«Здес сидел ресидивист Семен Молодых за мокрое 27 апрель 1920 г.».

«Кто писал тому пива бутылку, а кто читал тому фомкой по затылку».

«Петор Арбузов 31 года сидел 5 мая 1920 го».

«Колька лягавый имеет».

«Нюрочка, за тебя сел. Федя».

Под этой надписью было нарисовано химическим карандашом сердце, пронзенное стрелой. Дальше шли надписи нецензурные.

Занявшись чтением камерной литературы, Ленька не заметил, как дверь в камеру отворилась, и в нее просунулась голова милиционера. Грубый голос равнодушно отрезал:

— На допрос.

Ленька вышел из камеры и лениво зашагал впереди милиционера.

Начальник встретил его строже, чем вчера.

— Одумался? — спросил он.

— Не в чем одумываться, — ответил Ленька. — Вы думаете, что если мучить будете, добьетесь чего? Ни хрена!

— Ну, ладно, заливать нечего... Отвечай по пунктам... Зачем был в том доме?

Лишь на несколько секунд задумался Ленька. Сообразил и ответил:

— По делам.

— По каким делам?

— Коньки покупал.

— Какие коньки? У кого?

— В квартире двадцать семь. Позвольте я расскажу, как дело было... Я на рынке, на Горсткином торговал у татарина коньки, снегурки... Тут женщина одна подходит, дамочка. Говорит, у меня дома коньки есть, — могу продать... Дала адрес... Ну, вот я и пришел за коньками. Искал квартиру, а тут этот случай возмутительный... За невинность попал, ей богу!..

— Гм... А не врешь?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Ну, опять... Зачем я врать буду... что вы мне платить будете за вранье, что ли?

— Ну ладно, — сказал начальник.

Ленька почувствовал, как радость приливает к его сердцу. «Клюет», — подумал он.

— Ну ладно, — повторил начальник. — Надо проверить. Товарищ Проценко, — обратился он к усатому милиционеру, — сходите с этим типусом на Столярный переулок и узнайте, продаются ли коньки в квартире двадцать семь. Выясните...

— Пойдем, хлопец, — сказал милиционер, надев шлем и поправляя кобуру револьвера.

Они вышли на улицу. Падал снег, белый и мягкий. Улицы были пусты, было еще рано. Ленька шел рядом с милиционером. Поняв, что дело прогорело окончательно, он тихо плакал. Милиционер — хохол его успокаивал.

— Брось, хлопец, не реви, — говорил он. — Що пользы реветь... Выяснють дело, — не виновен — и пустят. А то, дурница, плачет... Эх, який же ты дурница! Не виновен ведь?..

— Факт, не виновен, — сквозь слезы ответил Ленька.

— Ну вот... А плачет... Уси глазы виплакал.

Когда подошли к злополучному дому на Столярном переулке, Ленька поднял выцветший воротник шубейки. Ему не хотелось встретить вчерашних знакомых.

Милиционер отыскал квартиру 27, на дверях которой висела медная дощечка:

Эмма Адольфовна ПУЦ. *АКУШЕРКА.*

Дверь отворила толстая женщина в белом кружевном переднике. Увидев перед собой милиционера, она испуганно отпрянула назад.

— Что фам? — прошептала она. — Сачем?..

— Не пужайтесь, — сказал милиционер. — Мы к вам по дилу... Цей хлопец каже, що вы ему коньки продавали.

— Какие коньки? Я не понимай...

— Коньки... Какие коньки?.. — обратился милиционер к Леньке.

— Не, — хмуро ответил тот. — Не эта продавала... Помоложе...

— Помоложе, — повторил милиционер, как будто перевел.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Эмма! — закричала толстая женщина. — Эмма! Ком хир. Шнель!

За стеной послышались шаги, открылась дверь, и в комнату вошла молодая белокурая женщина.

— Нун? Вас? — визгливо воскликнула она, но, увидев милиционера, смолкла и отступила назад.

— Эмма, — сказала толстая. — Вот эти люди пришли... А я не понимай... Они гофорят коньки, а я...

— Ну як? — спросил милиционер, указывая на молодую женщину. — Та чи не та?

— Та, — ответил Ленька. — Эта самая мадам. Отлично помню... Румяная такая и на щеке бородавка...

Немка потрогала рукой щеку и покраснела.

— Это прыщик, — сказала она.

— Т-с-с, — прошептала толстая.

— Узнаете вы этого хлопца? — спросил милиционер. — Як вин каже, вы ему продавали коньки на базаре... Як он шел к вам...

— Нэт, нэт, нэт, — замахали руками обе немки.

— Нэт, нэт, нэт.

— Никакихь коньков у нас, товарищ, нет, — сказала молодая немка. — Никакихь... Это ошибка...

Милиционер повернулся к Леньке.

— Ну як?

— Як, як... А я почем знаю як? Нет так и чорт с ними!..

Назад шли, оба молчали. Ленька шел впереди, милиционер сзади. Только подходя к отделению, хохол сказал:

— Ну и хлопец же ты... Эх! У душе у тэбэ чорт сидить. Верно...

Начальник, выслушав рапорт милиционера, повернулся к Леньке.

— Где живешь?

Ленька сказал адрес.

— Мать есть?

— Есть.

Его снова увели в камеру.

Остро давал себя чувствовать голод. В горле было горько, спина ныла от жесткой постели. Он лежал на лавке, смотрел в потолок, увешанный нитками паутины...

Через два часа его снова вызвали к начальнику.

Перед барьером стояла Ленькина мать. Она прижимала платок к глазам и что-то говорила...

Когда Ленька увидел мать, у него до боли сжалось сердце, захотелось перескочить через барьер и обнять ее...

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Мама! — крикнул он.

Мать повернула голову и, увидев сына, бросилась к нему... Но начальник остановил ее.

— Гражданка! Нельзя...

Начальник уже переговорил с матерью. Она догадалась, кто был Ленькиным сообщником. Сережка пришел накануне домой один, сказав, что Ленька пошел в Общество поощрения художеств сдавать экзамен.

— Задавайте ему вопросы, — сказал начальник.

— Лешенька, — сказала мать. — Кто был с тобой, скажи? Он родственник тебе, да?

— Да, — буркнул Ленька.

— Двоюродный брат?

— Да...

Опять увели Леньку в камеру и опять привели к начальнику. Уже сгущался сумрак, в дежурной комнате горела электрическая лампочка, и зеленый колпачок отбрасывал гигантскую тень на стену, где висели портреты Зиновьева и Троцкого.

Перед барьером стояли: Ленькина мать, Сережкин брат Вова и сам Сережка. У Сережки было бледное, заплаканное лицо.

Начальник посмотрел Леньке в лицо и так посмотрел, что у Леньки в груди завертелось что-то, прыгнуло в голову и завертелось там.

— Так, — сказал начальник. — Лампочки, значит, свинчивать ходили... Так...

— Лампочки!!!

— Боже мой, боже мой... Откуда он узнал, откуда узнал про лампочки?!. Ведь замок, только замок...

— Так... Товарищ ваш признался...

Сережка стоял бледный, с заплаканным лицом... Его спровоцировали, — сказали, что Ленька во всем сознался, — он поверил и наговорил того, чего и не нужно было говорить... Дело было проиграно...

Товарищей до следующего дня отпустили на поруки домой.

На другой день они пришли в отделение. Вместе с другими арестованными их свели в уголовный розыск, сняли отпечатки пальцев и отправили в распределительный пункт для малолетних преступников. Оттуда отпустили, предварительно прочитав хорошую нотацию...

Дома Ленька плакал и обещал матери лампочек больше не свинчивать и прилежно учиться в школе...

Протекали зимние дни.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Толкучка гудела ровным шумом, кипела как червивое мясо. Люди — червяки — толкались, ползали взад и вперед — казалось, без дела. Кричали пухлогрудые бабы с лотками пирожков на промасленных животах:

— С пылу с жара по косушке пара!..

Разливался в весеннем воздухе запах прогорклого льняного масла, и жаворонком пела румяная толстоногая девчонка:

— Ква-асу! Ква-асу!

И, стараясь перекричать весь этот гвалт, хрипло орали безногие инвалиды - марафетчики. [1]

— Кручу, верчу, деньги плачу. За тыщу пять, за две десять, за пять двадцать пять. Занимай места, вынимай полста!

Марафетчиков окружали поднатчики, — ловили неопытную публику и выигрывали раз за разом с невероятной легкостью большие ставки...

Подходили к табуретам марафетчиков неопытные люди, незнакомые с законами барахолки, проигрывали деньги, припасенные на покупку сапог или брюк, часто плакали, молили о возврате денег, но марафетчики, захапав куш, терялись в гуще толкучки и поднатчики тоже. Табурет и прочие принадлежности игры уносил мальчишка в широчайшем клеше и с чубом на лбу. Мальчишка курил папиросы «Зефир» и насвистывал насмешливую песенку «Алеша-ша».

Когда обыгранный успокаивался и уходил с толкучки, обиженный и потерявший веру в людей, на горизонте показывался мальчишка в клеше, а за ним и остальная компания... табурет водворялся на место, и снова хриплый голос врывался в общий хор:

— Кручу, верчу, деньги плачу...

Но вот через плотные ряды людей, через ряды маклаков, торговок съестным, дам-барахольщиц и покупателей протискивается скуластый парнишка лет двенадцати — тринадцати. На нем короткие штаны выше колен и синяя с золотыми пуговицами тужурка. На спине он несет складной бамбуковый стул...

Маклаки окружают его, трогают стул.

— Продаешь, браток?

---

[1] Марафет — жульническая игра. Играющие вынимают из мешка кубики с цифрами. Вынувший самый крупный номер выигрывает. На самом деле крупные номера бывают у товарищей марафетчика, которые называются «поднатчиками». Они под видом случайных игроков принимают участие в розыгрыше и всегда выигрывают.

— Нет, — отвечает парнишка и краснеет.

Он выбирается из круга любопытных взоров, раскладывает стул и, вынув из-за пазухи синей тужурки лист бумаги, кладет его на сиденье стула. Потом достает из кармана деревянный волчок и, обведя тоскливым взором снова окруживших его людей, негромко кричит:

— Кручу верчу, деньги плачу...

Он картавит, у него получается:

— Кхучу, вехчу...

Толпа хохочет.

Толпа растет. Вся барахолка окружила густым кольцом скуластого парнишку с бамбуковым стулом... Даже марафетчики, схватив костыли, ковыляют посмотреть на любопытное зрелище.

Сначала толпа только хохочет. Парнишка стоит красный, смущенный до-нельзя. Он уже не кричит, а только вертит волчок. Раскручивает его и напряженно следит за пляшущим шариком. Когда волчок останавливается, он снова крутит его.

— Батюшки, — раздается женский голос, — да это он играть пришел... Ванька! А Ванька! Гляди-ка конкуренция тебе... Хо-хо...

— Хо-хо!... — гогочет толпа.

— И верно — конкуренция... не гляди, что молодой, — смекалистый... Вишь, — все честь-честью...

Кто-то трогает стул, другой пускает волчок.

— А ну-ка, — протискиваясь к стулу, говорит маклак с горой брюк на плече, — а ну-ка сыграем... За тыщу пять, за две десять?.. — спрашивает он у мальчика.

— Да, — отвечает тот чуть слышно.

— Ну, так... Поставим пять косых...

Он вынимает из кармана смятую бумажку и кладет ее на край стула..

— Ну, хотя бы на третий номер поставим, — говорит он и вертит волчок. Волчок падает на первый номер. Парнишка выходит из оцепенения и берет деньги.

— А ну еще...

Теперь брючник ставит на пятый номер и выигрывает...

— Выиграл, — хором гудит толпа.

— Гони четвертную, — говорит маклак.

Парнишка бледнеет и протягивает 5000, только-что полученные им.

— У меня нет, — шепчет он.

— Как нет? Отвечал за тыщу пять, а денег нет?!

Парнишка молчит.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Дурак, — говорит какой-то клешник. — Разве без подначки можно играть?.. Задрыга. И без денег...

— Гони монету, — говорит маклак. — А не то я стул возьму.

— Возьми, чохт с тобой! — вдруг громким голосом говорит мальчик. — И все вы тоже пошли к чехтям.

Он схватывает волчок, комкает бумагу и бросает то и другое через головы людей в Фонтанку.

Потом протискивается через толпу и неспешащей походкой уходит с толкучки.

Толпа молча смотрит ему вслед.

Первой нарушает молчание толстоногая девчонка с грязной четвертной бутылью в руках. Она делает несколько шагов, потом встряхивает чолкой и кричит:

— Ква-асу! Ква-асу!

Когда у Леньки не вышло дело с марафетной игрой, он стал придумывать что-нибудь новое. Деньги были нужны. Дома сидели на пшенной каше и сухом хлебе, а каша и хлеб успели надоесть за три года. Нынче же на рынках появились такие вкусные вещи, — пирожки, конфеты, колбасы. За деньги можно было покупать книги, а книги Ленька любил. Дома у него была своя библиотека. В фанерном ящике из-под чая собрал он штук 30 — 40 книг разных авторов. В комнате жило семь человек, поэтому ящик стоял на шкафу и Ленька лазил в свою библиотеку лишь при помощи брата Васи, которому он становился на плечи.

Книги были все прочтены, — было их не так много, нужно было прикупать... А денег не было. Какие деньги, если и вещи все обменяла на хлеб разоренная революцией дворянская семья.

Жили у тетки, богатой прежде и сохранившей свое богатство за бурные годы... Жили в одной комнате: Ленькина мать, Александра Васильевна, Ленька, брат Вася, сестренка Ляля, другая не богатая тетка с дочерью Ирой и гувернантка бывшая, ныне инвалидка труда, пенсионерка соцстраха. —Семь человек парилось в ящике, площадью в шесть квадратных сажен... Ленька не мог усидеть дома. Он убегал на улицу, искал кипучей жизни. Самая кипучая жизнь в то время была на барахолках. Туда стремились все, там сосредоточивалась жизнь города. Целыми днями Ленька толкался на барахолках, — на Горсткиной или на Английском. Марафетчики натолкнули его на мысль заняться игрой. Но ничего не вышло. Он был все-таки

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ural.ru/

молод и наивен. Кроме того он хотел работать один, без партнеров. Он искал такое дело и нашел его...

В магазине Пепо пахло мукой и крысиным пометом. Приказчики бегали за прилавками, худосочная барышня со взбитыми в сноп рыжими волосами не успевала писать чеки и за решеткой кассира без умолку хлопал механический штемпель.

Две очереди причудливо извивались, — казалось, будто люди с продуктовыми мешками в руках играли в какую-то игру, — не то в золотые ворота, не то в горелки...

Ленька встал в очередь за чеком. Хвост подползал к прилавку, люди сгибались над ним и отходили.

— Вам что? — спросила рыжая барышня.

— Спичек, пожалуйста, один коробок, — ответил Ленька, тоже нагибаясь над прилавком, — и полфунта клюквы.

Барышня черкнула по узенькой розовой книжке, рванула и подала Леньке два листика.

— В кассу!

Ленька и сам знал, что нужно стоять в двух хвостах, — сначала за чеком, потом в кассу.

— Живее, гражданин... Не копайтесь!

Кассир протянул в окошечко руку и нетерпеливо постукивал костяшками счетов.

Ленька сунул в окошечко чеки и деньги, — гроши... Кассир хлопнул штемпелем и отдал чеки. Ленька отошел от кассы, огляделся и незаметно вышел на улицу.

Шел снег. Была осень, последние дни ее. Снег падал легкими пушинками и таял, превращаясь в грязь. На тротуарах мелькали зонтики пешеходов и на верхах извозчичьих пролеток, отполированных водой, ярко-белые пушинки снега казались инкрустацией.

Торопливыми шагами Ленька дошел до дому.

Дома он уселся к столу и достал из кармана чеки. Подошла Ляля.

— Уйди, — сказал Ленька. — Мне надо работать.

Он расправил чеки, потом осторожно стер резинкой все написанное карандашом, оставив лишь штемпель:

УПЛОЧЕНО

Потом написал, подделываясь под почерк худосочной барышни: 5 ф. ябл. повидлы. А на другом чеке: 10 ф. хлеба. И дело было сделано.

Отдохнув немного, почитав, он оделся и вышел на черную лестницу. На площадке лестницы стоял мусорный ящик. Ленька приподнял крышку ящика и вытащил большую банку из-под монпансье. Потом отправился в кооператив.

В магазине он потоптался немного у кассы, потом подошел к прилавку и протянул приказчику чеки.

Вернулся Ленька богачом. Так ежедневно в течение месяца он навещал кооператив, получая свою порцию повидлы и хлеба. Но как-то раз приказчик пристально посмотрел на чеки, повертел их, поглядел для чего-то на свет и проговорил:

— Интересно.

— Что такое? — нахмурился Ленька.

— Очень интересно. Разве опять химическим стали писать? Ольга Александровна, — крикнул приказчик, — каким карандашом вы пишете? Простым?

— Простым, — ответила барышня, подняв карандаш.

В это время из задней комнаты вышел заведующий магазином.

— В чем дело? — спросил он.

— Да вот, чек подозрительный...

— Ага, — вскричал заведующий. — Вот он!..

Ленька сорвался с места, бросил через прилавок банку и выбежал на улицу...

Ноги у него были крепкие и мчался он, как олень, преследуемый волками... А сзади бежали приказчики и кричали:

— Держите! Фальшивчик!

Ленька убежал бы, но кто-то толстый соскочил с тротуара, подставил ногу в калоше, и он растянулся на талом снегу. Навалились, намяли бока...

Заведующий вел его в отделение, злобно ругался. В отделении он заявил:

— Товарищи. Этот тип ограбил нашу пеповскую лавку. Изо дня в день он подтачивал народное хозяйство... Поглядите.

Он вынул и положил на стол пачку чеков. Было их штук сто, не меньше.

— Признаешь? — спросил начальник.

— Признаю, — ответил Ленька, потрогав пачку... — Только по-моему тут мало больно чеков... Я таким количеством не промышляю.

Ему пришлось еще раз перенести все мытарства человека, попавшего в цепкие лапы правосудия. Теперь ему пришлось хуже. Он уже считался рецидивистом. В уголовке, отпечатав пальцы, ему сказали:

СОЮЗ им. Б.Г. Белинского http://bookuraic.ru/

— Придешь в понедельник в Губоно, в комиссию по делам несовершеннолетних.

Ленька расписался о невыезде, а в понедельник пришел в Губоно. Там в большой комнате полукругом за тремя столами сидело человек десять очкастых людей. Леньку поставили посередине и спросили:

— Имя?

— Алексей.

— Фамилия?

— Ерофеев.

— За что попал?

— За аферу, — ответил Ленька.

Спросили, что читал, что любит читать. Ленька ответил, что любит читать Достоевского, а читал больше всего Леонида Андреева.

Потом самый старший обратился к остальным:

— Кто возьмет?

Люди задумались. Было это похоже на аукцион.

— Я возьму, — сказал один, с ушами раструбом.

Был это Викниксор, президент дефективной республики Шкид.

Вечером в шкидской спальне рассказал свою жизнь — так вот как есть — Ленька, а когда кончил, ребята сидели и молчали, вспоминая свои похождения. Потом Цыган сказал тихо:

— Да, это жизнь. Полная приключений и риска. Не Ерофеев ты, Ленька, а Пантелеев настоящий. Крепкий парень!

— Пантелеев, — поддакнул Японец, а Янкель, вдруг хлопнув по плечу новичка, бодро сказал:

— Сживемся, товарищ Пантелеев. Хоть ты и новичок, но у нас тебя никто не тронет, и Викниксора не бойся, он только на вид страшный, а по существу лох. Так не бойся!

— Я не боюсь, — улыбнулся Ленька, и скуластое лицо засветилось довольством. — Мне хоть бы хны! Начхать!

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

О «ШЕСТОЙ ДЕРЖАВЕ».

Рассуждения о великом и малом. — 60 на 60. — Скандал с последствиями. — «Комариное» начало. — Горбушкина лирика. — Расцвет шестой державы. — Три редактора.

Кто поверит теперь, что в годы блокады, голодовки и бумажного кризиса, когда население Совроссии читало газеты только на стенках домов, в Шкидской маленькой республике с населением в шестьдесят человек выходило 60 (шестьдесят) периодических изданий — всех сортов, типов и направлений.

Редакторат «Зеркала», Янкель с Япончиком, рассорились. После этой ссоры начались сверхъестественные события. Шкиду охватила «Журнальная эпидемия».

Случилось так.

Выходило «Зеркало», старейшая и первая газета Шкидской республики. Крепко стала на ноги газета, аккуратно еженедельно появлялись ее номера на стенке, и вдруг пожар уничтожил ее.

Газета умерла, но появился журнал. Тот же Янкель печатными буквами переписывал материал, тот же Японец писал статьи и то же название осталось — «Зеркало». Только размах пошире.

Япончик — журналист серьезный, с направлением. Япончику не нравится обычный еженедельный ученический журнал, освещающий жизнь и быт школы в стихах и рассказах. Нет. Япончик мечтает из «Зеркала» сделать ежемесячник, толстый, увесистый, со статьями, с рефератами по истории, географии. Япончик гнет все время свою линию, и лицо журнала меняется. Количество страниц увеличивается до тридцати, потом журнал становится двухнедельным, а школьная хроника и юмор изгоняются прочь. Им не место в «умном» журнале. Зато Еонин пишет большой труд по истории с продолжениями:

«Суд в древней Руси».

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.urarchiv

Увесистый труд разбит на три номера «Зеркала», и в каждом номере занимает по 15 страниц.

Янкель окончательно забит: он — типография. Ему осталась только техническая часть: печатать, рисовать и выпускать номер. Но Янкелю скучно печатать статьи о древней Руси. Он прекрасно сознает, что никто их не прочтет, кроме их автора, Япончика. Янкель выбился из сил. Тридцать страниц аккуратно переписать печатными буквами, разрисовать, прибавить виньетки и все это за шесть-восемь дней. Тяжело! Янкель отупел от технической работы. Она ему опротивела.

Выпустив пятнадцать номеров журнала, Янкель призадумался. Ему также хотелось писать — писать стихи, сочинять веселые фельетоны из школьной жизни, а времени не было. Япончик съел время «Древней Русью». Тогда Янкель решил отступиться от журнала, бросить его. Скучно стало исписывать листы глупыми, по его мнению, статьями, исполнять прихоти Япончика.

Решил бросить.

Два дня уже Янкель не брался за журнал. «Зеркало» лежало на столе, до половины исписанное, а вторая половина улыбалась чистыми листами. Все больше и больше злился Японец. Он уже приготовил три новых статьи, а Янкель только ходил да посвистывал.

Подходил срок выхода журнала. Однажды Япончик решительно подошел к Янкелю.

— Писать надо. Журнал пора выпускать.

Янкель поморщился, потянулся и изрек спокойно:

— А ну его к чорту. Не охота!

— Почему неохота?

— Да так. Неохота и все.

Япончик разозлился.

— Ты будешь вообще-то работать или нет?

Но Янкель так же спокойно ответил:

— А тебе что? Неохота!

— Значит, не будешь?

— Ну и не буду.

— Почему?

— Надоело.

— Ну, валяй, как хочешь. — Япончик надулся и отошел.

Тихо посмеивался класс, глядя, как расприи разъедают крепкую редакцию.

С тех пор «Зеркало» больше не выходило. Совсем без прессы осталась республика. Даже Викниксор встревожился — при-

ходил, спрашивал — «Почему?» Но ребята отнекивались, мялись, обещали, что скоро опять будет все попрежнему. Однако прежнее ушло навсегда. Неделю редактора наслаждались покоем, ходили, гуляли вместе с классом, а потом вдруг им стало скучно, словно не хватало чего. Приуныли.

Объединяться вновь уже ни тому ни другому не хотелось. Опротивели друг другу. И стал класс замечать, как, уткнувшись в бумажные листы, снова пишут Янкель и Япончик. Заинтересовались: что вдруг увлекло так обоих?

Однажды после уроков Янкель, сидевший около печки, забеспокоился.

Достал веревку, заходил вокруг печки, что-то вымерил, потом вбил между двумя плитами пару гвоздей и повесил веревку.

— Ты это зачем? — удивлялись ребята, но он, многозначительно улыбаясь, говорил загадочно:

— После узнаете. Потом он долго рисовал красками какой-то плакат и наконец торжественно наклеил его на печку около своей парты. Плакат гласил:

«Издательство «Комар».

Пониже повесил вторую вывеску:

«Редакция еженедельного юмористического журнала **«Комар»**

А еще пониже третью:

«Типография издательства «Комар».

Тут же на веревку он торжественно повесил первый номер «сатирического и юмористического журнала «Комар», форматом в тетрадочный лист и размером в восемь страничек.

— Это что же? — спрашивали ребята, с любопытством рассматривая работу Янкеля. Тот улыбался.

— Новый журнал «Комар». Выходит обязательно раз в неделю и чаще!

— А почему он тоненький? — удивился Купец, с презрением щупая четыре листика журнала.

— Тоненький. Потому и тоненький, что не толстый, — обиделся Янкель.

— Ежедневно, может, выходить-то будет. Злободневный журнал.

Читали журнал всем классом — понравился. Только Япончик даже не взглянул на журнал, он сидел уткнувшись в парту и, шмыгая носом, быстро писал. Он решил осуществить свою

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uaic.ru/

идею о толстом ежемесячнике и на другой день уже дал о себе знать. Повсюду на стенах — в залах, в классах и даже в уборных появились объявления:

ВНИМАНИЕ.

Организуется новое книгоиздательство

«ВПЕРЕД».

В скором времени выходит № 1 ежемесячного журнала «ВПЕРЕД».

В журнале постоянно сотрудничают: Еонин (Япончик), Финкельштейн (Кобчик), Громоносцев (Цыган) и др.

Кроме ежемесячника «Вперед» книгоиздательство выпускает еженедельную газету «НЕДЕЛЯ».

ЧИТАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

Новое книгоиздательство нуждалось в клише, и тотчас же Ленька Пантелеев вывесил плакатик.

ЦИНКОГРАФИЯ «ФАКЕЛ».

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ. ЧЕТКОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ.

ГАРАНТИЯ ЗА УСПЕХ.

Новое издательство заработало энергично, и в тот же день появился первый номер газеты «Неделя». Япончик торжествовал и с рвением взялся за подготовку первого номера ежемесячника. Размах был грандиозный. Номер решили выпускать в шесть или семь тетрадей толщины, с вкладными иллюстрациями.

Янкель только злился. Он был бессилен перещеголять новое издательство. Все чаще и чаще прибегали из других классов к Япончику с вопросами.

— Скоро «Неделя» выйдет?

— «Вперед» скоро появится?

Тогда Япончик, горделиво скосив глаза на Янкеля, нарочно громко говорил:

— Скоро. Скоро. Ждите.

Однако Черных решил не сдаваться, он долго обдумывал создавшееся положение и твердо решил:

— Бороться надо. Буду выпускать чаще «Комара».

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Началась горячка. Ежедневно после невероятных трудов Янкель с гордостью вывешивал на веревочку у печки все новые и новые номера. Улучшил технику, стал делать рисунки в красках и добился своего. Ребятам надоело дожидаться толстого ежемесячника, — они все больше и больше привыкали к «Комару». Уже вошло в привычку утром приходить в четвертое отделение и читать новый номер «Комара». Но победа Янкелю досталась не дешево. Он осунулся, похудел и стал необыкновенно рассеян.

Через неделю вышел второй номер Еошкиной «Недели», но он не привлек читателей, так как был без рисунков и написан от руки карандашом. Зато неудача Япончика повлекла за собой неожиданные последствия.

Всю неделю Купец ходил погруженный в какие-то размышления, а когда увидел газетку Япончика, серенькую и неприглядную, то громогласно на весь класс заявил:

— Какого чорта. И я такую выпущу. Еще лучше. Журнал!

Заявление Купца было неожиданно — тем более, что всего десяток дней назад он смеялся над чудаками-редакторами.

— Охота вам время портить. Ведь деньги за это не получите.

И вдруг Купец, — редактор журнала «Мой Пулемет» — собирает штат сотрудников. «Мой Пулемет» по заявлению редактора называется так потому, что будет выходить очень часто, как пулемет стреляет. Тотчас же вокруг нового органа создалось ядро журналистов, — из малоизвестных начинающих литераторов — Мамочки и Горбушки, а скоро и Пантелеев порвал с Япончиком и также перешел в молодое, но многообещающее издательство Купца. «Мой Пулемет» скоро пошел в гору.

Уже беспрерывно выходили три органа: «Комар» Янкеля, «Неделя» Японца и «Мой Пулемет» Купца, но ни один из них не отвечал требованиям Цыгана.

— Что же это за издания, сволочи. Ни ребусов, ни задач не помещают. Барахло!

Цыган был полон негодования. Он пробовал ввести свой отдел во всех трех органах, но ему везде вежливо отказали. Тогда Громоносцев внес свое предложение в издательство «Вперед», где был одним из редакторов и деятельных сотрудников.

— Ребята, Япончик, Кобчик! Предлагаю во «Вперед» ввести отдел «Головоломка». Я буду редактором.

Поэт Финкельштейн (Кобчик) запротестовал первый.

— Не надо. У нас журнал научно-литературный, вполне солидный ежемесячник. Не надо.

— Не стоит, — подтвердил и Японец, но Громоносцев уже негодовал.

— Почему? Я тоже работаю. Мой отдел не хуже ваших. А коли не желаете, то я уйду.

Цыган вышел из издательства «Вперед», а в «Комаре» скоро появилось объявление:

> **На днях выходит новый журнал шарад-ребусов и загадок**
> **«ГОЛОВОЛОМКА».**
> *Редактор-издатель Громоносцев».*

«Головоломка» вышла на другой день. Потом совершенно неожиданно Мамочка и Горбушка вышли из состава Купцовского «Пулемета» и начали издавать свои журналы. Мамочка выпустил журнал с умным названием «Мысль», а как лозунг поставил вверху изречение Цыгана, впервые сказанное им на уроке русского языка. Когда его спросили, что такое мысль, он, нахально улыбаясь, ответил: «Мысль — это интеллектуальный эксцесс данного индивидуума». С тех пор это нелепое изречение везде и всюду ходило за ним, пока, наконец, не запечатлелось в виде лозунга над высокохудожественным Мамочкиным органом.

Горбушка, презиравший рассуждения о высоких материях, был больше поэтом и назвал свой журнал исключительно поэтически:

«З О Р И».

Однако Горбушка при всех своих поэтических талантах был безграмотен и уже с первого номера опростоволосился.

На первой странице Горбушкиного издания по случаю бывшего месяца три назад спектакля красовался рисунок из Пушкинского «Бориса Годунова».

Рисунок Горбушки изображал Японца в роли Годунова с большим жезлом в руке.

Но не рисунок заставил всю школу покатываться со смеху, а пояснительная подпись под ним:

Ю л ы с т р а ц и я к т р о г е д и е «Б а р и с Г о д у н в».

Горбушка умудрился в пяти словах сделать семь ошибок, и здорово поплатился.

ССУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Поэтичные «Зори» читали вовсе не потому, что интересовала поэзия, читали их, как хороший юмористический журнал, и даже Янкель обижался:

— Сволочь. Конкурент.

Но Горбушка никак не мог понять, над чем смеялись шкидцы, и был оскорблен. Еще бы. Он сидел, переживал и писал стихи, вкладывая в них всю душу. По его мнению, получалось очень красиво. Горбушка был лирик, но лирику понимал по-своему. По его словам: «Лирика это, когда от себя писать и когда скучно писать». Писал он свои скучные стихи только тогда, когда его наказывали; вот одно из его стихотворений:

Дом желтый наш дряхлый и старый.
Все время из труб идет дым.
Заведущий славный наш малый,
Но скучно становится с ним.
Мне стало все жальше и жальше
Смотреть из пустого окна.
Умчаться бы куда подальше,
Где новая светит земля.

Но стоило только Горбушке поместить это стихотворение в своих «Зорях», как уже вся школа смеялась, а «Комар» в новом отделе «По шкидским журналам» издевался над Горбушкиной лирикой:

«Повидимому, поэт Горбушенция — очень наблюдательный человек, недаром он подметил такое замечательное явление, как «все время из труб идет дым». Мы боимся одного: как бы не пошел дым из другого какого места, например, из «Зорь» или из Горбушкиной головы, которому пустое дело «смотреть все жальше и жальше из пустого окна». Кроме того, Горбушке хочется «умчаться куда подальше». Мы с удовольствием исполним его желание и посылаем милого поэта «куда подальше». Живи себе там, Горбушечка, да стишки пописывай.

Однако Горбушка остался тверд и попрежнему продолжал писать лирику, регулярно выпуская свои «Зори».

Уже шесть журналов выходило в одном четвертом отделении. Такое обилие взволновало всю школу, и за четвертым отделением стали следить все больше и больше.

Викниксор заинтересовался больше всех новой «журнальной эпидемией». Однажды, придя в класс, он произнес целую речь о том, что это очень и очень хорошо, что журналы развивают способности и что скоро он откроет школьный музей, в котором будут храниться эти журналы. Кроме того, он обещал оказывать содействие журналистам канцелярскими

Сочинения В. Г. Белинского
http://lokraic.ru/

принадлежностями и в подтверждение своих слов в тот же день выдал Янкелю краски и бумагу.

Щедрость Викниксора удивила и ободрила ребят, и уже в следующее утро появились три новых журнала: «Всходы», «Вестник Техники» и «Клоун». «Всходы» Воробья мало чем отличались от Горбушкиных «Зорь», разве только тем, что ошибок было вдвое меньше. «Клоун» оказался интересен только для педагогов, так как издавал его самый ленивый и самый неразвитой четвертоотделенец Пьер, вечно находившийся в состоянии оцепенения и оживлявшийся исключительно за обеденным столом. Когда педагоги узнали, что Пьер — Соколов — издает журнал, они пришли удостовериться, удивленно смотрели на сопевшую склоненную над бумагой голову парня и недоверчиво спрашивали.

— Соколов. Это ты что делаешь?

Соколов важно надувался.

— Журнал издаю. «Клоун».

— А почему «Клоун»?

Тут Пьер терялся.

— Почему? А так. Чорт его знает, почему.

Третий журнал «Вестник Техники» поразил всех. По Шкиде пошли толки и догадки.

— Что за «Вестник Техники»?

— Кому он нужен?

— Мы же не занимаемся техникой.

— Зачем он нам?

Недоумевающих нашлось много.

Редактор журнала — Ленька Пантелеев, — последний сотрудник Купеческого «Пулемета» был доволен всеобщим к нему вниманием и, сидя скромно на парте, укоризненно-отеческим тоном отчитывал любопытных.

— Так, значит, по-вашему «Вестник Техники» не нужен? Ай-ай-ай. Здорово. Мало, значит, вы живете на свете. Техника нужна везде. Без техники шага не сделаешь — лампочки простой с лестницы не свинтишь!

— А зачем ее свинчивать?

— Ну не свинтить, так ввинтить не сумеешь. Впрочем, это очень глупо — держать в руках целую лампочку и ввинчивать ее в патрон, вместо того, чтобы отнести на рынок и загнать, — задумчиво высказывал Ленька свои соображения.

Однако никто его не понял и каковы должны были быть применения техники в шкидской жизни также никто себе не уяснил, пока не вышел первый номер журнала.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Передовая статья была пересыпана планами, чертежами и рисунками. Называлась она по-технически сухо:

«Как самому провести электрическое освещение».

В ней Пантелеев простым языком рассказывал о проводке электричества, разбирал устройство выключателей, провода и т. д. Вторая статья была общего характера о достижениях науки и техники. Потом шли заметки об изобретениях в СССР и за границей и, между прочим, о местных достижениях. Так, например, на последней странице скромно притулилась заметка следующего содержания:

«Деревянные клише.

Янкелем и Пантелеевым изобретен новый легкий способ изготовления клише для постоянных заголовков и виньеток из дерева. Способ прост и доступен каждому. Берется гладкая деревянная дощечка и на ней ножом вырезается нужная фигура, затем ее смазывают чернилами и печатают. Новые клише уже с успехом применяются Янкелем для заголовка «Комара» и Пантелеевым для объявлений».

Количество журналов с шести поднялось до девяти, но никто не предполагал, что эпидемия журналистики окажется такой заразительной.

———

Из четвертого отделения зараза уже перескочила в третье. Следом за старшими потянулись и младшие. Устинович начал издавать первый крупный журнал третьего отделения «Медвежонок». Горячка охватила и остальных одноклассников. Скоро третье отделение имело целый ряд журналов, из которых особенно выделились «Звезда», «Красная Заря», «Туман» и «Вестник».

Наступила очередь второго отделения. Эпидемия распространялась. Малышам понравилась затея старших, и скоро весь второй класс неутомимых бузовиков и драчунов засел за изготовление журналов. К длинному списку выходящих органов прибавился новый ряд названий: «Маяк», «Красный Школьник», «Летопись». Когда об этом узнали в четвертом отделении, кто-то пошутил:

— Теперь только не хватает того, чтоб еще в первом отделении взялись за журналы.

Однако шутка оказалась пророческой, и уже через пару дней маленький Кузя принес старшим показать свой журнал «Гриб» и рассказал, что у них уже издаются журналы: «Солнышко», «Мухомор», «Красное Знамя».

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uralic.ru/

Вдобавок ко всему педсовет вынес постановление об издании в каждом классе одного официального классного журнала — дневника.

Республика Шкид все делала стихийно, нервно, порывисто. Запоем бузили, запоем учились и также запоем взялись за издание журналов.

Сначала все шло хорошо. Воспитатели были довольны.

Не шумели по окончании уроков воспитанники, никто не носился по залу, никто не катался на дверях и перилах, никто не дрался.

Отзвенит звонок, но парты остаются попрежнему занятыми, только крышки хлопают да изрезанные черные доски дрожат.

Ученики сидят.

В классе тихо. Скрип перьев и заглушенный шопот, шелест бумажных листков.

Десятки голов склонены над партами. Творят и печатают, рисуют и пишут.

Это готовятся журналы. Зараза заползла во все уголки.

Журналов стало так много, что их невозможно было и прочитать, поэтому каждый старался сделать свой журнал более ярким, более броским. Не хватало свободного времени, и журналы стали писать во время уроков.

Звенит звонок. В четвертый класс входит Сашкец, но его появление остается незамеченным. Сашкец разгневан. Он не любит, когда его историю не учат.

— Класс, встать, — гремит голос дяди Саши.

Класс, хлопая крышками парт, поднимается.

— Класс, садись. Все уберите со стола лишнюю бумагу.

Сашкец садится за стол, раскладывает книги, потом вскидывает вверх голову и, проведя рукой по намечающейся лысине повыше лба, испытующее осматривает застывшие фигуры учеников.

— Сегодня мы кратко вспомним пройденное. Пускай нам Черных расскажет, что он знает про Ивана Грозного.

Но Черных не слышит. Он усердно пишет очередной номер «Комара». До истории ли Янкелю? Сашкец замечает и уже сурово окрикивает:

— Черных!

— Что дядя Саша? — спохватывается тот.

— Расскажи про Ивана Грозного. Я прошлый раз вам обстоятельно все повторял, поэтому вы должны знать.

Но Янкель вспоминает, что и прошлый раз он писал «Комара». Надо вывертываться.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Дядя Саша, я плохо помню.

— Не дури.

— Честное слово. Знаю только, что он кошек в окно швырял, а больше не запомнил.

Сашкец удручен.

— Садись, — бросает он хмуро, потом идет к Оффенбаху и застает того на месте преступления.

— Ты что делаешь?

— Пишу, — невозмутимым басом отвечает Купец.

— Покажи.

— Да-а. А вы отнимете.

— Покажи, тебе говорят!

Кауфман с гордой улыбкой вытаскивает сырой от акварельных красок номер «Пулемета».

— Вот. Журнал свой пишу.

Сашкец в ярости порывается отнять журнал, потом ограничивается звонкой фразой:

— Я тебя запишу в «Летопись» — за то, что занимаешься посторонними делами в классе. Он идет к столу, но как на зло замечает ту же историю и на других партах. Тогда халдей пускается на крайность.

— Ребята. Я запишу весь класс за невнимательное отношение к уроку.

Однако и это сильное в обычные дни замечание не действует. Урок тянется нудно и вяло. Ученики отвечают невпопад или вовсе не отвечают. После звонка Сашкец в канцелярии жалуется.

— Невозможно работать. Эти журналы всю дисциплину срывают!

А в классе кавардак.

В одном конце Японец ругается с Цыганом за право обладания художником Янкелем. Янкель должен нарисовать картину Японцу для «Вперед», то же самое просит сделать и Цыган, который выпускает «Альманах лучших произведений Шкиды».

В другом — слышен визг поэта Финкельштейна. Это Купец собирает материал для своего «Пулемета».

— Дашь стишки? — рычит он. — Дашь или нет?

— Нету у меня стихов, — защищается Костя.

— Врешь, есть! Не дашь, буду мучить, Костенька!

— Не надо, Купа. Больно.

— А дашь стихи.

— Дам, дам...

— Ну то-то.

ОГЦБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Купец, удовлетворенный, отпускает Финкельштейна и наседает на Янкеля.

— Дашь рассказ или нет?

Опять писк.

— Занят!

— Дашь или нет?

— Дам!

Кауфмана бросили все сотрудники, вот он и придумал этот простой способ выжимания материала.

У окошка, зарывшись в «Красную Газету», сидит Пантелеев. Он мучается, он хочет сделать свой «Вестник Техники» настоящим журналом. Для этого все налицо, но нет объявлений, а для объявлений он оставил обложку. Ленька уже обегал все журналы и собрал несколько объявлений, но этого мало, остаются еще два уголка.

— Эх! — сокрушенно вздыхает он. — Тут бы петитом или нонпарелью парочку штучек пустить и ладно.

Вдруг он находит материал в «Красной» и минуту спустя уже выводит.

«Требуются пиш-машинистки в правление АРА...»

Вдруг в класс врывается маленький Кузя из первого отделения и прямо направляется к Янкелю.

— Ну? — вопросительно смотрит тот, отрываясь от рисования.

Кузя возбужденно говорит.

— Согласен!

— Идет, — коротко отвечает Черных. Оба летят в первое отделение. Там кучка любопытных уже ждет их.

— Значит, как уговорились, — говорит Янкель. — Поэму на шестьдесят строк я вам напишу сейчас, а нож перочинный вы мне отдаете по сдаче материала. Так?

— Так, так, — говорят малыши.

Янкель садится и с места в карьер начинает писать поэму для журнала первого отделения.

Писать я начинаю,
В башке бедлам и шум.
Писать о чем не знаю.
Но все же напишу...

Перо бегает по бумаге, и строчки появляются одна за другой.

Первоклассники довольны, что и у них сотрудничают видные силы. Правда, поэма стоила перочинного ножа, который перешел, в виде гонорара, в карман Янкеля, но видное имя что-нибудь да значит для журнала!

Через полчаса Янкель уже выполнил задание. Поэма в шестьдесят строк была сдана редактору, а сам видный литератор помчался дорисовывать рисунок.

Тихо в школе, никто не бегает в залах, никто не катается на дверях и перилах, никто не дерется — зато все делают журналы.

Три месяца школа горела одним стремлением—выпускать, выпускать и выпускать журналы. Три месяца изо дня в день исписывались чистые листы бумаги четкими шрифтами, письменной прописью и безграмотными каракулями. У каждого журнала свое лицо.

Характеры у шкидцев разные, это не позволило им объединиться и создать общую газету или журнал.

Один редактор помещает рассказ в таком стиле:

МЕДВЕДЬ.

Рассказ.

Была холодная ночь. Вокруг свистала вьюга. Красноармеец Иван Захаров стоял на посту. Было холодно. Вдруг перед Иваном набежал медведь и прямо к нему. Иван хотел убежать, но он вспомнил о врагах, которые могут сжечь склады с патронами. Он остался. Медведь подбежал близко, но Иван вынул спички и стал зажигать их, а медведь испугался и стоял, боясь подойти к огню. А утром медведь убежал, а Иван спас склады.

Рассказ написал Кузьмин.

А другой редактор и поэт пишет так:

Я смотрю на мимозы.
Я вдыхаю душистые розы.
Взор очей мой тупеет,
Предо мной все темно.
Солнце греет.
Природу ласкает,
Как люблю я тебя
С твоим взором.

У третьего редактора совсем другие настроения:

Грянь, набат громозвонный,
Грянь сильней.
Слушай люд миллионный
Песню дней.
Крепче стой пролетарский
Фабрик край.
Потрудись ты бунтарский
В первый май.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Пусть звенит и гремит
Молот твой.
Праздник май гимн творит
Трудовой.

Три месяца бесновалась республика Шкид, потом горячка спала, умер сразу десяток изданий. Кто бросил потому, что «игра» надоела, а кто просто устал. Все больше и больше увеличивался список скончавшихся, пока, наконец, совсем не утихла горячка.

Шкида решила: журнала нам не нужно. Журнал скучен и неудобен. Надо издавать стенную газету. — Появляется газета «Горчица», здоровая, крепкая, школьная газета, где материал собран со всей школы, со всех отделений, где пишет не один редактор, а пятнадцать—двадцать корреспондентов.

Из шестидесяти изданий остается четыре.

Игра замирает, давая место серьезной работе, а от прежнего увлечения остается след в школьном музее, в виде полного комплекта всех изданий.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«ДЗЕ, КАЛЬМОТ и К°».

Грузинский князь Георгий Джапаридзе. — Личное дело Михаила Еонова. — Корыстный характер. — Колониальный спекулянт. — Таинственный узелок и балалайка. — Талон № 234. — Дзе и кальмот. — Жвачный адмирал. — Голый барин. — Кубышка.

Четверка пришла с Сергиевской. «Сергиевская» была интернатом с дурной славой. Попасть в Сергиевский считалось несчастьем.

Там в интернате была железная, казарменная дисциплина... Воспитанники сидели в душных комнатах и гуляли редко, лишь с надзирателями. Наказания за проступки, придуманные завом, не поддаются описанию. Одно из них заключалось с следующем.

Воспитанника, совершенно нагого, сажали в темный карцер, который по приказу изобретательного зава был превращен в уборную. Наказанный просиживал в карцере без хлеба и воды по 3—4 дня, валялся в нечистотах, задыхался в скверных испарениях...

«Сергиевка» так прославилась, что на нее обратили внимание судебные власти.

После скандального процесса интернат расформировали. Находившихся в нем подростков распихали по разным приютам.

Четверка попала в Шкиду.

Самый старший Джапаридзе, — сын грузинского князя, морского офицера.

У Джапаридзе типичное грузинское лицо: крупный орлиный нос, оттопыренные уши и белоснежные неровные зубы.

Детство свое Джапаридзе, по семейной традиции, провел в корпусе. Там он учился искусству командовать и хорошим манерам. Корпус привил в нем любовь к военной выправке, чистоте костюма, спартанству. Но корпус же изломал его душу, сделал его лживым, скрытным и обманчивым.

Корпус в семнадцатом году закрыли, кадетов попросили выйти вон. Джапаридзе пожил дома, проворовался и пошел

Собрание В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

скитаться по интернатам и детдомам. Вышибали из одного интерната, он шел в другой. Так докатился до Сергиевской. На Сергиевской жил два года и издерганный, уставший в 15 лет, нашел тихую пристань в республике Шкид.

У Королева голова совершенно круглая, щеки одутловатые и румяные. Полная высокая фигура, римский нос и слегка курчавая голова придают ему сходство с патрицием времен Юлия Цезаря.

Королев — незаконнорожденный. В анкете «личного дела Михаила Королева» в графе «занятие родителей» сказано: рожден вне брака.

В старое николаевское время для «рожденных вне брака» был один путь — воспитательный дом, приюты и ремесленная школа.

Королев с малых лет скитался по приютам. За это время его «личное дело» разбухло: каждый интернат давал ему свою характеристику...

Одна из них, написанная казенным языком старого халдея, характеризует Королева, как «мальчика, с довольно прочно укрепившейся привычкой лениться». На шести листах пожелтевшей канцелярской бумаги описываются результаты этой «привычки».

«В результате знания мальчика в настоящее время оказываются столь слабыми, что он не может быть переведен в класс «Д» и ему на возрасте почти 15 лет приходится вторично слушать детский элементарный курс, т.-е. в то время, когда в нем уже в достаточной степени пробудились физические потребности взрослого человека и окрепла привычка весело и праздно проводить время, на удовлетворение чего, конечно, направлены все помыслы и желания этого мальчика уже теперь».

Дальше описываются способы «удовлетворения потребностей взрослого человека».

«Сильно развитые в нем привычки курить, лакомиться и т. д. повели его по пути легкого раздобывания средств и предметов потребления для удовлетворения этих потребностей, в силу чего, конечно, он стал постоянно замечаться в проступках корыстного характера: срезывание проводов и других принадлежностей арматуры электрического освещения, отвинчивание дверных ручек, присваивание мелких инструментов в сапожной мастерской и т. п. Все эти предметы направлялись им на базар на обмен на папиросы и лакомства».

Детдом переезжает на дачу, в колонию, где

«Надзор и работа над Королевым, естественно, затруднялись и осложнялись по местным условиям. Порочные наклонности этого мальчика проявились самым резким образом: близость деревни, процветание там товарообмена, затруднительность ежеминутного учета наличия воспитанников,

создавали благоприятную к тому почву. Здесь Королев, вопреки выраженному ему лично запрету, стал постоянно убегать в деревню и возвращаться в школу лишь поздно ночью; в деревне он стал обменивать на продукты, находящиеся на руках или похищенные им у товарищей казенные вещи, особенно полотенца; жертвами его спекуляции сделались даже няни, к которым он сумел подладиться под видом желания услужить им: у одной он взял деньги на селедку и принес ей за это стакан молока, уверяя, что селедка оказалась червивая; от другой, получив деньги на табак и папиросы, ничего ей за них не принес, обещая вознаградить ее в будущем, — оказалось, что папиросы выкурил сам»...

За такие деяния Королева из колонии отправили к матери в Питер.

«Но он, пользуясь слабостью матери и подделав отпускной билет, возвращается с откуда-то добытой им балалайкой и узлом тряпья обратно на место расположения колонии; минуя интернат, пробирается в деревню, выменивает привезенные с собой вещи и возвращается затем в Петроград»...

Составлявший характеристику не знал, где скитался выгнанный за воровство Мишка Королев... Не знал, откуда Мишка добыл балалайку и «узел тряпья»... Королев все лето «гопничал», проездил по железным дорогам с солдатскими эшелонами, направлявшимися на фронт. Там он и слямзил балалайку.

Это характеристика не «Сергиевского» интерната. Это характеристика нормального детского дома. Заканчивалась она просьбой перевести Королева в «одну из школ для трудных в воспитательном отношении детей на возрасте от 12—16 лет».

Просьба была удовлетворена...

Королева переслали в «сивую» Сергиевскую, как неодушевленный предмет, по «сопроводительному талону» № 234.

«При сем препровождается Михаил Королев, 14 лет».

И доставивший его на место получил квитанцию:

«в том, что Королев Михаил 14 лет принят».

Сергиевская дала о нем не менее блестящую характеристику.

«Мальчик безусловно способный, но ленивый и тогда просто сонный, способный дремать во время уроков. Дисциплине подчиняется не всегда, очень упрям, порою вызывающе дерзок и груб. В школе пробыл год и за это время несколько раз попадался в крупном и мелком воровстве, взломе замков и в самовольных отлучках из школы. В классе невнимателен, во время уроков занимается посторонними книгами, часто балагурит и этим мешает занятиям других. К товарищам относится хорошо и пользуется у них авторитетом. Со старшими развязно внимателен или угрюмо замкнут, считает себя весьма самостоятельным. Курит, замечен не раз в карточной игре. К матери относится внимательно».

Последний аттестат Королеву был дан детским Обследовательным Институтом Психо-Неврологической Академии.

Отзыв, подписанный профессором психиатрии Грибоедовым, гласит:

«Королев Михаил страдает остро протекающей неврастенией на почве, повидимому, умственного переутомления. Летом страдает бессонницей, не спит совсем по две ночи подряд. Королев нуждается в отдыхе, водо-, свето - и воздухолечении, каковое может быть проведено в Воспитательно-Клиническом Институте для нервных больных».

Но «водо-свето-воздухолечения» Королев не получил. Сергиевская рассыпалась, и он попал в Шкиду...

В Шкиде две первых характеристики не подтвердились. Королев не воровал, вел себя прилично и бузил в меру.

Лишь отзыв проф. Грибоедова оказался правильным. Мишка Королев страдал неврастенией и бессонницей.

В эти бессонные ночи он безумствовал, был сам не свой. Ругал воспитателей последними словами, балагурил, плакал... А выспавшись, «опохмелившись», каялся и снова становился «нормально-дефективным».

Таков Королев Михаил...

Третий тип — Старолинский.

Он низенького роста. Лицо у него совсем детское, а манера одеваться и фигура делают его похожим на гимназистика... У Володьки Старолинского отца не было, — были лишь мать и отчим. Он также неврастеник... Страдает клептоманией, когда находят припадки, ворует, что попало; кроме того, он ярый картежник...

На Сергиевскую Старолинский попал также за воровство и в Шкиду пришел со скверной репутацией.

Четвертый — Тихиков.

«Сергиевская» его характеризует так:

«Тихиков Евгений — мальчик из интеллигентной семьи, круглый сирота, имеет дядю. Тихиков очень способный мальчик, все усваивает легко и хорошо занимается, но не чужд лени. К товарищам относится хорошо, но держится несколько особняком. Не терпит общих прогулок и всегда под каким-нибудь предлогом старается остаться дома. Со старшими сдержан, возражает всегда логично и почти не грубит. В классе сидит прилично. Курит, порой увлекается карточной игрой, не чужд спекуляции, но вообще мальчик любознательный, отзывчивый, серьезный и несколько замкнутый».

У Тихикова треугольная голова, высокий лоб, коротенькая, неладная фигура...

В Шкиде до конца дней своих Тихиков оставался замкнутым и бузил редко.

Четверка пришла в Шкиду крепко спаянной в неделимый союз. Думали сообща отстаивать свои интересы... Наученные опытом Сергиевской, не ожидали встретить хороший прием...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Но, ошиблись... Встретили их очень хорошо, как, впрочем, встречали и всех других.

С первого же дня Джапаридзе, как самый развитой, примкнул к «верхам». Узнав, что в Шкиде издаются журналы, он заявил о своем желании издавать журнал «Шахматист». Вероятно узрев в этом какую-либо для себя выгоду, Янкель заключил с ним сламу.

Королев вошел в сламу с Купцом, а Старолинского взял под свое покровительство Пантелеев.

Лишь один Тихиков остался без друзей закадычных... Вечно сидел он за партой, читал Майн-Рида или Жюль Верна и что-то все время жевал... Жевал, пережевывал, отрыгал и икал. За это впоследствии получил кличку «Жвачное».

Четверка принесла с собой старые клички: Королев—«Флакончик», Старолинский — «Мальчик», Тихиков — «Адмирал», а Джапаридзе кличку непечатную.

В Шкиде лишь одному Тихикову удалось сохранить прозвище «Адмирал», — остальных переименовали в первый же день их прихода.

— Джапаридзе слишком длинно, — заявил Японец, — а похабных кличек мы не даем. Поэтому назовем тебя просто «Дзе».

— Ваше дело, — согласился грузин, — «Дзе» так «Дзе».

Старолинского тот же Японец назвал почему-то «Голым барином». Звали его впоследствии «Голый барин», «Барин», «Голый» и просто «Голенький».

Королева прозвали «Кальмотом», за то, что он вместо «кусок» говорил «кальмот».

— Дай мне кальмот хлебца.

Или:

— Одолжи кальмотик сахарина.

СОЧИНЕНИЯ В. Г. Белых
http://book.uraic.ru/

«САША ПЫЛЬНИКОВ».

Косталмед действует. — На гимнастику, живо! — Исцеление прокаженных. — Альте камераден. — Мюллеровская гимнастика. — Манна небесная на классной печке. — Парень с бабьим лицом. — Туфля. — Жест налетчика. — Недотыкомка.

Прозвенел звонок, кончилась перемена. В класс четвертого отделения вошел Косталмед, он же Костец.

— На гимнастику, живо!

Ребята нехотя поплелись из класса.

— Живо! — подгонял Костец, постукивая круглой полированной палочкой.

Когда все вышли из класса, за партами остались сидеть Японец и Янкель.

— А вы что? — подняв брови, спросил Костец.

— Не можем, — скривив лицо, проговорил Японец. — У нас ноги болят.

Больные ногами шкидцы по приказу Викниксора освобождались от гимнастики.

— Покажите, — сказал Костец.

Японец, прихрамывая, подошел к воспитателю и поднял босую ногу. Нога на пятке пожелтела, вздулась и в самом центре образовала отвратительное на вид нагноение.

— Нарыв в последней стадии, — отрекомендовал Японец. В уборную еле хожу, не только что на гимнастику.

— Ладно, оставайся, — сказал Костец. — А ты? — обратился он к Янкелю.

Янкель чуть ли не на четвереньках подполз к халдею.

— Сил нет, — прохрипел он. — Замучила, чортова гадина.

Он загнул брюки. На изгибе колена и дальше к бедру у него проходил страшный красный с синеватыми подтеками шрам.

— Где это тебя угораздило? — поморщившись спросил Костец.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Дрова пилил, — ответил Янкель. — Пилой. Ходить не могу, дядя Костя, тем более упражнения делать.

— Оставайся, — согласился Костец и вышел из класса.

Когда он вышел, Янкель, плотно закрыв за ним дверь, сказал.

— Ну, сейчас можно и вылечиться.

С этими словами он подошел к своей парте, загнул брюки и, помуслив ладонь, смыл страшную рану.

То же самое сделал и Японец.

Вылечившись, оба уселись за парты. Японец вынул книгу, а Янкель начатый журнал.

Этот способ отлынивания от гимнастики был придуман Янкелем; он же, обладая способностями рисовальщика, художественно разрисовывал, за небольшую плату, язвы, раны, опухоли и прочее.

Костец верил, что эти болезни настоящие. И сейчас, когда Костец поднимался наверх в гимнастический зал, его душа под грубой казарменной оболочкой халдея была преисполнена состраданием к несчастным мученикам.

А в гимнастическом зале уже собрались ребята. Когда вошел Костец, они визжали, возились и слонялись без дела по большому залу.

— Ста-новись! — закричал Костец.

Ребята зашевелились, как муравьи, и в конце концов выстроились по ранжиру в прямую линию.

Первым с правого фланга стоял Купец, за ним Цыган, Джапаридзе и Пантелеев. За Пантелеевым обычно становился Янкель, сейчас же место оставалось свободным, и Костец скомандовал:

— Сомкнись!

Шеренга сомкнулась.

— Равнение на... право!

Все головы, за исключением головы Воробья, повернулись в правую сторону. Воробей же задумался и прослушал команду.

— Воробьев, выйди из строя, — приказал Косталмед.

Воробей вышел.

— Имеешь запись в «Летопись», — сообщил Костец и добавил: — Встань на место.

Добившись, чтобы шеренга выстроилась в идеально прямую линию, Костец повернул ее направо.

Третьеклассник Бессовестин, хорошо игравший на рояле и благодаря этому плохо учившийся, уселся за пианино.

— Шагом марш! — скомандовал Костец.

Бессовестин заиграл старинный марш «Альте камераден» и под звуки марша три десятка босых ног заходили вдоль стен зала.

Шли гуськом... Впереди выступал Купец: шел он лучше всех, имел выправку, полученную еще в корпусе. Не успевая в других предметах, Купец страстно любил гимнастику.

Остальные шли не так молодцевато, лишь Пантелеев и Цыган подделывались под Купца, хотя и неудачно. Зато Воробей, получивший запись в «Летопись», — бузил. Он шел не в ногу, растягивая интервалы и, очутившись за спиной Костеца, показывал ему кукиш или язык.

— Левой, левой, — командовал Костец, отстукивая такт полированной палочкой. — Левой, левой. Раз, два, три.

Осеннее солнце тускло отражалось в паркетных квадратах и белыми пятнами бегало по выкрашенным под мрамор стенам...

— На-а гимнастику... выходи!

Купец, дойдя до середины стены, круто повернул налево.

У противоположной стены шеренга разошлась через одного в разные стороны и сошлась уже парами, а затем четверками.

— Стой! Отделение разом-кнись, — отделение разомкнулось.. Ребята расставились по квадратному паркету, как фигуры на шахматной доске.

— Вольно!

Купец выставил ногу вперед, руки заложил за спину. Остальные встали как попало. Большинство принялось подтягивать свалившиеся во время маршировки брюки, поправлять ремни и пр.

— Смирно. Первое упражнение, на-чи-най!

Бессовестин заиграл вальс.

Под такт Костецовской палочки ребята принялись выделывать сокольские упражнения, потом Мюллеровские упражнения, потом шведскую гимнастику.

— Шамать хотца, — сказал Японец, захлопнув книгу.

Янкель перевел взгляд с лошади, которую он рисовал, на Японца и ответил:

— Да, пожрать бы не мешало.

— У тебя нет?

Янкель махнул рукой.

— В четверг-то... Было бы, брат, так давно бы нажрался.

Он уныло заглянул в пустой ящик парты, потом пошманал по чужим партам, — везде пусто.

— Хоть бы корочку где найти.

Собрание В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Вдруг Японец хлопнул себя по лбу.

— Идея... Помнишь, Курочка рассказывал, что у них в классе, на печке...

Янкель вскочил.

— И правда, идея!...

Оба подскочили к печке и заглянули наверх.

— Эх, чорт, — вздохнул Янкель, — как бы туда залезть.

— Вали, подсади меня. Я тебе на плечи встану.

— Идет.

Янкель нагнулся и уперся руками в колени. Японец взобрался к нему на плечи.

— Еще немного поднимись.

Янкель встал на цыпочки.

— Хватит.

Японец уцепился руками за карниз печки и заглянул в пыльное углубление.

— Ну, как? — спросил Янкель.

Японец минуту копошился, потом раздался радостный возглас.

— Есть.

— Что?

— Булка белая... еще булка... Кусок сахара... хлеб... Да тут целый склад огрызков.

— Вали, кидай.

На пол упало что-то тяжелое и твердое как камень. Потом посыпался каменный дождь...

Посыпались заплесневелые, окаменевшие остатки завтраков, которые сытые ученики коммерческого училища забрасывали когда-то на печку. Последний огрызок — булка, с прилипшим и засохшим куском колбасы, ударился о пол, Японец уже собирался спрыгнуть с Янкелевых плеч, когда раздался окрик:

— Это что такое?

Янкель от неожиданности вздрогнул и отпустил руки. Пирамида рухнула. В дверях класса стоял Викниксор. — Рядом с ним стоял парнишка лет пятнадцати с широким бабьим лицом, торчащими в стороны жесткими волосами, одетый в серую куртку и подпоясанный ремнем с серебряной гимназической пряжкой.

— Что это такое? — повторил Викниксор. — Где класс?

— На гимнастике, — тихо ответил Японец.

— А вы что?

— Ноги болят, — чуть ли не шопотом проговорил Янкель.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Викниксор нахмурился.

— Ноги болят. Вот как... А на печку зачем лазили, — лечиться?

Противники Мюллеровских упражнений и шведской гимнастики молчали.

— Оба в пятом разряде, — объявил Викниксор. — А сейчас марш наверх.

Товарищи в сопровождении Викниксора и незнакомца с бабьим лицом поднялись наверх. В гимнастическом зале ребята опять маршировали. Бессовестин играл марш, на мотив известной песни:

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она...
Голодная была.

При входе Викниксора Костец скомандовал:

— Стой смирно!

Ребята остановились. Викниксор подошел к Костецу и спросил.

— Почему Черных и Еонин оставались в классе?

— Они больны, Виктор Николаевич, — ответил воспитатель.

— Как они вам это доказали?

— Они показывали больные ноги. У них страшные язвы.

Викниксор нахмурился.

— Неправда, они совершенно здоровы.

— Не может быть, Виктор Николаевич!

— Я вам говорю, что они здоровы.

Потом Викниксор обратился к классу:

— Ребята, Еонин и Черных переводятся в пятый разряд за симуляцию болезни и отлынивание от занятий. Пусть это послужит вам уроком. В следующий раз больные должны представлять удостоверения лекпома.

Янкель и Японец уже встали в строй. У дверей остался стоять незнакомый парнишка в серой куртке.

Викниксор вспомнил о нем и отрекомендовал:

— А это новый ваш товарищ Ельховский, Павел... Ельховский, — обратился он к новичку, — встань в ряды.

Новичок смущенно и нерешительно подошел к строю.

— Встань по ранжиру, после Черных, — сказал Костец. Ельховский встал за Янкелем. Сзади него оказался Японец.

Викниксор вышел из зала, зачем-то вызвав и Костеца.

© ГБУК им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

— Как тебя зовут, сволочь? — спросил Японец новенького.

— Почему сволочь? — удивился тот. Голос у него оказался тонким и каким-то необыкновенно пискливым.

— Почему сволочь? — переспросил Японец. — Да потому, что, гадина, мы из-за тебя засыпались. Не приди ты, ничего бы не было.

— Не логично, — пропищал Ельховский. — Я не виноват, что так случилось.

— Не логично... А тут вот в пятом разряде сиди, — вмешался Янкель, не успевший даже подзавернуть хлебных огрызков и предвкушавший удовольствие просидеть без отпуска, а следовательно и впроголодь в течение пяти недель.

В зал вошел Костец. Был он хмур и насуплен, повидимому, получил от начальства выговор.

— Смирно!

Снова класс заходил вкруговую по залу. Снова из-под рук Бессовестина полились звуки марша:

Увидела китайца
И хвать его за косу,
Она, она —
Голодная была.

Японец злился. Он чувствовал, что виноват в происшедшем лишь сам, но, желая выместить на ком-нибудь злобу, стал преследовать новичка Ельховского. Он наступал Ельховскому на ноги, отчего у того сваливались тряпичные домашние туфли, и украдкой ударял по спине... Ельховский сперва решил не обращать внимания на выходки Японца, но, когда выходки Японца стали переходить меру, он запищал:

— Отстань.

Японец еще больше обозлился и с силой наступил на ногу новичка. Ельховский поднял ногу, застежка туфли лопнула, и туфля осталась на полу.

Выходка Японца была бы замечена и он был бы еще больше наказан, не прозвени в этот самый миг звонок.

Ребята, наблюдавшие еще во время маршировки за преследованием Японцем новичка, обступили Ельховского.

Тот сидел на корточках, склонившись над разорванной туфлей. Лицо его сжалось в гримасу, казалось, что он сейчас расплачется...

Но он не заплакал. Вместо этого он стал чихать. Чихал он как-то по-особенному, корчил лицо, жмурился и звук чоха у него получался какой-то необыкновенно нежный:

— Апсик.

Собрание М.В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Чихал он часто, с определенными промежутками. Ребята окружили его и смотрели с недоумением и любопытством.

— Что это с ним? — испуганно спросил Японец.

— Чихает,—ответил Янкель.

— Вижу, что чихает, а зачем чихает?

— Так, должно быть, привычка... наследственность.

— Чихун, — сказал кто-то.

Купец нагнулся и больно щелкнул Ельховского в затылок. Тогда выступил Ленька Пантелеев.

— Чего издеваетесь над человеком,—сказал он. — Тебя, небось, Купец, не мучили, когда новичком был!

Класс расхохотался.

— И смешного ничего нет, — покраснев заявил Пантелеев. — Нечего хвастаться своей гуманностью, хорошим отношением к новичкам, когда сами их бьете... разве неправда?

Никто не ответил. Все молчали, молчание же, известно, служит знаком согласия.

Ельховский тем временем напялил искалеченную туфлю, поднялся, чихнул в последний раз и, тоскливо оглядев ребят, остановил признательный взгляд на Пантелееве.

Тот протянул новичку руку.

— Будем сламщиками, — сказал он. — Сламщиками у нас зовут друзей. Будем друзьями... идет?

Ельховский кивнул головой. Пантелеев протянул сламщику руку, тот крепко пожал ее.

Панька Ельховский родился в Смоленске.

Панькин отец, учитель начальной городской школы, принадлежал к числу тех людей, которых не любит начальство. Начальство не любит людей слишком глупых, слишком умных, замкнутых и свободомыслящих. Панькин отец был умный и свободомыслящий: он принадлежал к местному социалистическому кружку. За это он был отстранен от должности учителя, проще — выгнан. Он целиком отдал себя революционному делу, семья же голодала, дети росли... Отец искал работы, но не мог найти ее... Мать стирала в господских домах, мыла полы. Детство Паньки — нерадостное детство.

В 17-м году Панькиного отца убили на улице казаки. Панька жил с матерью, потом мать отдала его в приют; там он пробыл до 21-го года. Потом старший брат Паньки, краском, поехал в Питер в Военную Академию, а потом выписал и семью — мать, сестру и братишку Паньку. Панька пожил с месяц, не больше, дома и забузил, забузил отчаянно, так как был истериком. Брат попробовал воздействовать на него

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сам, — не помогло, — обратился в отдел народного образования. Панька попал в Шкиду.

Шкида его встретила недружелюбно, но потом, узнав поближе, полюбила крепко, крепче, чем кого-либо в Шкиде. Панька Ельховский был идеальным шкидцем. Он был парень добрый, необыкновенно отзывчивый, по-шкидскому честный, а главное любил бузить. Буза же была культом поклонения шкидцев...

На другой день после прихода Ельховского Шкида должна была совершить еженедельное паломничество в бани. Все четыре отделения выстроились в зале, устроили перекличку. Не хватало одного новичка. На его розыски был послан Алникпоп. Через минуту он вернулся и подойдя к Викниксору что-то сказал ему. Викниксор покраснел, сорвался с места и побежал в IV класс. Панька Ельховский сидел на новом своем месте, за партой Пантелеева и читал книгу. При входе Викниксора он даже не поднял головы. Викниксор мгновенье стоял ошеломленный, потом закричал:

— Встать!

Ельховский посмотрел на него, отложил книгу, но не встал.

— Встань, тебе говорят, — уже заревел завшколой.

— Чего вы кричите-то? — не повышая голоса, проговорил Панька и встал, держась руками за крышку парты.

— Почему ты не идешь наверх? — гневно спросил Викниксор, подходя к Панькиной парте. Тот, не двинувшись с места, ответил:

— А что мне там делать?

— Что делать? В баню итти, вот что. Все уже собрались, а ты тут прохлаждаешься. Не думай, что ты здесь можешь делать что хочешь... Пожалуйста, не рассуждай, а марш наверх.

— Ничего подобного, — ответил Панька и, сев за парту, углубился в чтение. Викниксор, как тигр, кинулся к нему и впился руками в плечи.

— Нет, ты пойдешь, скотина, — заревел он и вытащил Паньку из-за парты. Панька стал отбиваться. На шум сбежались воспитатели и ребята.

— Я тебе покажу... — кряхтел Викниксор и пытался вытолкать Паньку в коридор. Тот вырвался красный, взлохмаченый.

— Подлец! — заорал он, потом сморщил лицо и заплакал.

Викниксор, тоже красный и помятый, поднял голову и, отдуваясь, прошипел:

— Пятый разряд!

Потом вышел из класса.

Этот случай создал славу новичку. Никто не понимал, почему он отказался итти в баню и забузил, но это по шкидскому мнению и было верхом геройства: бузить ради бузы. С этого момента никто уже не думал обижать его, хотя обидеть его мог всякий. Был он мягкотел и лишь в редких, неизвестно чем вызванных случаях делался вспыльчив и груб; да и то лишь по отношению к начальству.

В те дни четвертое отделение увлекалось книгами Федора Сологуба. У Сологуба в одном романе выводится женоподобный мальчик Саша Пыльников. Японец указал товарищам на сходство Ельховского с этим типом. Паньку прозвали «Сашей Пыльниковым», взамен утвердившегося было прозвища «Чихун».

Впоследствии звали его еще и Недотыкомкой, Бэбэ, Почтелем, но обычно звали Сашкой. Многие даже не знали, что настоящее его имя — Павел.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«УЛИГАНШТАДТ».

Отступление с лингвистикой. — О гостинице на Дуврском шоссе. — Улигания. — Географическое положение. — Политический строй. — Диктатор гениальный. — Наркомбуза. — Мирная жизнь империи. — Война. — Мобилизация. — Волнения в колониях. — Летучий отряд. — Революция. — Амнистия. — СССР в Шкиде.

Слово «хулиган» происхождения английского. В старой Англии, — как говорит легенда, — в начале XIX века проживало семейство Хулигэн. Владели эти Хулигэны постоялым двором на Дуврском шоссе. На постоялом дворе останавливались лорды, графы, купцы с континента и просто заезжие люди. Легенда рассказывает страшную вещь: ни один человек, приютившийся под кровлей гостиницы Хулигэн, не вышел оттуда. Семейство Хулигэн заманивало гостей, грабило и убивало их.

И когда раскрылась страшная тайна постоялого двора, когда королевский суд, пропрев в горностаевых мантиях восемь суток подряд, вынес семье убийц смертный приговор, — имя Хулигэн стало нарицательным. Хулигэнами стали называть убийц, воров и поджигателей.

Попав в Россию, слово «ху̀лигэн» видоизменилось в «хулига́на».

А в Шкиде рыжая немка Эланлюм, обозлившись на бузил старшеклассников, кричала, по немецкой привычке проглатывая букву «Х»:

— Улиганы!

И стало в Шкиде прозвище «улиган» таким же местным и таким же почетным, как и «бузовик».

Племя улиган росло и ширилось и в конце концов превратилось в государство — Улиганию.

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://bookuraic.ru/

Столица Улигании — Улиганштадт, сиречь четвертое отделение. Улиганштадт — город большой, по сравнению с прочими. Улицы (проходы между парт) широкие и названия у них громкие: Бузовская, Волынянская, Улиганская... Главная же улица — Клептоманьевский проспект. На Клептоманьевском проспекте размещены дома (парты) всех городских и государственных деятелей. Там находится особняк диктатора и городского головы Улиганштадта — Купы Купича Гениального. Городской голова живет вместе с секретарем и адъютантом своим Виконтом де Буржелоном, в просторечии Джапаридзе. Министерства, штаб — все помещается на Клептоманьевском проспекте.

Остальные улицы менее шикарны. На них разместились рядовые граждане. В Японском квартале живет японский консул Ео-Нин и прочие японские граждане в лице новичка Нагасаки.

Основание Улиганштадта относится к временам не столь отдаленным. В Шкиде была буза. Бузили все, бузили с жаром, наказания сыпались на головы шкидцев, а они бузили. Четвертое отделение не выбиралось из пятого разряда. Японец однажды сказал...

— Бузить бесцельно не годится. Давайте организуемся и оснуем республику.

Мысль пришлась по вкусу.

Сразу же было организовано новое правительство.

Диктатором назначался могучий Купец — Офенбах. Полномочия его ограничивались советом народных комиссаров. Наркоматы были следующие: наркомвоенмор — Янкель, наркомпочтель — Пыльников и наркомбузы — Японец. Диктатор назначил начальником государственной милиции и главкомом колониальных войск Пантелеева. Улигания объявила младшие классы колониями и назвала их: третий класс — Кипчакией, второй — Волынией и первый — Бужландией.

В первый же день основания Улигании диктатор, он же городской голова столицы, созвал пленум совнаркома. «В его роскошном особняке, — как сообщала местная газета «Известия Улигании», — собрались все сиятельные лица города. Купа Купич торжественно объявил об открытии города и предложил наркомам довести до сведения граждан, что соблюдение порядка и муниципальных правил ложится на ответственность домовладельцев».

В тот же день дома украсились дощечками с номерами и названиями улиц. Общественная жизнь сразу же закипела в молодом государстве.

ОГУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

На второй день наркомбузы Японец, он же Буза Бузич Безобразников подал в Совнарком проект конституции:

КОНСТИТУЦИЯ
ВСЕСИЛЬНОЙ БУЗОВОЙ ИМПЕРИИ УЛИГАНИИ.

Состав Империи.

§ 1. В состав Империи входят четыре государства: Улигания, Волыния, Кипчакия и Бужландия.

§ 2. Государство Улигания является центральным, господствующим, объединяя периферии и давая им законы и управление.

§ 3. Управление Империей вручается диктатору, наделенному королевскими правами — его сиятельству Купе Купичу Гениальному. Помощь в управлении диктатору проводится Советом Комиссаров и всеми гражданами, назначенными в помощь диктатору им самим. Управление колониями вручается вице-губернаторам, назначенным центральной властью Империи— диктатором и Совнаркомом.

§ 4. Военными силами Империи (государственной милицией, военными частями и колониальными армиями) ведает нарком по военным и морским делам, командование же ими вручается Главштабу в лице главкома и начмила.

§ 5. Религия в Империи не преследуется. Правительство (Совнарком) должно быть клерикальным.

Культ поклонения Улигании — Буза. Вводится Народным Комиссариатом Бузы, комиссаром которого назначается потомственный почетный бузовик Буза Бузич Безобразников.

§ 6. Столица Улигании — Улиганштадт. В ней сосредоточиваются все органы управления Империи и центральная военная власть.

§ 7. Национальные права граждан Империи разделяются так: улигане, коренные жители Империи, обладают всеми правами, туземцы колониальных стран им подчинены.

§ 8. Гражданином Улиганштадта может быть всякий пробывший в нем не менее 48 часов.

§ 9. Все граждане Империи, улигане и жители колоний обязаны бороться с врагами Империи — халдеями. Оказывающий содействие халдеям объявляется изменником и преследуется органами милиции для предания суду диктатора империи.

§ 10. Так же караются законом все выступления и начинания, направленные к свержению или подрыву существующего в Империи строя.

Конституция была принята Совнаркомом и утверждена диктатором. Находившаяся в ведении наркомвоенмора и в то же время книгоиздателя Янкеля газета «Известия Улигании» поместила конституцию на первой полосе. В этом же номере «Известий» был помещен «Национальный Гимн» Улигании, утвержденный властями. Его пели на мотив «Гаудеамуса»:

Улиганштадт, Улиган,
Смерть несешь ты для полян.

Разойдитесь вы, халдеи,
Дайте путь нам поскорее,
Улигания идет.

———

Мы Империи сыны,
Дети Купы — сатаны,
Правит нами мудро он,
Он — второй Наполеон,
Он — глава Улиганштадта.

———

Мы возьмем врагов за хвост,
Станем править Школимдост, [1]
Завоюем все колоньи
И халдеев Вавилоньи
Всех сожмем мы в свой кулак.

Городской голова созвал общее собрание граждан города Улиганштадта и там сказал речь, — простую, но трогательную:

— Ребята, то-есть — граждане. Вот я диктатор и городская голова, говорю вам... Мы, четвертое отделение, то-есть, виноват, Улигания... мы должны все силы свои положить на то, чтобы сделать свой кл... город неприступным для халдеев и прочих врагов. И в то же время сделать его благоустроенным. Приложим свои силы на это благоустройство, мы, власти, будем вам горячо благодарны... Ей богу!..

Эта речь была целиком приведена в «Известиях», только последнее выражение «Ей-богу» было заменено «Ей-бузе».

Речь возымела свое действие, призыв к благоустройству города нашел живой отклик в сердцах как рядовых граждан, так и государственных чиновников. Всем участкам земли, строениям и окружающим местностям были присвоены названия....

Выложенная белым кафелем печка была объявлена «Храмом Бузы». Две классных двери были переименованы в арки — одна в «Арку Викниксора I», другая в «Арку Эланлюм». Городской сад (плевательница) был назван «Алникпопией». Это показывает, что при всей ненависти улиган к халдеям они сохранили уважение к выдающимся лицам этого вражеского государства.

В пустом книжном шкафу сосредоточились городская больница, аптека и военный госпиталь. Заведывать этими учреждениями взялся Воробей, поэтому больница и аптека были названы его именем. Другой пустующий шкаф с железной сеткой вместо стекол сделался государственной тюрьмой.

---

[1] Школой имени Достоевского.

Из других учреждений следует отметить Певческую капеллу им. Кобчика - Финкельштейна и Народный Университет Бузы.

К крану водопровода, неизвестно для каких целей проведенного в класс, начальник милиции Пантелеев приделал плакатик с надписью

КАНАЛОЛИЗАЦИЯ.

Это значило — канализация. Управление канализацией не знали кому вручить и вручили Пылыникову — наркомпочтелю.

Жизнь Улигании шла своим чередом, мирная жизнь свободной страны... На классных уроках выражали ярый протест халдеям, устраивали обструкции, получали пятые разряды и изоляторы, а империя цвела.

Однажды «Известия» подняли кампанию за устройство памятника Бузе.

«Стыдно подумать, — говорила газета, — что столица такой могущественной империи, как Улигания, не имеет ни одного памятника. У нас нет даже своего герба».

Эта статья больно уколола наркомбуза Безобразникова. На другой же день в редакцию газеты им были представлены проекты герба и памятника. Рисунок герба изображал выбитое стекло, из которого просовывается толстенный кулак. Под гербом стояла надпись: «In Busa veritas» — «Истина в Бузе». Проект памятника изображал постамент, испещренный лозунгами и мыслями гениальных людей империи. На постаменте стоял громадный кулак.

Проекты пришлись по вкусу властям, герб был утвержден и объявлен государственным, постройку памятника поручили художникам Янкелю, Воробью и Горбушке. Делали они его из бумаги, картона и глины, делали два дня...

На третий день состоялось торжественное открытие памятника. Вот как описывает этот факт имперская пресса в лице «Известий»:

«На площади Бузы собралось все населения города, все жители собрались, чтобы отпраздновать этот торжественный момент в истории империи. Памятник Великой Бузы стоял среди площади, покрытый холстом, около него стоял почетный караул из представителей высшей военной власти,— г.г. Наркомвоенмора Янкеля и Начмила Л. Пантелеева, облаченных в парадную форму. В 6 ч. 27 м. на площадь прибыли его сиятельство диктатор империи Купа Купич Гениальный. Его несли на носилках два раба из

племени бужан. В свите его сиятельства, прибывшей вместе с ним, находились виконт де Буржелон и г. Б. Безобразников. В 7 час. 30 мин. по городскому времени, под салют, проведенный местным миллионером г. Башкломом, холст с памятника был сорван, и взорам присутствующих представилось прекрасное зрелище. На кубическом пьедестале высился огромный кулак, — символ мощи империи, кулак, так похожий на кулак его сиятельства. Толпы народа кричали «виват» и под дружное пение имперского гимна расходились с площади. Вечером в особняке е. с. Гениального был устроен банкет и концерт с участием капеллы им. Кобчика».

Улигания процветала. Улиганштадт достиг верхов благоустройства и хозяйственного богатства. Муниципалитет готовился к постройке городского театра, когда страшный удар поразил империю.

Улигании была объявлена война и объявил ее не кто другой как президент могущественной республики, Халдейской республики Шкид — Викниксор.

Объявление войны произошло в несколько странной форме. В Улиганштадт вошла секретарша и супруга президента вражеской республики — Эланлюм и заявила:

— Кончайте эту волынку. Побузили и хватит.

Конечно, это не означало объявления войны. Это заявление просто указывало, что империя должна сдаться, рассыпаться, погаснуть... Это было хуже войны. Сдаться без боя, умереть, не испробовав вражского пороха, не лучше, чем погибнуть в борьбе. Улигания приняла вызов и объявила:

— Война до победного конца!

Город украсился национальными флагами (на черном фоне белый кулак), «Известия» протрубили страшную новость.

Был созван экстренный пленум совнаркома, на котором выступили с горячим призывом к борьбе диктатор и наркомбуз. Решили объявить мобилизацию. В тот же день на улицах города появились листовки — приказы:

ПРИКАЗ № 1.

Народного Комиссара Военных и Морских Дел.

Наркомвоенмор сообщает гражданам Империи, что всесильной Империи Улигании объявлена война халдеями.

Улигания должна с честью выйти из этой войны.

Вперед за правое дело Великой Бузы!

В Бузе обретешь ты право свое!

Да здравствует Улиганская Империя!

Наркомвоенмор *Г. Янкель.*

ПРИКАЗ № 1.

От Начальника Имперской Милиции и Гланкома колониальных войск.

Главное Управление военными силами Империи в лице Начмила и Главкома, в виду объявления войны, объявляет мобилизацию. Призыву на военную службу подлежат все граждане Улигании, как города Улиганштадта, так и городов: Кипчакославля, Волынграда и Бужебурга. Явка для регистрации — в Улиганштадте — Главный Штаб, в колониальных городах — штаб туземной армии, управляемой имперским наместником.

За неявку к призыву виновные будут подвергаться военно-полевому суду.

Начмил и Главкомколвойск — *Пантелеев.*

ПРИКАЗ № 2.

ПО ГОР. УЛИГАНШТАДТУ.

От Начмила и городского магистрата.

Город Улиганштадт объявляется на военном положении. Вход и выход из города допускается лишь по получении пропуска в магистрате у городского головы.

Городской голова — *К. Гениальный.*

Начмил — *Л. Пантелеев.*

Мобилизация в Улиганштадте прошла организованно и без эксцессов. В Главный Штаб явились 12 человек. Все они были зачислены в списки армии и получили «форму», — картонный значок с гербом империи и бумажный кивер с кокардой, которые изготовлялись на приспособленном для производства военного снаряжения газовом заводе миллионера Башклома.

«Известия», находившиеся на содержании у правительства, дали неверный отчет о ходе мобилизации, превратив 12 человек в 12.000.

В Улиганштадте мобилизация прошла спокойно, зато в колониях провести призыв было не так легко. Наркомвоенмор Янкель имел секретное совещание с главковерхом Пантелеевым, на котором было решено назначить наместников колониальных государств. Составили список: от Кипчакии — «Курочка», от Волыни — «Баран» и от Бужландии — «Калина». Список передали диктатору, тот утвердил. Через наркомпочтель послали телеграммы с вызовом наместников. Наместники прибыли в Улиганштадт одновременно. Диктатор встретил их ласково, устроил угощение из чая с сахарином и черным хлебом и уполномочил их провести мобилизацию и агитировать за военную кампанию на своей родине.

Наместники уехали.

© ЦГБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Через некоторое время от них получилось сообщение, что мобилизацию удалось провести всего на 50 процентов.

«В Кипчакии положение с призывом ужасное, — писал наместник Курочка, — мобилизуемые дезертируют из частей или же просто не являются на призыв. Из собранных 23 человек только 10 являются надежными на случай сражения с врагом».

От наместника Барана поступила телеграмма такого же рода:

«Положение аховое. Дезертируют почти все призывники. Замечена провокационная работа халдеев».

От Бужландии же наместник писал:

«Прошу меня не считать наместником. Избит».

Такие сообщения мало могли порадовать Улиганию. Но улигане не знали о положении дела в колониях, — «Известия» молчали по тайному приказу Совнаркома. Поэтому в Улигании царил бодрый, патриотический дух.

Однажды, когда улиганская армия собралась на площади Бузы для прохождения обычной воинской подготовки, туда прибыл наркомвоенмор.

— Друзья, — сказал он, — требуется сформировать отряд для подавления бунта в колониях. Кто пойдет?

Это сообщение ударило как гром, но тем не менее лес рук поднялся. Наркомвоенмор был растроган.

— Не так много, — сказал он, — пяти человек вполне достаточно.

Пять человек получили название Летучего Отряда и были под управлением самого главкома Пантелеева отправлены в Бужландию.

Отряд вышел из города вооруженный острыми, сточенными стеклом, палками. Вместе с отрядом в Бужландию отправился корреспондент «Известий» наркомпочтель Пыльников. Через полчаса после ухода Летучего Отряда в редакцию газеты поступило сообщение, что отряд разбит, но тем не менее удалось запугать бужан и заставить их не выступать на стороне халдеев, в случае разгара войны. Вскоре вернулся и сам отряд. У двоих были разбиты носы, у Пантелеева разорвана рубаха и сорван главкомский значок.

В Совнаркоме состоялось совещание. Постановили наградить всех участников сражения орденами Бузы, а Пантелеева представить в кавалеры «Ордена Имперской Мощи» и произвести в генералы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Тем временем в Кипчакии дело шло на свой лад. Диктатор Улигании и совнарком не знали, что назначенный ими наместник Курочка — изменник. Там, в Кипчакии, готовился бунт.

В Улиганштадт вошел Алникпоп.

— По местам... Начинается урок.

— К чо-орту!..

— Начнем сражение, — сказал диктатор секретарю де Буржелону, тот передал приказание в совнарком. Оттуда был спешно послан курьер в колонии с приказом выступать туземным армиям.

В свою очередь, начмил собрал гарнизон. Летучий Отряд во главе с Пантелеевым подошел к Алникпопу.

— Вы арестованы, — заявил Пантелеев, положив руку на плечо халдея.

— Что-о? — заревел Алникпоп.

— Вы арестованы, как халдей, представитель вражеской страны.

Алникпоп попытался выбежать из класса, но отряд окружил его.

В это время за аркой Викниксора I, переименованной в «Арку Войны», показался отряд кипчаков, предводительствуемый Курочкой.

— Марш назад! — закричал Алникпоп.

Отряд из 20 человек молча прошел в Улиганштадт и выстроился на площади Бузы.

— Смирно, — скомандовал Курочка. Затем в сопровождении одного солдата он прошел во дворец диктатора.

— Имею честь вас арестовать, — заявил он Гениальному.

Тот выпучил глаза:

— Как?..

— Вы арестованы!

Могучего быкообразного Купца выволокли на площадь. Там собралось все население города. Курочка вышел на середину площади, взобрался на памятник Бузе, сделанный из двух табуретов, и сказал:

— От имени всей республики Шкид объявляю государственный переворот в империи Улигании. Довольно страна находилась под игом диктатора. Объявляю свободную Советскую Республику.

Улиганская армия пыталась сопротивляться, — несколько солдат бросалось на Курочку, но кипчакский отряд моментально навел спокойствие в городе. Это показало, что,

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.kraic.ru/

как армия, как физическая сила, Кипчакия была авторитетнее Улигании.

Переворот произошел. Алникпопа отпустили. Все государственные деятели Улигании были арестованы и сидели в государственной тюрьме. Тем временем создавалось новое правительство. Был основан первый совет народных депутатов, на заседании которого была официально провозглашена Улиганская Свободная Советская Республика. Конституция, пущенная целиком в новой газете «Свободная Улигания», объявляла, что отныне все государства являются самостоятельными и отделяются от бывшей империи. В вышедшем в тот же день втором номере «Свободной Улигании» от имени совета объявлялась амнистия всем заключенным имперцам.

Большинство рядовых граждан Улиганштадта признало новую власть.

Памятник Бузе был снят, как не выражавший идеи Бузы.

Затем кипчакская армия оставила город. Улигании было предоставлено право самоопределения.

Уроков, конечно, в этот день не было. Халдеи, напуганные рассказом Алникпопа, боялись заглянуть в IV отделение.

За вечерним чаем Викниксор, мило улыбаясь, заявил:

— Ребята, я слыхал, что вы играете в гражданскую войну. Я знаю, что это интересная игра, на ней вы учитесь общественной жизни, это пойдет впрок, когда вы окажетесь за стенами школы. Но все же в конце концов увлекаться этим нельзя. Надо учиться. У вас, как я знаю, произошла социальная революция. Поздравляю и предлагаю вам объединиться вместе с «халдеями» в один союз, в Союз Советских Республик. Согласны? Кроме того, в честь такого события, объявляю амнистию всем пяторазрядникам.

Громкое «ура» встретило слова Викниксора.

На этом кончилась буза, великая шкидская буза...

Шкида снова перешла с военного положения на мирное... Снова в классах Алникпоп читал русскую историю, Эланлюм немецкий язык и два раза в неделю Костец, постукивая палочкой, кричал:

— На гимнастику, — живо!

ЛОТЕРЕЯ АЛЛЕГРИ.

Асси в классе.—Скука.—Карамзин в очко.—Эврика!—Идея Джапаридзе. — Лотерея аллегри. — В отпуск. — Шкида моется. — «Оне механизмус».—Тираж.—Печальный конец.—Казначей-растратчик.—Игорная горячка.—Довольно!

Капли осеннего дождя бьют по стеклу окон — туб-туб-туб-туб.

Три часа дня, а в классе полуватные лампочки борются с сумерками.

Лекция русского языка. Читает Асси.

Асси — халдей: голова въехала в плечи, он в ватном промасленном пальто... Карманы пальто взбухли... По слухам, в карманах кусочки хлеба, которые Асси собирает на ужин. Голос Асси звучит глухо, неслышно:

— Карамзин... Сентиментализм... Романтизм...

Улигане сидят по партам, но никто не слушает Асси. Японец фальшиво поет:

Асси в классе,
А в классе бузаси,
В классе бузаси,
Бедненький Асси.

Кальмот, взгромоздившись с ногами на парту, бубнит:

— Кальмот виндивот виндивампампот, захотел виндивел виндивампампел, хлебца виндивебца виндивампампебца.

В углу Барин и Пантелеев.

— Бей!

— Семь... Дама. Казна!

— Девки!

— Мечи!

Дуются в очко.

Никто не слушает Асси.

Скука...

Голос Асси, как из могилы:

— Бедная Лиза... Вкусы господствующего класса... Эпоха...

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uspic.ru/

Голос Асси заикающийся и глухой.
Скука!..

Асси в классе.
А в классе бузаси.
В классе бузаси.
Бедненький Асси.

Купец сгреб в охапку Жвачного Адмирала.
— Замесить колобок?
Ладонь проезжает по треугольной голове Адмирала, ершит и без того взъерошенные волосы...
— Скушно!
— Бедная Лиза... Начало девятнадцатого века... Пантеон словесности... Бедная Лиза...

Асси в классе,
А в классе бузаси.
В классе бузаси.
Бедненький Асси.

— Воробей Видивей виндивампампей, дурак виндивак виндивампампак...
— Бей!
— Картинка... Лафа!
— Ну?
— Очко!..
— Мечи!
— Замесить колобок?

Центральная городская библиотека имени В. Г. Белинского

Асси в классе
А в классе..

Скука, тоска.
И вдруг голос Джапаридзе:
— Придумал! Ура!

... бузаси.

Упала на пол пиковая десятка, ладонь Офенбаха застыла в центре адмиральского треугольника... И голос Асси стал громким и слышным:
— С тысяча семьсот семьдесят четвертого года Николай Михайлович Карамзин начал издавать «Московский Журнал», в котором помещал свои «Письма русского путешественника». С тысяча семьсот девяносто пятого года Николай Михайлович...
— Идея! — закричал спять Джапаридзе.
Тридцать глаз обернулось в его сторону.
— Что?
— Какая?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ulgic.ru/

— Говори.

Джапаридзе ставит ребром вопрос:

— Скучно?

Полтора десятка глоток:

— Скучно.

Обросший бородавками палец Джапаридзе поднимается вверх.

— Лотерея аллегри.

И снова голос Асси уходит в могилу.

— С 1803 года — да... Государства Российского-го... Императорский историограф-раф...

Класс уподобился муравейнику, в котором муравьи заменены резвыми жеребятами.

Японец фальшиво поет; унылая песня его переходит на бешеный темп:

Асси в классе,
А в классе бузаси.
В классе бузаси.
В классе бузаси.
Асси!
Асси!
Асси!..

Класс взбесился. Скуки нет — какая скука, если в каждой голове клокочет мысль:

— Лотерея-аллегри!

Долой скуку. Не надо карт, колобков и фальшивого тенора Япошки.

— Даешь лотерею-аллегри!

. . . . . .

В дверь класса просовывается рука с колокольчиком. Рука делает ровные движения: вверх-вниз, вверх-вниз, — колокольчик дребезжит некрасивым, но приятным для слуха звоном...

Асси захлопывает томик истории словесности Солодовникова, голова уходит в плечи, руки тонут в разбухших карманах, и Асси, незаметно в общем шуме, выходит из класса.

И сразу же у парты Джапаридзе оказываются Янкель, Пантелеев и Японец...

— Даешь?

— Даешь!

Генеральный совет заседает:

— Ты, я, он и он... — Компания. Идет?

— Идет.

— Лотерея-аллегри. Черти! И не додумался никто!

Сайт им. В. Г. Белинского
http://bookuraic.ru/

— Прекрасно.
— Лафузовски.
— Симпатично.
— А вещи?
— Какие? Ах, да... Наберем, — кто что может...
Янкель:
— Я в отпуск пойду, принесу прорву.
— И я, — говорит Пантелеев.
Японец, захваченный идеей, решается на подвиг, на жертву.
— Все. Бумагу сто двадцать листов, карандаши... Все для лотереи аллегри.
Джапаридзе — автор идеи кусает губы... Он в пятом разряде и в отпуск итти не может.
— Я дам, что смогу, — говорит он.
Завтра суббота — отпуск. Сегодня день самый скучный в неделе, но скуки нет, — класс захвачен идеей, которая быть может на долгое время заполнит часы досуга Улигании. И Джапаридзе, гордо расхаживая по классу, поднимая вверх толстый, обросший бородавками палец, говорит:
— Я!

В году — 365 дней, 52 недели.
Каждый день каждой недели в Шкиде звонят звонки. Они звонят утром — будят республику, звонят к чаю, к урокам, ко сну...
Но лучший звонок, самый приятный для уха шкидца, — это звонок в субботу по окончании уроков. Кроме конца уроков, он объявляет:
— Отпуск.
Обычно, кончились уроки — все остаются по классам, на местах; сейчас же Шкида напоминает сумасшедший дом и притом — буйное отделение.
В классе IV отделения кутерьма.
— Мыть полы, — кричит Воробей, староста класса.
И эхом откликается:
— Мыть полы.
— Полы мыть. Кто?
В руках у Воробья алфавитный список класса.
— Один с начала, один с конца: Ерофеев, Черных, Еонин и Офенбах.
— Не согласен.
— Буза!
Скульба, пререкания, раздоры...

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Пантелеев, Янкель и Купец не имеют желания мыть полы— им в отпуск... Купец тотчас же «откупается», т.-е. находит себе заместителя.

— Кубышка!..

Пухленький Кубышка — Молотов вырастает как из-под земли.

— Моешь полы?

— Сколько?

— Четверка.

— На псул!

— А сколько?

— Фунт.

Отдать фунт хлеба за мытье пола Купцу не улыбается, но желание поскорее попасть в отпуск побеждает:

— Идет. Чорт с тобой...

Купец за фунт хлеба желает получить максимум удовольствия. Здоровенный щелчок по лбу Кубышки:

— Получи в придачу.

Янкель и Пантелеев бесятся.

— Да как же это... Ведь в отпуск... А лотерея-аллегри?

Джапаридзе—председатель лотерейной компании решается.

— Чорт с вами... Хряйте... Мы с Японцем осилим. Верно?

— Верно!

Лица Пантелеева и Янкеля расцветают.

— Лафа!

По лестнице наверх. В спальне забирают одеяла, постельное белье — и в гардеробную. У гардеробной хвост. Шкидцы, идущие в отпуск, пришли сдать казенное белье и получить пальто и шапки.

— В очередь, сволочи. Куда прете?

— Пошел ты...

Физическая сила и авторитет старшеклассников берут верх, — улиганштадтцы без очереди входят в гардеробную. Там властвуют Лимкор и Горбушка — «гардеробный староста».

— Прими, Горбушенция.

Горбушка преисполнен достоинства.

— Подожди.

Белье сдано, получены пальто и ситцевые, похожие на красноармейские шлемы, шапки.

— В халдейскую!

В канцелярии Алникпоп — дежурный «халдей», взгромоздив на нос пенснэ, важно восседает на инвалидном венском стуле.

— Дядя Саша — в отпуск идем. Напишите билеты.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Халдей внимательно просматривает «Летопись». Янкель и Пантелеев во втором разряде, — пользуются правом отпуска. Он достает из стола бланк и пишет:

«Сим удостоверяется, что воспитанник IV отд. школы СИВ им. Достоевского — отпущен в отпуск до понедельника «20» октября сего года».

Формальности окончены, долг гражданина республики исполнен.

— Дежурный, — ключ! — и на улицу.

А Шкида начинает мыться.

Хитроумный Кубышка получил фунт хлеба, а полов не моет. Он поймал первоклассника Кузю.

— Вымой пол.

— Что дашь?

— Хлеба дам.

— Сколько?

— Четверку.

Молчаливый кивок Кузи завершает сделку. Кубышка идет в класс усаживается за Янкелеву парту и вынимает из нее недоступные обычно выпуски «Нат Пинкертона» и «Антона Кречета». Он заработал $^3/_4$ фунта хлеба и может отдохнуть.

Японец и Дзе, не обладая излишком хлеба, принуждены честно выполнить геройски принятую обязанность.

Идут на кухню. Ведра и тряпки предусмотрительно расхватаны, приходится ждать, пока кто-нибудь кончит мытье.

Получив, наконец, ведра и наполнив их крутым кипятком, товарищи поднимаются наверх.

Там Аннушка, старшая уборщица, командует и распределяет участки для мытья.

— Вымойте Белый зал, — говорит она.

Еонин и Джапаридзе спускаются вниз и проходят Белый зал.

Зал большой, — страшно браться за него. По положению надо мыть тщательно, промывать два раза и вытирать паркетные плиты насухо, чтобы не было блеска.

Но улигане, оставшись вдвоем, решают дело иначе.

— Начинай.

Японец берет ведро, нагибает его и бежит по залу. Вода разливается ровными полосками. За Японцем на четвереньках бежит Дзе и растирает воду. Через пять минут паркетный пол темнеет и принимает вид вымытого.

— Готово.

Товарищи усаживаются к окну, Джапаридзе закуривает и, затягиваясь, осторожно пускает дым по стене.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Просидев срок, который нужен для хорошего мытья, идут в канцелярию.

— Дядя Саша, примите зал.

Сашкец идет в зал, близоруко, мельком осматривает пол и возвращается в «халдейскую».

Японец и Дзе идут в класс, растапливают печку и, греясь у яркого огня, болтают о лотерее-аллегри и ждут понедельника.

В сумраке октябрьского утра Ленька Пантелеев бежал из отпуска в Шкиду. Обутые в рваные «американские» ботинки ноги захлебывались грязью, хлюпали по лужам, стучали на неровных плитах тротуаров.

На улицах закипала дневная жизнь, открывались витрины магазинов, и из лавок «Продукты питания» вырывался на улицу запах теплого ситного, кофе и еще чего-то неуловимого, вкусного.

Ленька бежал по улице, боясь опоздать в Шкиду. У Покровки в витрине ювелирного магазина попались часы. Ленька взглянул и похолодел. Пять минут одиннадцатого, а в Шкиду надо поспеть к первому уроку, к десяти.

Он прибавил хода и крепче сжал объемистый узел, наполненный вещами, предназначенными для лотереи-аллегри.

Были в нем: «Пошехонская старина», Салтыкова, ржавые коньки, гипсовый бюст Льва Толстого, ломаный будильник, зажигалка и масса безделушек, которые Ленька частью выпросил, частью тиснул у сестренки.

— Начались уроки? — спросил Пантелеев, когда ему, запыхавшемуся и усталому, кухонный староста Цыган открыл дверь.

— Начались, — ответил Цыган.

— Давно?

— С полчаса.

«Влип, — подумал Пантелеев. — Какой еще урок, неизвестно... Если Сашкец или Витя, то гибель, — пятый разряд!»

Боясь попасться на глаза Викниксору или Эланлюм, он крадучись пробрался к классу, прильнул ухом к замочной скважине и прислушался. Сердце его радостно запрыгало. Через дверную щель глухо доносились отрывистые реплики:

— Карамзин... 1803 год... Наталья боярская дочь...

Ленька приоткрыл дверь и спросил.

— Можно?

— Пожалуйста, — ответил Асси. — Войдите.

Он был единственный халдей, который называл шкидцев на вы. Ленька вошел в класс. При виде его, несущего узел, класс загромыхал.

— Ай да налетчик!

— Браво!

— Ура!

Ленька прошел к своей парте, уселся, отдышался и стал развязывать узел. Тотчас же к нему подсел Японец и Джапаридзе.

— Ну, показывай.

Пантелеев выложил на скамейку парты принесенные вещи.

— А Янкель пришел? — спросил он.

— Нет еще, — ответил Японец, перелистывая «Пошехонскую старину».

Парту Пантелеева обступили Воробей, Горбушка и Кальмот.

— Ну, хряйте, хряйте, — прогнал их Ленька, — нечего глазеть. Тут профессиональная тайна.

Любопытные отошли. Ленька сложил вещи в ящик парты, отложив отдельно принесенные продукты: хлеб, сахар, кусок пирога и осьмушку махорки.

В это время в класс раскрасневшийся и вспотевший ворвался Янкель. В руках он нес огромный перевязанный бечевкой пакет. Улигания встретила его еще более громким «ура».

Янкель бросился на свою парту и, отдуваясь, протянул:

— Фу ты, я то думал у нас Гусь Лапчатый, а тут...

Асси, на минуту притихший, бубнил, спрятав голову в плечи:

— Карамзин — выразитель эпохи... Разбирая его произведения в хронологическом порядке, мы...

Затрещал звонок, Асси, не докончив фразы, поднялся и выкатился из классной.

— Компания, сюда! — закричал Японец.

Четверка собралась у Пантелеевской парты. Янкель притащил свой пакет и, развернув его, выложил десятка два разных книг, уйму вставочек, статуэток, палитру красок и комплект «Нивы» за 1909 г. Притащил свои вещи к Пантелеевской парте и Японец. Дал он 120 листов писчей бумаги, которую копил в течение целого года, и дюжину фаберовских карандашей.

Джапаридзе снял и отдал «обмотки». Носить обмотки в Шкиде считалось верхом изящества и франтовства, взнос Джапаридзе поэтому был очень ценен.

Когда все вещи были собраны, Янкель предложил:

— Приступим к технической части. Надо составить каталог.

Стали составлять список вещей. Первым номером записали коньки:

1) Первосортные беговые коньки «Джексон».

Вторым записали обмотки Дзе:

2) Прекрасные суконные обмотки, последнего лондонского образца.

Третьим пошел трехсантиметровый бюст Толстого «почти в натуральную величину»...

Дальше оценка вещей стала затруднительна.

Вынули будильник. Будильник оказался лишь пустой жестяной коробкой с циферблатом, но без механизма.

— Идея, — сказал Японец. — Пиши: «Изящные часы-будильник «ohne Mechanismus».

— Это что значит? — спросил Дзе. — Уж больно звучно.

— Это значит, что часы без механизма... А ребята не поймут, — подумают, что фирма «Оне механизмус».

Потом записали «Полный комплект журнала «Нива» за 1909 год в роскошном коленкоровом переплете», ломаный десертный ножик под громким названием «Дамский кинжал вороненой стали», зажигалку и «Пошехонскую старину».

Затем стали записывать мелочь, — статуэтки, карандаши, вставочки.

Под конец пустили бумагу:

51) Прекрасная веленевая бумага 5 л.
52) » » » »
53) » » » »

Всего набралось 70 номеров.

— Почем же будем продавать билеты? — спросил Пантелеев.

— Я думаю — две порции песку или полфунта хлеба или пять копеек золотом, — сказал Японец.

Янкель подсчитал в уме и заявил:

— Невыгодно... Три рубля пятьдесят копеек золотом всего получается... Не окупит дела. Одни коньки два рубля стоят.

— Пустых ведь не будем делать, — сказал Дзе.

— Нет, пустых не надо.

Решили устроить маленькую перетасовку. Вместо «5 листов бумаги» переделали «2 л.» Получилось сто тридцать номеров.

Составив каталог, начали изготовлять билеты. Янкель сделал образец:

БИЛЕТ
№ 1.
НА ПРАВО УЧАСТИЯ В РОЗЫГРЫШЕ
ЛОТЕРЕИ — АЛЛЕГРИ.
Казначей:

Собрание В.Г. Белякова http://book.uraic.ru/

При помощи Пантелеева и Дзе Янкель стал отпечатывать их 130 штук.

— А кто у нас будет казначеем? — спросил Пантелеев.— Я думаю — Янкель...

— К чорту! — заявил Японец. — Лучше Дзе.

Согласились на Дзе. Новоиспеченный казначей принялся подписывать билеты.

До вечера работали,—писали билеты, наклеивали номерки к вещам и, отгородив кафедрой угол класса, расставляли вещи по полкам пустующего книжного шкафа.

А утром во вторник улигане, явившись после чаю в класс, узрели на остове кафедры огромный плакат:

ВНИМАНИЕ!!!

КАЖДЫЙ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

ШКИДЕЦ

МОЖЕТ ВЫИГРАТЬ:

КОНЬКИ «ДЖЕКСОН».

СУКОННЫЕ ОБМОТКИ.

БУДИЛЬНИК «ohne Mechanismus»

и

массу других полезных и дорогих вещей, если он приобретет БИЛЕТ на право участия в

ЛОТЕРЕЕ-АЛЛЕГРИ.

Билет стоит: { 2 песка. / ½ ф. хлеба. / 5 коп. золотом.

Билеты продаются у казначея Тиражной Комиссии Г. ДЖАПАРИДЗЕ.

ТАМ ЖЕ ПОЛНЫЙ СПИСОК ВЕЩЕЙ.

Тиражная Комиссня:

Еонин, Ерофеев, Джапаридзе и Черных.

У плаката собралась огромная толпа. Весть о лотерее облетела всю республику. Сашкецу, пришедшему в IV отделение читать лекцию, с трудом удалось разогнать орду кипчаков, волынян и бужан.

На уроках царило возбуждение, и даже Викниксору, читавшему у улиган древнюю историю, трудно было подчинить

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дисциплине возбужденную массу. После звонка Викниксор полюбопытствовал, чем взбудоражен класс. Кто-то молча указал на кафедру, кричащую плакатом.

Викниксор, читая плакат, улыбался; прочитав, нахмурился.

— Надо было у меня разрешение взять, а потом уж объявление вешать, — сказал он.

Выскочил Янкель.

— Извините, Виктор Николаич... Не подумали...

— Ну, ладно, — добродушно улыбнулся завшколой,— бог с вами... Развлекитесь.

Потом, подумав, вынул из кармана портмоне и сказал:

— Дайте-ка мне на счастье парочку билетов.

Класс дружно загромыхал аплодисментами. Джапаридзе вручил Викниксору два первых билета.

После уроков класс снова заполнился шкидцами. Приходили уже с продуктами: хлебом, сахарным песком, а кто и деньгами, принесенными из дома. Большинство покупало по одному-два билета, некоторые платили по соглашению с «комиссией» сахарином, папиросами или чем другим; кухонный староста Громоносцев, обладавший хлебными излишками, ухлопал 10 фунтов хлеба, купив 20 билетов.

— Коньки выиграть хочу, — заявил он. — И обмотки выиграю.

Пришедшего после обеда Асси насильно заставили купить пять билетов. К вечеру было продано 102 билета. Парта Джапаридзе разбухла от скопившихся в ней, на ней и под ней хлеба, и сахарного песку. Кроме того, в кармане у Дзе похрустывало «лимонов» 40 денег.

На другой день вечером в Белом зале устроили тираж.

В Белом зале собралась вся Шкида.

Посреди зала стоял стол, уложенный разыгрываемыми вещами, рядом другой стол и на нем ящик с свернутыми в трубочки номерами. Шкида облепила столы и стоявшую около них «тиражную комиссию».

— В очередь, — закричал Японец.

Шкида вытянулась в очередь. Первым встал Викниксор, за ним халдеи, потом воспитанники.

— Тираж лотереи аллегри считаем открытым,—объявил Джапаридзе.

Викниксор, улыбаясь, засунул руку в ящик и вынул два билета. Развернули, оказались номера 6 и 69.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Джапаридзе посмотрел в список:

— Дамский кинжал вороненой стали и два листа бумаги.

Бумагу Викниксор взял, от «кинжала» же отказался, как только взглянул на него.

Потом вынимал билет Сашкец. Вытянул он два листа бумаги. Асси вытянул четыре порции бумаги и книгу «Как разводить опенки в сухой местности». Косталмеду достался карандаш, которым он тотчас же записал расшалившегося в торжественный момент тиража второклассника Рабиндина, носившего прозвище «Рабиндранат-Тагор».

Потом стали вытягивать билеты воспитанники.

Купец, мечтавший выиграть обмотки, вытянул будильник «оне механизмус». В первый момент он, было, обрадовался... Но получив в руки часы и осмотрев их, он пришел в неописуемое негодование.

— Убью! — закричал он. — Сволочи... Аферисты, жулики, мошенники...

Тираж на время приостановился. Тиражная комиссия, сгрудившись у стены, мелко дрожала, как в лихорадке. Накричавшись, Купец с остервенением бросил «оне механизмус» на пол и вышел из зала.

Тираж возобновился.

Коньки выиграл Якушка, самый крохотный гражданин республики. Обмотки достались Голому барину.

Тираж подходил к концу, когда в зал ворвался Цыган. Как староста, он был занят на кухне и только-что освободился.

— Даешь коньки! — закричал он.

— Уже готовы, — ответил кто-то.

— Как то-есть готовы?

— Выиграны.

— А обмотки?

— Выиграны.

— А... сволочи!.. — закричал Цыган и подскочил к столу с намерением вытащить 20 билетов.

Но билетов в ящике оказалось лишь 12 штук, — восемь штук загадочным образом исчезли.

И все доставшиеся Цыгану билеты оказались барахлом, — десять — бумага, один — книжка «Кузьма Крючков» и один — безделушка — слон с отбитым хоботом.

— Сволочи, — закричал Цыган. — Сволочи, мерзавцы... Жульничать вздумали... Аферу провели... Хлеб у людей ограбили...

Он схватил стол, с силой кинул его на пол и бросился к тиражной комиссии. Комиссия рассыпалась, лишь один

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

Янкель, не успевший убежать, прижался к стене. Громоносцев кинулся на него и так избил, что Янкель два часа после этого ходил с завязанной щекой и вспухшими глазами. Но только два часа.

Через два часа Янкель уже ходил веселый и бодрый. В Янкелевой голове назревала блестящая, по его мнению, мысль. Он решил возместить убытки, понесенные им от Цыгана. Для этой цели он о чем-то долго шептался с Джапаридзе.

Японец и Пантелеев убирали зал, убрав, пошли в класс. Первое, что поразило их при входе, это лицо Джапаридзе. Было оно бледно и искажено.

— Что такое, говори, — закричал Японец, почувствовав беду.

— Хлеб, — прошептал Дзе, — хлеб, сахар... все...

— Что?

— Похитили... украли...

— Как... Дочиста?

— Нет... вот кальмот, — Джапаридзе вынул из парты горбушку хлеба фунтов в пять.

Пантелеев и Японец переглянулись и вздохнули.

— А деньги? — спросил Японец.

Дзе на мгновение задумался. Потом вывернул почему-то один правый карман и ответил.

— И деньги тоже украли.

Пантелеев и Японец взяли горбушку хлеба и вышли из класса.

— Ну и сволочи же, — вздохнул Японец.

— Д-да, — поддакнул Пантелеев.

Растратчик Джапаридзе тем временем давал взятку изобретательному Янкелю, или проще — делился с ним растраченным капиталом — хлебом, сахаром и лимонами.

Так кончилась первая «лотерея аллегри».

Но пример нашел отклик...

Скоро Купец в компании с Цыганом и Воробьем устроили такую же лотерею. Лотерея прошла слабее, но все же дала прибыль. Это послужило поводом к развитию игорного промысла в IV отделении.

Новичок Ельховский — «Саша Пыльников» придумал новую игру — рулетку или «колесо фортуны». Пантелеев, имевший по прошлому знакомство с «марафетными» играми, научил товарищей играть в «Кручу-верчу» и в «Наперсток». Четвертое отделение превратилось в настоящий игорный при-

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

тон. Дошло до того, что не стало хватать игроков, все сделались владельцами «игорных домов». Сидит каждый у своей игры, ждет покупателей, наскучит — подойдет к соседу, сыграют и зовет его к себе.. За старшими потянулись и младшие. Игры стали устраивать и в младших отделениях, на это требовалось лишь получение «патента» от Викниксора.

Но скоро лотерейная горячка в Шкиде прошла. Потянуло к более разумному времяпрепровождению.

Кончился период бузы, на Шкиду нашло желание учиться.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«ДАЕШЬ ПОЛИТГРАМОТУ».

Комсомол. — Даешь полиграмоту. — Человек в крагах. — Богородица. — Конституция 1871 года. — В клубах табачных. — Настоящий политграмщик.

В Шкиде все мечтали о Комсомоле: и кипчаки, и волыняне, и бужане, и бузовики.

Часто улигане спрашивали президента своей республики Викниксора:

— Виктор Николаевич, почему нельзя Комсомол?.. Объясните...

Президент хмурил брови и отвечал, растягивая слова.

— Нельзя Комсомол... Наша школа дефективная, почти что с тюремным режимом, а в тюрьмах и дефективных детдомах Комсомол организовывать не разрешается...

— Так мы же не бузим!

— Все равно... Пока полного исправления не достигнете, нельзя. Выйдете из школы, равноправными гражданами станете, — можете и в Комсомол, и в партию записаться.

Вздыхали граждане дефективной республики Шкид и мечтали о днях, когда станут равноправными гражданами другой республики, — великой Республики Советов...

А пока занимались политическим самообразованием.

Некоторое время все шло тихо.

Но вот однажды поднялась буря, Шкида выкинула лозунг:

— Даешь политграмоту!

Послали к Викниксору делегацию.

— Хотим политграмоту, как предмет преподавания, на ряду с прочими — историей, географией и геометрией.

Викниксор брови сдвинул, спросил:

— Очень хотите?

— Очень, Виктор Николаевич... И думаем, что это возможно. Вреда нам от политграмоты никакого не будет... Это — факт. А польза...

— Ладно, — сказал Викниксор, — я подумаю и постараюсь устроить.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Тянулись дни, серые школьные будни. Осень лизала стекла окон дождевыми каплями и вечером в трубах печей ветер пел дикие и унылые песни...

В эти дни уставшие от лета и бузы шкидцы искали утеху в учобе, в долгих часах классных уроков и в книгах, толстых и тонких, что выдавала Марья Федоровна — библиотекарша по вторникам и четвергам...

... А политграмота, обещанная Викниксором и не забытая шкидцами, знать о себе ничего не давала; молчал Викниксор, и не знали, хлопочет он или нет...

Но однажды пришла политграмота.

Она пришла в образе серого заикающегося человечка. У человечка была бритая узкая голова, френчик синий с висящими нитками пуговиц и на ногах желтые, потрескавшиеся краги.

Человечек вошел к улиганам в класс и сказал заикаясь:

— Буду у вас читать п-политграмоту.

Дружным «ура» и ладошными всплесками встретила человечка в крагах Улигания. Долгожданная политграмота явилась.

Человечек назвался:

— Виссарион Венедиктович Богородицын.

Это рассмешило.

— Политграмота — и вдруг Богородицын!

— «Богородица»...

Стал человечек в крагах «Богородицей» с первого же урока в Шкиде.

Начал урок с расспросов.

— Что знаете?

Многие молчали, Японец же, встав, сказал, шмыгнув носом:

— Порядочно.

— Что есть Ресефесэрэ?

— Российская *Социальная* Федеративная Республика, — крикнул Воробей.

— Правда, молодец, — похвалил, заикаясь, лектор.

Ребята засмеялись.

— А что есть Совет?

— Власть коммунистическая.

— Правда, — похвалил вторично халдей.

А Японец, уже переглянувшись с Кобчиком, шептал:

— Липа... Лектор хреновый!

Потом обратился к Богородице.

— Можно вам вопросы задавать? Такая система лучше, я думаю, будет.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Правда. Задавайте.

Японец, подумав, спросил:

— Когда принята наша конституция?

Сжались брови на узком лбу Богородицы, задумался он... Сразу же поняли все, что «липа» он, что случайно попал в Шкид и политграмоты сам не знает.

— Конституция? — переспросил он. — А разве вы не знаете?

— Знали бы, так не спрашивали.

— Конституция принята в 1871 году в Стокгольме.

Прыснул Япошка, прыснули и многие другие.

— А когда пятый съезд советов был?

— Ну, уж это-то должны знать.

— Не знаем.

— В девятнадцатом году.

— А не в восемнадцатом?

Покраснел Богородица — политграмщик, опустил глаза.

— Знаете, так нечего спрашивать.

— А конституция не на пятом съезде была принята?

Еще больше покраснел Богородица, съежился весь... Потом выпрямился вдруг:

— Какая конституция?

— Эрэсэфэсэрская.

— Так бы и говорили. Я думал, вы не про эту конституцию говорите, а про первую, что в девятьсот пятом году...

Понятно стало, что Богородица не политграмота, что снова отходит от Шкиды заветная мечта. Стали бузить, вопросы задавать разные по политграмоте, — издеваться.

— Что такое империализм?

— Не знаете? Всякий ребенок империализм знает. Это — когда император.

— А кто такой Хрусталев-Носарь?

— Генерал, сейчас за границей вместе с Николай Николаичем.

До звонка потешались улигане над Богородицей, — человечком в желтых крагах, а когда вышел он под зюканье и хохот из класса, загрустили.

— Дело — буза... Политграмота-то хреновая.

— Да... Порадовались рано.

А вечером Викниксор, зайдя в класс, выслушивал ребят.

— Плох, говорите?

— Безнадежен, Виктор Николаевич.

— Слабы знания политические?

— Совсем нет.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Задумался Викниксор.

— Дело неважно.

— Где вы его только выкопали? — полюбопытствовал Ленька Пантелеев.

— В Наробе... случайно. Спрашивал я там о политграмоте, — нет ли педагога на учете. Он — Богородицын этот подходит: могу, говорит политграмоту читать... Ну и взял на пробу.

— Пробу не выдержал только, — ухмыльнулся Янкель.

— Да, — согласился завшколой. — Пробу не выдержал... Поищем другого.

Больше Богородица не читал в Шкиде политграмоту. Ушел он, не попрощавшись ни с кем, метнулся желтыми потрескавшимися крагами и исчез...

Может быть, сейчас он читает где-нибудь лекции по фарадизации, или по прикладной космографии... А может быть, умер от голода, не найдя для себя подходящей профессии.

В табачном дыму расплывались силуэты людей...

Пулеметом стучал ремингтон, а ундервуд, как эхо, тарахтел в соседней комнате.

Кто-то звонким, картавящим на букве «л» голосом кричал кому-то:

— Товарищ, вы слушаете?.. Отдайте, пожалуйста, в комнату два. Товарищ...

А тот, другой отвечал издалека:

— Два? Спасибо...

В Комсомольском райкоме работа кипит и клокочет. В табачном дыму — силуэты людей. На стенах с ободранными гобеленами маленькие написанные от руки плакатики:

СЕКРЕТАРЬ.

АГИТОТДЕЛ.

КЛУБКОМИССИЯ.

Викниксор шел по плакатикам, хватался руками за стены, потонув в дымных клубах... Все же отыскал плакатик с надписью «Политпросвет».

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Под плакатиком, — человек в кожаной тужурке, с бритой головой, молодой, безусый.

— Меня, товарищ?

— Да, вас. Вы по Политпросвету?

— Я. В чем дело?

— Видите ли... Я заведующий детдомом... У нас ребята — шестьдесят человек... хотят политграмоту. Не найдется ли у вас в комитете человечка такого — лектора?

Политпросветчик безусый провел рукой по высокому, гладкому лбу.

— Ячейка или коллектив у вас есть?

— Нет. В том-то и дело, что нет... У нас, надо вам сказать, школа тюремного, исправительного типа, — для дефективных.

— Ага, — понимаю... Беспризорные, стало быть, ребята, с улицы...

— Да. Но все же хотят учиться.

— Минутку.

Обернулся политпросветчик, трубку телефонную приложил к уху, нажал кнопку.

— Политшкола? Товарищ Федоров; нет ли у вас человека инструктором в детдом? Найдется... Что? Прекрасно...

Повесил трубку.

— Готово. Оставьте адрес, завтра пришлем.

Пришел он в Шкиду вечером.

В классе улиган, погасив огонь, сидели все у топившейся печки, отсвет пламени прыгал по стенам и закоптелому после пожара потолку... Из печки жаром жгло щеки и колени сидевших...

Он вошел в класс, незаметно подошел к печке и спросил:

— Греетесь, товарищи?

Обернулись, увидели: человек молодой, невысокий, волосы назад зачесаны, в руках портфель.

— Греемся.

— Так... А я к вам читать политграмоту пришел... Инструктором от райкома.

Не кричали «ура» теперь шкидцы, знали — обманчива политграмота бывает, по Богородице уверились...

— Садитесь, — сказал Янкель, освободив место на кривобоком табурете.

— Спасибо, — ответил инструктор. — Усядемся вместе.

Сел, погрел руки.

— Газеты читаете?

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Редко. Случайно попадет — прочтем, а выписывать — бюджет не позволяет.

— Все-таки в курсе дела хоть немножко? О четвертом съезде молодежи читали?

— Читали немного.

— Так. А о приглашении на Генуэзскую конференцию делегации от нашей республики?

— Читали.

— Ну, а как ваше мнение: стоит посылать?

Разговорился этак незаметно, разгорячились ребята, — отвечают, спорят, расспрашивают... Не заметили, как время ко сну подошло...

Уходя, инструктор сказал:

— Я у вас и воспитателем буду, заведующий попросил.

Сейчас уже закричали «ура» улигане, искренне и дружно.

А потом уже в спальне, раздеваясь, делились впечатлениями...

— Вот это — парень... Не Богородица, а настоящий политграмщик...

Мечта шкидская осуществилась, — политграмоту долгожданную получили.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«УЧЕТ».

Десять часов учобы.— Новогодний банкет.— Шампанское-морс.— Спичи и тосты.— Конференция издательств.— Учет.—Оригинальный репортаж. Гулять!

В этом году зима выдалась поздняя. Долго стояла мокрая осень, брызгалась грязью, отбивалась, но все же не устояла — сдалась. По первопутку неисправимые обыватели тащили по домам рождественские елки. Елочные ветки куриным следом рассыпались по белому снегу; казалось, что в городе умерло много людей и их хоронили.

На рождество осень дала последний бой, — была оттепель. В сочельник, канун рождества, колокола гудели не по-зимнему, громыхали разухабистым плясом. Не верилось, что декабрь на исходе, казалось, что пасха, — апрель или май.

А 25-го декабря, на рождество ртуть в реомюре опустилась на десять черточек вниз, ночью метелью занесло трамвайные пути, и улицы побелели.

В Шкиде рождества не справляли, но зиму встретили по-ребячьи радостно. Во дворе малыши, бужане и волыняне, играли в снежки, лепили бабу. И даже улигане, «гаванские чиновники», как звала их уборщица Аннушка, даже улигане не усидели в классе и вырвались на воздух, чтобы залепить друг другу лицо холодным и приятным с непривычки снегом.

Вечером за ужином Викниксор говорил речь:

— Наступила зима, а вместе с нею и новый учебный год. С завтрашнего дня мы кончаем вакационный период учобы и переходим к настоящим занятиям. С завтрашнего дня ежедневно будет по десяти уроков. С десяти часов утра до обеда четыре, после обеда отдых, потом опять четыре урока до ужина и после ужина два урока.

Лентяи вздохнули, четвертое же отделение рвалось к учобе и было радо.

Викниксор походил, заложив руки за спину, по столовой, собрался уже уходить, потом, вспомнив, вернулся:

— Да, первого января у нас учет...

Это сообщение вызвало всеобщие радостные возгласы.

«Учетом» в Шкиде называлась устраиваемая несколько раз в году проверка знаний, полученных в классе.

Обычно к учету готовились. Преподаватели каждого предмета давали ученикам задания по своему предмету, составлялись диаграммы, схемы, конспекты, устраивались подготовительные учеты-репетиции. Но спешное зазубривание курса не практиковалось, и вообще подготовка к учету не носила характера разучиваемого спектакля. Просто готовились к торжеству.

То же самое было и на этот раз.

С вечера того же дня воспитатели составили план выступлений по своим предметам и ознакомили с ним учеников.

Шкида сразу же засела за работу.

В четвертом отделении ребята, с разрешения Викниксора, сидели в классе до 12 часов.

Японец и Цыган, по заданию Эланлюм, переписывали переведенную ими раньше поэму Гейне готическим шрифтом на цветных картонах.

Янкель делал плакаты для украшения зала в день торжества, Воробей и Горбушка ему помогали.

Пантелеев писал конспект на тему «Законы Дракона», по древней истории, Кальмот и Дзе, — о битве в Фермопильском проходе, о Фемистокле и Аристиде.

Саша Пыльников разрабатывал диаграмму творчества М. Ю. Лермонтова в период с 1837 по 1840 год и писал о байроновском направлении в его творчестве. Тихиков и Старолинский рисовали географические, экономические и политические карты РСФСР.

Все были заняты.

Подготовка тянулась целую неделю.

Новый год, по неокрепшей традиции, встречали торжественно всей школой.

В большой спальне днем были убраны койки, поставлены столы и скамейки. Вечером в 11½ часов все отделения под руководством классных надзирателей поднялись наверх в спальню.

На столах, покрытых белыми скатертями, уже стояли яства: яблочный шарлот, бутерброды с колбасой и клюквенный морс, которым изобретательный Викниксор заменил новогоднее шампанское.

Отделения разместились за четырьмя столами. Дежурные розлили по кружкам «шампанское-морс» и уселись

Центральная городская библиотека имени В. Г. Белинского

сами. Скромное угощение казалось изголодавшимся шкидцам настоящим пиром.

Викниксор в своей речи отметил успехи за год и пожелал, чтобы к следующему году школа смогла выпустить первый кадр исправившихся воспитанников.

Обыкновенно к ораторским способностям Викниксора шкидцы относились сухо, сейчас же растрогались и долго кричали «ура».

Затем выступали с ответными тостами воспитанники. От улиган говорили Японец и Янкель.

Когда первое возбуждение улеглось, выступил новый халдей, политграмщик — «Кондуктор». Настоящее его имя было Сергей Семенович Васин. Кондуктором прозвали его за костюм: полушубок цвета хаки, какие носят кондуктора городских железных дорог.

Кондуктор встал, откашлялся и сказал:

— Товарищи, я здесь в школе работаю недавно, я плохо знаю ее. Но все-таки я уже почувствовал главное. Я понял, что школа исправила, перевела на другие рельсы многих индивидуумов. Мое пожелание школе, чтобы в будущем году школа Достоевского смогла организовать у себя ячейку Комсомола из воспитанников уже исправившихся, нашедших дорогу.

Этот спич, произнесенный наскоро и несвязно, был встречен буквально громом аплодисментов и ревом ура.

В час ночи банкет закрылся. Вмиг были убраны столы, расставлены кровати, и шкидцы стали укладываться спать. Японец пригласил на свою постель Янкеля, Пантелеева и Пыльникова.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал он.

— Вали.

— Завтра учет, — начал Японец. —Мы должны выпустить учетный номер какого-либо издания.

В четвертом отделении в то время выходило четыре органа: журналы «Вперед», «Вестник Техники», «Зеркало» и газета «Будни».

— Согласны ребята, что экстренный номер нужен?

— Согласны, — ответил Янкель. — Я предлагаю выпустить однодневку сообща.

— Идея! — воскликнул Пантелеев.

— Никому обидно не будет, — подтвердил Сашка Пыльников соредактор «Будней».

Решили выпустить однодневную газету «Шкид». Ответственным редактором назначили Янкеля, секретарем и репортером Пантелеева.

Потом разошлись по своим постелям и заснули.

Утром занятий в классах не было. Вся школа под руководством Косталмеда и Кондуктора работала над украшением здания к торжеству. Из столовой и спален стаскивали в Белый зал скамейки, украшали зеленью портики сцены; зеленью же увили портреты вождей революции, развешенные по стенам, громадный портрет Достоевского и герб школы — подсолнух. Вдоль стен расставлялись классные доски, оклеенные диаграммами и плакатами, на длинных пюпитрах раскладывались рукописи и другие экспонаты учета.

В 12 часов прозвенел звонок на обед. Обедали торопливо, без бузы и обычных скандалов. Когда кончали обед, в столовую вошел Викниксор и скомандовал: «Встать».

Ребята поднялись. В столовую торопливыми шагами вошла пожилая женщина, закутанная в серую пуховую шаль.

— Лилина, — шопотом пронеслось по скамьям.

— Здорово, ребята, — поздоровалась заведывающая Губоно. — Садитесь. Хлеб да соль.

— Спасибо, — ответил хор голосов.

Ребята уселись. Лилина походила по столовой, потом присела у стола первого отделения и завязала с малышами разговор.

— Сколько тебе лет? — спросила она у Якушки.

— Десять, — ответил тот.

— За что попал в школу?

— Воровал.

Лилина минуту подумала.

— А сейчас ты что делаешь в школе?

— Учусь, — ответил Якушка.

— А ты за что? — обратилась Лилина к Кондрушкину, четырнадцатилетнему дегенерату с квадратным лбом и отвисшей нижней челюстью.

— Избу поджег, — хмуро ответил он.

— Зачем ты поджег?

Кондрушкин, носивший кличку «Квадрат», тупо посмотрел в лицо Лилиной и ответил:

— Так, захотелось и поджег.

Подошел Викниксор.

— Этот у нас всего два месяца, — сказал он. — Еще совсем не обработан. Да ничего, отделаем.

— Вот тоже поджигатель, — указал он на другого первоклассника—«Калину». — Этот уже больше года у нас. За поджог в интернате переведен.

— Зачем ты сделал это? — спросила Лилина.

Калина покраснел.

СО НГБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

— Дурной был, — ответил он потупясь.

Поговорив немного, Лилина вместе с Викниксором вышла из столовой. Немного погодя к столу четвертого отделения подсел Воробей, бывший в то время кухонным старостой.

Он был красен, как мак в период зрелости, и видимо что-то хотел сказать.

— Здорово! — проговорил он, наконец.— Чуть не влип.

— Что такое? — спросил Японец.

— Да Лилина — не успел ей дежурный дверь отворить, влетает на кухню:

«— Староста?

«— Староста говорю.

«— Сколько сегодня получено на день хлеба?

«А я, признаться, точно не помню, хотя в тетрадке и записано.

«— Два пуда восемь фунтов с половиной, — говорю, наобум, конечно.

«Она еще.

«— А мяса сколько?

«— Пуд десять, — говорю.

«— Сахару?

«— Фунт три четверти.

«— Молодец, говорит — и прошла».

Все расхохотались.

— Ловко! — воскликнул Янкель.

После обеда воспитатели скомандовали классам «построиться» и отделениями провели в Белый зал. Там уже находилось человек десять гостей.

От Губоно, кроме Лилиной, присутствовали еще два человека, от комиссии по делам несовершеннолетних и от Соцвоса. Кроме того были представители от шефов Петропорта, от института проф. Грибоедова и несколько студентов института Лесгафта.

Шкидцы, соблюдая порядок, расселись по местам. Впереди уселись малыши, четвертое отделение оказалось самым последним. Янкель и Пантелеев притащили из класса бумагу и чернила и засели за столом.

На сцену вышел Викниксор.

— Товарищи, — сказал он. — Сейчас у нас состоится учет, учет знаний наших, учет проделанной работы. Давайте покажем присутствующим здесь гостям, что мы не даром провели время, что что-то сделано... откроем учет.

Слова Викниксора были встречены аплодисментами со всех скамеек.

Собрание им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Первым будет немецкий язык, — объявил Викниксор, уже спустившись со сцены и заняв место в первом ряду, рядом с гостями.

На сцену взобралась Эланлюм.

— Сейчас мы продемонстрируем наши успехи в разговорном немецком языке, потом покажем сценку из «Вильгельма Телля».

— Ребята, — обратилась она к четвертому отделению, — пройдите сюда.

Японец, Цыган, Кобчик, Купец и Воробей поднялись на сцену и встали лицом к залу.

Эланлюм обвела взором вокруг себя и, ткнув себя в нос пальцем, спросила у Купца.

— Вас ист дас?

Купец ухмыльнулся, смутился. Он был по немецкому языку последним в классе.

— Нос, — ответил он покраснев.

Гости, а за ними и весь зал расхохотались. Эланлюм расстроилась.

— Еонин, — обратилась она к Японцу. — Вас ист дас? Антвортете.

— Дас ист ди назе, Элла Андреевна.

— Гут. Вас ист дас? — обратилась она к Цыгану, указав на окно.

— Дас ист дас фенстер, Элла Андреевна, — ответил Цыган, снисходительно улыбнувшись. — Вы что-нибудь посерьезнее, — шепнул он.

— Нун гут... Вохин гест ду ам Зоннабенд? — обернулась Эланлюм к Воробью.

Воробей знал, что Эланлюм спрашивает, куда он пойдет в субботу, знал, что пойдет в отпуск, но ответить не смог. За него ответил Еонин:

— Ин урлауб.

— Гут, — удовлетворившись, похвалила немка.

Так, перебрасывая с одного на другого вопросы, она демонстрировала в течение 15 минут успехи в разговорном немецком языке.

Потом тем же составом воспитанников была показана сценка из пьесы «Вильгельм Телль» на немецком языке. Гости от «Вильгельма Телля» пришли в восторг, долго аплодировали.

За немецким языком шел русский язык. Гости и педагоги задавали воспитанникам вопросы, те отвечали.

Потом шли древняя и русская истории, политграмота, география и математика.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Пантелеев и Янкель все это время усиленно работали у себя в «походной редакции». Когда Викниксор объявил о перерыве и все собирались вставать, на сцену вышел Янкель.

— Минутку, — сказал он. — Только-что вышла экстренная газета, висит у задней стены, желающие могут прочесть.

Все обернулись. На противоположной стене прилепился исписанный печатными буквами лист бумаги. На верху, разрисованный красной краской, красовался заголовок:

«Ш К И Д».

Однодневная газета, посвященная учету.

Гости и шкидцы обступили газету. Передовица, написанная Японцем, разбирала учет, как явление нового метода педагогики. Дальше шел портрет Лилиной в профиль и стихи Пыльникова, посвященные учету:

Мы в учете видим себя
Учет — термометр наш,
Науку, учобу любя,
Мы грызем карандаш.
Кто плохо учился год,
Тому позор и стыд,
Эй, шкидский народ,
Не осрами Республику Шкид.

За стихами шла хроника учета. О каждом предмете был дан отдельный отзыв. Читающие были поражены последней рецензией:

«Показанная последним блюдом гимнастика под руководством К. А. Медовича прошла прекрасно. Хорошая, выдержанная маршировка, чисто сделанные упражнения. Поразила своей виртуозностью и грандиозностью пирамида, изображавшая в своем построении инициалы школы — Ш.К.И.Д.».

Все много смеялись, так как гимнастики еще не было. Лилина подошла к Янкелю.

— Как же это вы умудрились, товарищ редактор, дать отзыв о том, чего еще не было? — улыбнувшись спросила она.

Янкель не смутился.

— А мы и так знаем, — сказал он, — что гимнастика пройдет хорошо. Заранее можно похвалить.

Гимнастика действительно прошла хорошо. Упражнения были сделаны чисто и пирамида «поразила своей виртуозностью».

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

На этом учет закончился. Гости разъехались. Викниксор собрал школу в зал и заявил:

— Все без исключения — в отпуск. Не идущие в отпуск — гулять до двенадцати часов вечера.

Старое здание школы дрогнуло от дружного ураганного ура.

Шкида бросилась в гардеробную.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ШКИДА ВЛЮБЛЯЕТСЯ.

Весна и математика. — Окно в мир. — Смотр красавиц. — Победитель Дзе. — Кокетка с подсолнухами. — Любовь и мыло. — Конец весне.

— Воробьев, слушай внимательно и пиши: сумма первых трех членов геометрической пропорции равна 28; знаменатель отношения равен 4 целым и одной второй, третий член в полтора раза больше этого знаменателя. Теперь остается найти четвертый член. Вот ты его и найди.

Воробей у доски. Он берет мел и грустно обводит глазами класс, потом начинает писать формулу. Педагог ходит по классу и нервничает, он кричит, обращаясь к сидящим.

— И вы решайте. Нечего головами мотать.

Но класс безучастен к его словам. Лохматые головы рассеяны. Лохматые головы возбуждены шумом, что врывается в окна бурными всплесками. На улице весна.

Размякли мозги у старших от тепла и бодрого жизнерадостного шума — совсем разложились ребята.

— Ну же, решай, головушка, — нетерпеливо понукает педагог застывшего Воробья, но тот думает о другом. Ему завидно, что другие сидят за партами, ничего не делают, а он должен искать четвертый член. Наконец он собирает остатки сообразительности и быстро пишет.

— Вот.

— Неправильно, — режет халдей.

Воробей пишет снова.

— Опять не так.

Воробей в третий раз пишет примелькавшиеся цифры, но, не докончив, слышит безнадежный шопот слева:

— Брось, Воробышек, не пузырься, опять неправильно, — лениво тянет Еонин. Тогда Воробей решительно бросает:

— Я не знаю!

— Сядь на место.

С облегчением вздохнув, Воробышек идет к парте и, сев, уже забывает о математике, слушая, как на парте сзади Цыган рассказывает о своих похождениях. Он вчера познакомился с хорошенькой девицей и теперь возбужденно об этом рассказывает.

Его слушают с необычайным вниманием, и поощренный Цыган увлекся.

— Смотрю, она на меня взглянула и улыбнулась, — я тоже. Потом догнал и говорю: «Вам не скучно?» — «Нет», — говорит, а я накручиваю все больше да больше, ну, и пошли, я ее под ручку подцепил.

Джапаридзе уже несколько раз украдкой приглаживает волосы и представляет себе, как он знакомится. Ребята молчат, прислушиваясь к шуму улицы и обрывкам фраз математика.

На камчатке Янкель, наслушавшись Цыгана, замечтался и гнусавит в нос романс:

Очи черные — очи красные
Очи жгучие и прекрасные.

— Черных, к доске.

Как люблю я вас...

— Черных, к доске.

Голос преподавателя грозный, и Янкель, очнувшись сразу, взвешивает в уме все шансы на двойку. Двойку он и получает, так как задачи решить не может.

— Садись на место. Эх ты, очи сизые, — злится педагог.

Звонок прерывает его слова. Сегодня математика была последним уроком, и теперь шкидцы свободны, а через час можно итти первому и второму разряду гулять.

Едва захлопнулась дверь за педагогом, как класс, сорвавшись с места, кинулся к окнам.

— Я занял.

— Я.

— Нет, я.

Наконец все улеглись на подоконнике и умильно созерцают весеннюю картину уличного движения.

Лежать на окнах стало любимым занятием шкидцев. Они переругиваются со сторожем, перекликаются с торговками, и это им кажется забавным.

— Эй, борода! Соплю подбери. В носу тает, — гаркает Купец на всю улицу. Сторож вздрагивает от окрика, потом, увидев ненавистные рожи шкидцев, разражается градом ругательств.

СОШ им. В. Г. Белинского
http://beak.uraic.ru/

— Ах вы, губошлепы проклятые. Ужо я вам задам.

— Ого-о. Задай собачке под хвост.

— Дядя. Дикая борода!

На противоположной стороне стоят торговки, они хихикают, одобрительно поглядывая на ребят. Шкидцы замечают их.

— Девочки, киньте семечка.

— Давайте деньги.

Закупка подсолнуха происходит особенно, не по обыкновенному. Со второго этажа спускается шапка на веревке, в шапке деньги, взамен которых торговка кладет туда товар, и подъемная машина вновь работает. В разгар веселья в классе появляется Косталмед.

— Это что такое? Опять к подоконнику прилипли. А ну, долой!

Сразу окна очищаются. Костец удовлетворенный откашливается, потом спокойно говорит.

— Первый, второй разряд могут итти гулять.

Классы заметно пустеют. Остающиеся с тоской и завистью поглядывают через окна на расходящихся кучками шкидцев. Особой группой идут трое — Цыган, Дзе и Бобер. Они идут на свидание, доходят до угла и там расходятся в разные стороны.

В классе тишина — настроение у оставшихся особенное, какое-то расслабленное, ничего не хочется делать. Несколько человек — на окнах, остальные ушли на двор играть в рюхи. Те, что на окнах, сидят и мечтают, сонно поглядывая на улицу. И так до вечера. А вечером собираются все. Приходят возбужденные «любовники», как их прозвали, и наперебой рассказывают о своих прогулках со знакомыми девочками из соседнего детского дома.

Уже распустились почки и светлой нежной зеленью покрылись деревья. Весна стала переходить в лето. Начались белые ночи, а с ними пришла к шкидцам и любовь.

Пример Бобра, Дзе и Цыгана заразил все четвертое отделение.

Начали подумывать о подругах и Янкель, и Воробей, и Купец, но у них еще не было опыта, и они только приглядывались к окружающим.

Однако скоро все трое уже были влюблены. Янкель вздыхал по курносой торговке семечками, Воробей возобновил знакомство со старой знакомой девчонкой из приюта, а Купец избрал предметом своей любви шкидскую кухарку Марфу.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Теперь все могли хвастать своими девицами по праву и все хвастали. А однажды сделали смотр своим «дамам сердца». По понедельникам в районном кино устраивались детские сеансы, потом решили устроить большой районный детский праздник.

Так как при кино был сад, то и решили празднество перенести на воздух.

К этому дню готовились долго и, наконец, известили школы о дне празднования. Празднество обещало быть грандиозным. Шкида не на шутку взволновалась. Влюбленные парочки, разумеется, сговорились о встрече в саду и теперь готовились во-всю.

Наконец настал великий день, хотя начало его было и будничное по обыкновению, только уроков было меньше.

Ребят одели в парадную форму, заставили получше вымыться и, наконец, построив в пары, повели в сад.

Пришла Шкида в самый разгар сбора гостей и едва-едва удерживалась в строю, но приказ Викниксора гласил «не распускать ребят раньше времени», и халдеи выжидали.

Праздник начался обычным кино-сеансом в театре. Показали кино-картину, потом комическую, а после сеанса ребята заметили исчезновение пятерых «любовников». Однако их нашли в саду.

Они все были с подругами и гордо поглядывали на товарищей. Они делали смотр, чья пара лучше, но первенство взял Джапаридзе. Черномазый грузин закрутил себе такую девицу, что шкидцы ахали от восхищения.

— Вот это да.

— Что надо. Синьорита Маргарита.

Невысокая, с чолкой, блондинка, повидимому, была очень довольна своим кавалером, жгучим брюнетом, и совершенно не замечала его коварства. А Дзе нарочно водил ее мимо товарищей и рассказывал анекдоты, отчего ее ротик все время улыбался и голубые глаза сверкали весело и мило.

Она оказалась лучшей из всех шкидских подруг, а Янкель, очарованный ее красотой, невольно обозлился на свою пару, курносую толстую девицу, беспрерывно щелкавшую подсолнухи, которые она доставала из платка зажатого в руке.

— Что это за баба? — злился Черных, чувствуя на себе насмешливые взгляды ребят. Наконец не выдержав, он силой увлек ее за деревья и остановился, облегченно вздыхая. Но девицу тянуло к веселью, и она, кокетливо улыбнувшись, отчего лицо ее превратилось в блин, недовольно протянула:

— И зачем это мы сюда зашли, Гришанька. Пойдем обратно. Скоро танцы будут.

Собрание В. Г. Белых
http://book.uraic.ru/

Гришенька скрипнул зубами и, вдруг решившись, неожиданно заговорил.

— Ты знаешь, милая... это... пошла бы... а я подожду... потом приду.

— Ну, нет, ты хочешь убежать, а я не отпущу тебя, — томно тянула торговка, прижимаясь к несчастному Янкелю. Он пробовал ее отстранить, но она рассмеялась и еще крепче ухватилась за Гришку. Это его взорвало, и он, решительно вырвавшись, с отчаянием заорал:

— Пошла к чорту, дура! И больше не приставай!

Девица ахнула от неожиданности, а Янкель сломя голову помчался прочь и потом весь вечер упрашивал ребят защитить его от своей возлюбленной, боясь ее преследований.

В это время в саду начались танцы. Мягко расползались звуки вальса по площадке, и пары закружились в несложном па. Пример заразителен, и праздник помог почти всем шкидцам отыскать себе «дам», результатом чего явилось около двадцати новых «влюбленных».

«Влюбленных» было легко распознать. Они были смирны, не бузили, все попадали в первый или второй разряд и все стали необычайно чистоплотны.

Обычно так трудно было заставить ребят умываться — теперь они мылись тщательно и долго. Кроме того, Шкида заблестела проборами. Причесывались ежеминутно и старательно.

Такая же опрятность появилась и в одежде. Республика Шкид влюбилась.

Не обошлось и без трагических случаев. Бобра однажды из-за подруги побили, так как у нее уже был поклонник, ревнивый и очень сильный парень, который не замедлил напомнить о себе и свел знакомство с Бобром на Обводном канале.

После этого Бобер целую неделю не выходил на улицу, одержимый манией преследования. Цыган также много вытерпел, так как его девочка любила ходить в кино, а денег у него не было и приходилось много и долго ее разубеждать и уверять, что кино — это гадость.

За любовь пострадал и Дзе. Ради своей возлюбленной он снес на рынок единственное свое сокровище — готовальню, а на вырученные деньги три дня подряд развлекал свою синеглазую, румяную подругу из нормального детдома.

Весна бежала день за днем быстро и незаметно, а Викниксор, поглядывая на прихорашивающихся ребят, озабоченно поговаривал.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

— Растут ребята-то. Уж почти женихи. Скоро надо выпускать, а то еще бороду отрастят на казенном хлебе.

В любовных грезах шкидцы забыли об опасностях и превратностях судьбы, но однажды смятение и ужас вселились в их размягченные сердца.

Викниксор пришел и сказал.

— Пора стричь волосы. Лето наступает, да и отростили вы космы большие уж очень. Грязь разводите!

Слова сказаны простые, а паники от них—как от пожара.

— Волосы стричь.

— Да как же я покажусь моей Марусе, куцый такой?

Ребята забыли о стрижке, хотя и знали, что это было в порядке вещей, как и во всех детских домах.

Однако старшие решили отстоять свои волосы. Созвали собрание и послали делегацию, чтобы просить разрешение четвертому и третьему отделениям носить волосы. Викниксор смягчился, и разрешение было дано, но только четвертому отделению и при условии, чтобы ребята всегда держали волосы в порядке и причесывались. На другой день им выдали гребни, которые при детальном обследовании оказались деревянными и немилосердно драли на голове кожу. Однако и деревянные гребни были встречены с радостью.

— Наконец-то мы взрослые.

— Даешь прическу!

Но скоро злосчастные волосы принесли и горе. Часто на уроке за трудной задачей шкидец по привычке лез пятерней в волосы, и в результате голова превращалась в репейник, а халдей немедленно ставил на вид небрежный уход за прической. Старшие оказались между двух огней. Лишиться волос — лишиться подруги, оставить волосы — нажить кучу замечаний.

Но недаром гласит русская пословица о том, что голь на выдумки хитра. Дзе дал республике изобретение, которое обеспечило им идеальный нерассыпающийся пробор. Изобретение демонстрировалось утром в умывальне.

— Способ необычайно прост и легок, — распространялся Джапаридзе, стоя перед толпой внимательно вслушивавшихся ребят. Потом он подошел к умывальнику и с видом фокусника начал объяснять изобретение наглядно, производя опыт над своей головой.

— Итак. Я смачиваю свои взбитые волосы обыкновенной сырой водой без каких-либо примесей.

Он зачерпнул воды из-под крана и облил голову.

— Затем гребнем я расчесываю волосы, — продолжал он, проделывая сказанное. — А теперь наступает главное. Пробор готов, но прическа держится слабо. Ее надо закрепить. Для этого мы берем обыкновенное сухое мыло и проводим им по пробору в направлении зачеса, чтобы не сбить прически и все готово. Через пять минут мыло засохнет, и ваш пробор никогда не рассыплется.

Изобретение каждый испытал на себе и остался доволен.

Правда, было некоторое неудобство. От мыла волосы слипались, и образовывалась крепкая кора волос, которая не шевелилась совершенно, и горе тому, кто пробовал почесать зудевший затылок. Рука его не могла проникнуть к нужному месту. Кора мешала.

Преимущество же было то, что раз зачесанная прическа держалась весь день и к тому же придавала волосам особый блестящий вид.

Шкида засверкала новыми проборами, и вновь все тревоги были забыты. А под окнами на теплых заплеванных тротуарах снова ворковали нежно парочки голубков.

Но новому изобретению не дали хода. Кто-то рассказал об этом Викниксору, а тот из предосторожности решил посоветоваться с врачом.

Врач и погубил все.

— От таких причесок беда. Насекомые разводятся. Вы запретите это им проделывать, а то вся школа обовшивеет.

Этого было вполне достаточно, чтобы на другой день привилегированных старших без разбора парикмахер подстриг под «нолевой».

Вместе с волосами исчезла и любовь. Никто не пришел вечером на свидание с девицами, и те, прождав напрасно, ушли.

Республика Шкид проводила весну, солнце уже жгло по-летнему, и появились другие интересы.

Так как на лето школа осталась в городе, то надо было искать курорт и его нашли в Екатерингофском парке, а морем служил небольшой пруд около старого Екатерининского дворца.

Сюда устремились все помыслы шкидцев, к воде, к зелени, к футболу, и здесь за беспрерывной беготней постепенно забывались теплые, белые, весенние ночи, нежные слова и поцелуи.

Екатерингоф пришел на смену любви, и только изредка Джапаридзе с грустью вспоминал о голубоглазой блондинке из соседнего детдома, и то не столько о ней, сколько о загубленной своей готовальне, новенькой готовальне с бархатным нутром и ровненько уложенными блестящими циркулями.

Только Дзе грустно вспоминал весну...

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«КРОКОДИЛ».

Племянник Айвазовского.—«Крррокодил».—Карандаши.—«Крыть»—Коварный Христос.—Плюс на минус = 0.—Индульгенции.

Он вошел в канцелярию, снял поблекшую от времени фетровую шляпу, поправил завязанный на шее бантом шарф и отрекомендовался:

— Сергей Петрович Айвазовский, — племянник своего дяди — Айвазовского, — того самого, что «Девятый вал» написал и вообще...

Пришел просить места. Долгая безработица истрепала нервы, измучила голодом, холодом и тоской безделья... Айвазовский решил обратиться в дефективный детдом.

Викниксор просмотрел рекомендацию Губоно и, просматривая, мельком оглядел Айвазовского.

Был он среднего роста, широк в плечах и гордое с поднятым носом лицо заставляло предполагать твердый и сильный характер.

— Хорошо, — сказал Викниксор, просмотрев бумаги. — Я приму вас штатным воспитателем; но кроме того нам нужен преподаватель рисования... Вы могли бы?..

— Я племянник Айвазовского, — ответил тот, а кроме того я окончил Академию Художеств. Я...

— Прекрасно — оборвал завшколой. — Вы зачислены в штат. Завтра вы дежурите с двух часов дня... Надеюсь, вы сумеете подойти к воспитанникам.

— О,—воскликнул Айвазовский, — это я сумею сделать... У меня есть опыт.

К коридоре затрещал звонок, возвещая о конце урока... Канцелярия заполнилась педагогами и воспитателями.

Айвазовский помял шляпу, посмотрел на разговорившегося с другим Викниксора, хотел было протянуть руку, потом раздумал и, сказав: «До завтра», — вышел из канцелярии, поблескивая золоченым пенснэ на задранном вверх носу.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

На другой день после уроков в класс четвертого отделения вошел Викниксор в сопровождении Айвазовского.

Воспитанники встали.

— Ребята, — проговорил Викниксор, — вот новый воспитатель... Очень хороший человек... Надеюсь, что сойдетесь с ним...

Когда Викниксор вышел из класса, ребята обступили нового воспитателя.

Тот, в свою очередь, сжав под мышкой портфель, рассматривал через пенснэ своих новых питомцев. В классе он почему-то сразу возбудил смешливое настроение.

— Как имя твое, о пришелец, — новый воин из стана халдеев? — притворно торжественным тоном вопросил Японец.

— Меня зовут Сергей Петрович, — ответил воспитатель.— А фамилия моя Айвазовский.

— Айвазовский, — раздались возгласы. — Не художник ли?

— Да художник, — вскинув голову, ответил халдей. — Я племянник своего дяди Айвазовского, который написал «Девятый вал» и другие картины.

— Здорово, — воскликнул Янкель...

Ребята еще плотнее обступили нового воспитателя.

Тот уселся за пустую парту и положил перед собою портфель.

— А вы что делаете? — спросил он, — чем занимаетесь в свободное время.

— Халдеев бьем, — пробасил Купец.

— Что? — переспросил Айвазовский.

— Халдеев бьем, — повторил Офенбах. — Бузим, в очко дуемся...

— Да-а, — протянул Айвазовский, не понявший сказанного Купцом. — А я, — сказал он, — иначе с вами занятия поведу. У меня своя система воспитания.

— Какая же у вас система? — спросил кто-то.

— Может расскажете, — попросил Янкель.

— У меня система следующая, — я сам провожу с воспитанниками их часы досуга, читаю им вслух, играю...

В толпе ребят кто-то хихикнул.

— Интересно, — сказал Янкель. — Что ж, вы сегодня приступите к воспитательской работе?

— Да, я думаю.

«Племянник своего дяди» порылся в портфеле и вытащил какую-то книжку.

ОУНБ им. К. Белинского http://book.uraic.ru/

— Я прочту вам сейчас интересную вещь, — сказал он. — Я хорошо читаю; кончил, между прочим, декламационные курсы...

— Валите, читайте, — перебил Ленька Пантелеев.

Айвазовский положил книгу на стол.

— Это что? — спросил Япошка и, взглянув на заглавие, громко расхохотался.

— «Крокодил», Корнея Чуковского, — прочел он. — Ловко!

Класс задрожал от смеха.

Воспитатель недоумевающе оглядел смеющихся и спросил.

— Вы чего смеетесь? Это очень интересная книга.

— Ладно, читайте, — снова закричал Пантелеев.

Айвазовский встал, поставил ногу на скамейку парты и, закинув голову, начал:

Жил да был крокодил,
Он по Невскому ходил
Папиросы курил,
По-турецки говорил...
Кр-ро-кодил
Кр-р-ро-кодил
Крр-рркодилович...

Читал он эти детские юмористические стихи с таким пафосом, так ревел, произнося слово крокодил, что слушать без смеха было нельзя. Ребята заливались.

Айвазовский обиженно захлопнул книгу.

— Что смешного, — сказал он... — Вы глупые мальчишки и не понимаете поэзии.

— Вали, читай! — кричали ребята. — Читайте, Сергей Петрович!

Похмурившись немного, воспитатель перевернул страницу и продолжал чтение. Каждый раз как он декламировал: «Кр-рокодил, крр-окодил, крокодилович», — стекла в классе дрожали от неудержимого, буйного истерического смеха.

Когда он кончил, Японец вскочил на парту и произнес:

— Внимание! Традиции и обычаи Улиганской республики в частности и всей Шкиды в целом требуют, чтобы каждому новому шкидцу или халдею давалась кличка. Настоящий новоиспеченный халдей не является исключением и ждет своего боевого крещения. Думаю, что имя «Крокодил» больше всего подойдет к нему.

— Браво, — закричали ребята и наградили Япошку аплодисментами.

© ОНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Потом каждый счел долгом подойти к Айвазовскому похлопать его по плечу и сказать:

— Поздравляю, Крокодил Крокодилович.

Воспитатель сидел, растерянно разглядывая облепившие его лица. Он не знал, что делать или же просто не сумел проявить свой прекрасный воспитательский опыт.

Так началась педагогическая карьера Крокодила Крокодиловича Айвазовского, племянника своего дяди, великого морского пейзажиста Айвазовского. С первых же дней он потерял у воспитанников авторитет...

— Барахло, — сказали шкидцы.

Первый урок рисования состоялся на другой день в четвертом отделении. «Крокодил» вошел в класс и, пройдя к учительскому столу, поставил на него карельской березы ящичек с карандашами и вылитый из гипса «усеченый конус».

При его входе встало человек пять, а остальные решили испытать отношение нового педагога к дисциплине и остались сидеть, Крокодил никому замечания не сделал, а, выложив из ящичка груду разнокалиберных карандашных огрызков, сказал:

— Возьмите себе по карандашу.

Каждый подошел к столу и выбрал огрызок подлиннее и получше. На столе осталось еще штук 25 карандашей.

Япошка, страдавший какой-то чувственной любовью к предметам канцелярского обихода — карандашам, перьям, бумаге, подмигнул Янкелю и, вздохнув, шепнул:

— Смачно.

— Д-да,—поддакнул Черных, жадно оглядев карандашную груду.

— Приготовьте бумагу, — скомандовал преподаватель.

— Новое дело, — возмутился Воробей, — что мы свою бумагу будем портить, что ли?

— Факт, — поддержал Пантелеев, — тащите из халдейской — там этого добра имеется.

— Верно? — спросил Крокодил. — У вас такой порядок?

— А то как же иначе.

Крокодил пошел в канцелярию.

Как только дверь захлопнулась, Япошка, Янкель, а за ними и все остальные ринулись к столу.

Через секунду от карандашной груды на столе осталась жалкая кучка в 5 — 6 «советских», рвущих бумагу карандашей.

Возвратившись с бумагой, Крокодил не заметил расхищения. Он роздал бумагу и, поставив на верх классной доски усеченый конус, предложил воспитанникам нарисовать его.

Имевшие склонность к изобразительным искусствам принялись рисовать, а остальные, вынув из парт книжки, углубились в чтение.

Книги читали самые разнохарактерные...

... Янкель мысленно перенесся в Нью-Йорк и там на Бруклинском мосту вместе с «гениальным сыщиком Нат Пинкертоном» сбрасывал в воды Гудзонова пролива двенадцатого по счету преступника...

... Японец переходил от аграрной революции к перманентной, и, не соглашаясь с Каутским, по привычке даже в уме пошмыгивал носом...

... Пантелеев сочувственно вздыхал, ощущая острую жалость к коварно-обманутой любовником «Бедной Лизе», а Джапаридзе дрался в горячей схватке на стороне отважных мушкетеров, целиком погрузившись в пухлый том романа Дюма...

Класс разъехался в разные части света: кто к индейцам в прерии, кто на северный полюс. Звонка не услышал никто, и к настоящей жизни из мира грез призвал лишь возглас Крокодила:

— А где же карандаши?

Никто не ответил.

— Где же карандаши? — повторил педагог.

Опять никто не ответил. Воспитанники разбрелись по классу и не обращали внимания на воспитателя.

— Отдайте же карандаши! — с ноткой отчаяния в голосе уже прокричал Крокодил.

— Пошел ты, — пробасил Купец, — не зевай, когда не надо.

Ребята рассмеялись.

— Не зевай, Крокодил Крокодилович, — сказал Сашка Пыльников и хлопнул воспитателя по плечу.

— Ах, так, — закричал Крокодил... — так я вам замечание запишу в «Летопись». Мне Виктор Николаевич сказал — будут шалить, записывайте.

— Ни хрена, — возразил Ленька Пантелеев. — Всех не перепишете.

— Нет перепишу, — ответил уже дрожавший от негодования Крокодил... — Я вам коллективное замечание напишу... Колл-л-ективное замечание, — повторил он и, осененный этой мыслью, сорвался с места и, схватив усеченый конус и пустой ящичек, выбежал из класса.

«Коллективное замечание» он действительно записал:

«Воспитанники IV отделения похитили у преподавателя карандаши и отказались их возвратить, несмотря на требования учителя».

Викниксор заставил класс возвратить карандашные огрызки и оставил все отделение на два дня без прогулок.

Класс озлобился.

— Ябеда несчастный, — кричал Японец в набитой до отказу верхней уборной...

— Ябеда. Фискал. Крокодил гадов.

— Покрыть его!.. — предложил кто-то.

— В темную.

— Отучить фискалить.

Решили крыть.

Вечером, когда Айвазовский вошел в класс, ему на голову набросили чье-то пальто, кто-то погасил электричество, затем раздался клич.

— Бей!..

И с каждой парты на голову несчастного халдея полетели тяжеловесные книжные тома.

Кто-то загнул по спине Айвазовского поленом. Он закричал жалобно и скрипуче:

— Ай! Больно!

— Хватит, — крикнул Японец.

Зажгли свет. Крокодил сидел за партой, склонив голову на руки... Со спины у него сползало старое, рваное пальто.

Злоба сразу прошла, — стало жалко плачущего избитого халдея.

— Хватит, — повторил Япошка, хотя уже никто не думал продолжать избиение.

Айвазовский поднял голову. Лицо сорокалетнего мужчины было мокро от слез. Жалость прошла, — стало противно.

— Тьфу... — плюнул Купец. — Как баба какая-то ревет. А еще халдей... У нас Бебе и тот не заплакал бы... Таких только бить и надо.

Айвазовский жалко улыбнулся и сказал:

— Ладно, — пустяки.

Стало еще жалостнее... стало стыдно за происшедшее...

— Вы нас простите, Сергей Петрович, — хмуро сказал Японец. — Запишите нам коллективное замечание для формы, а как человек — простите.

— Ладно, — повторил Крокодил. — Я вас прощаю и записывать никогда не буду.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Вот это человек, — сказал Пантелеев. — Бьют его, а он прощает. Прямо Христос какой-то, а не халдей.

Айвазовский встал.

— Ну, я пойду...

Дойдя до дверей и открыв их, он вдруг обернулся и, побагровев всем лицом, закричал:

— Я вам покажу, дьяволы... Я вам... Сгною! — проревел он и выбежал из класса.

Поведение Айвазовского возбуждало всеобщую злобу. Случай с «христианским прощением» нашел отклик: крокодила покрыли и в третьем отделении.

Кипчаки избили его основательно и, когда он попытался разыграть и у них умилительную сцену «всеобщего прощения», добавили еще и «на орехи». Били не книгами, а гимнастическими палками и даже кочергой. На оба отделения сыпались замечания, все воспитанники этих отделений сидели в IV и в V разрядах.

В ответ на усиление наказаний разгоралась и большая буза... Крокодил не успевал отхаживать синяки.

В «Летописи» тех дней попадались записи такого рода:

«Еонин и Королев не давали воспитанникам старшей группы покоя в продолжение нескольких часов, кричали, смеялись, разговаривали, всячески ругали воспитателя, называя его всевозможными эпитетами, особенно Королев, который подходил к койке воспитателя, стараясь его ударить, придавить и т. п.».

Или:

«Ерофеев в спальне говорил Еонину, спрашивая у него: «Дай мне сапог, я хочу ударить им воспитателя».

Или:

«Кто-то из воспитанников бросил сапогом в воспитателя при общем единодушном одобрении учеников старшей и третьей группы».

Обилие замечаний в «Летописи» заставило задуматься педагогический совет школы, а в частности и Викниксора. Нужно было найти что-нибудь, что бы отвлекало воспитанников от бузы и помогало им выйти из бесконечного V разряда.

И Викниксор придумал.

Однажды за ужином он заявил:

— Ребята... До сих пор у нас были только плохие замечания... Сейчас мы вводим и хорошие замечания... Каждый ваш хороший поступок будет записываться в «Летопись».

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uspic.ru/

Плюс на минус равняется нулю... Хорошее замечание уничтожает плохое.

Шкида радовалась; но недолго.

Вскоре оказалось, что хороший поступок — определение неясное.

В тот же день Офенбах, полгода не бравший в руки учебника географии, вызубрил наизусть 18 страниц «Европейской России»...

Хорошего замечания он не получил, так как оказалось, что учить уроки — вещь хорошая, но не выдающаяся, — учиться и без замечаний надо... Все упали духом, а Офенбах, не имея сил простить себе сделанной глупости, со злобы избил Крокодила.

Тогда Викниксор нашел выход.

— Хорошим замечанием, — сказал он, — будет считаться всякая добровольная работа по самообслуживанию, — мытье и подметанье полов, колка дров и прочее.

Шкида взялась за швабры, пилы и мокрые тряпки, принялась «заколачивать» хорошие замечания.

Воспитатели записывали замечания, часто без проверки. Это навело хитроумного и изобретательного Янкеля на идею.

Однажды он подошел к Крокодилу и сказал:

— Запишите мне замечание, — я уборную вымыл.

Айвазовский тотчас же сходил в канцелярию и записал: «Черных добровольно вымыл уборную».

Янкелю это понравилось. Через полчаса он опять подошел к Крокодилу.

— Запишите — я верхний зал подмел.

Крокодил недоверчиво посмотрел на воспитанника, но все-таки пошел записывать. Янкель, обремененный десятком плохих замечаний, обнаглел:

— Я и нижний зал подмел, — крикнул он вслед уходящему Айвазовскому, — запишите отдельно.

Монополизировать изобретение Янкелю не удалось... Скоро вся Шкида насела на Крокодила. В день он записывал до 50 штук хороших замечаний.

Шкида выбралась из пятого разряда и уже подумывала пробираться к первому, когда Викниксор, заметив злоупотребления с Крокодилом, запретил последнему записывать комулибо «плюсные» замечания.

К этому времени относится и появление «индульгенций».

Вечно избиваемый, оплеванный Крокодил дошел до последней степени падения. Когда его избивали, он просил, умолял, чтобы его не били, извинялся...

Плохие замечания записывал лишь в крайних случаях.

Тогда Еошка придумал следующую вещь:

— Мы знаем, — сказал он, — что вам записывать плохие замечания велит Викниксор, — иначе вы не стали бы халдейничать, побоялись...

— Да, я принужден записывать, — согласился Айвазовский.

— А поэтому, — заявил Япошка, — и я предлагаю следующее: за каждое ваше замечание вы будете выдавать нам бумажку, индульгенцию, предъявитель которой может вас в любой момент избить без всякого с вашей стороны противоречия.

Не смевший пикнуть в присутствии Купца Крокодил беспрекословно согласился.

Каждый раз, записав замечание, он выдавал записанному им воспитаннику бумажку такого содержания:

«ИНДУЛЬГЕНЦИЯ.

Предъявитель сего имеет право избить меня в любой день и час, когда я свободен и не в канцелярии.

С. П. Айвазовский».

Текст и форму «индульгенции» составил Японец. Он же первый получил индульгенцию, но избивать Крокодила не стал и бумажку спрятал.

Айвазовский вошел в класс.

— К вам дело, — заявил Японец.

— Какое дело? — спросил Крокодил, усаживаясь на свое место.

Японец подошел к нему, вынул из кармана пачку бумажек и, сосчитав их, положил на стол.

— Двадцать восемь штук, сэр, — сказал он.

— Это что? — прошептал Крокодил, побледнев.

— Индульгенции, милый друг, индульгенции, — ответил Японец. — Ну-ка подставляй спину.

Педагог не сказал ни слова, с тоской посмотрел на Купца и нагнул спину. Под дружный хохот класса Японец отстегал 28 ударов.

За ним вышел Цыган.

— У меня меньше ,— сказал он, — двадцать шесть штучек только.

Он отхлопал 26 ударов.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Потом вышел Купец. При виде его Крокодил задрожал:

— Ну, — пробасил Купец, — нагинайся. — Он ударил кулаком по спине несчастного халдея.

Крокодил взмолился:

— Не так сильно. Больно ведь!

Все сгрудились около стола... Офенбах замахивался в восьмой раз, когда возглас у дверей заставил ребят обернуться:

— Довольно...

У стены стоял Викниксор. Он стоял уже больше минуты и с изумлением смотрел на творящееся.

— Довольно, — повторил он, — сядьте на места.

Потом взглянув на оправлявшего пальто Крокодила, он сказал:

— Вы мне нужны, — на минутку...

Айвазовский встал и вышел за Викниксором из класса.

Больше Шкида его не видала.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.

Весна на крыше. — Вандализм. — Генрих Гейне. — Засыпались. — На гопе. — Мефтахудин в роли сыщика. — Золотой зуб. — Маркс или сапоги.

Солнечные зайчики бегали по стенам. В открытое окно врывался и будоражил молодые сердца шум весенней улицы. Сидеть в четырех стенах было невозможно.

Сашка Пыльников и Ленька Пантелеев вышли на двор.

На дворе кипчаки играли в лапту, и рыжая Элла, примостившись на бревне, читала немецкий роман.

На дворе было хорошо, но сламщикам хотелось уйти от шума, где-нибудь полежать на солнышке и поговорить.

— Полезем на крышу, — предложил Сашка.

По мрачной, с провалами лестнице они взобрались на крышу полуразрушенного флигеля. После темного чердака резкий свет заставил их зажмурить глаза.

— Вот это — лафуза, — прошептал Сашка.

На крыше только-что стаял снег. Лишь местами в тенистых прикрытиях он серел небольшими пятнами... Ржавое железо крыши еще не успело накалиться, но было теплым и приятным, как плюш.

Товарищи легли на скате, упершись ногами в края водосточного жолоба, заложив руки за голову... Ленька закурил. Минут пять лежали молча, не шевелясь. Умильно улыбались и, как котята, жмурились на солнце.

— Хорошо, — мечтательно прошептал Сашка. — Хорошо. Так бы и лежал и не вставал.

— Ну нет, — ответил Пантелеев, — я бы не согласился лежать все время. В такой день побузить хочется, — распоясаться...

Он вдруг выпрямился и, нагнувшись к Сашке, ударил его широкой ладонью по животу. Сашка завизжал, завертелся, как вербная теща, и, схватив за шею Пантелеева, повалил его на себя.

Равные силы сверстников заставили их полчаса бороться за первенство. Наконец Пыльников победил. Прыгая около лежащего на лопатках Пантелеева, он кричал:

— Здорово. В один хавтайм уложил чемпиона мира.

Пантелеев улыбался широкой калмыцкой улыбкой и хрипел:

— Нечестно. На шею надавил, а то бы...

Лежать уже не хотелось... Меланхоличность Сашки сошла на-нет, и он уже отплясывал гопака по дряблой крыше флигеля.

Под ногу ему подвернулся камень. Сашка схватил его и, размахнувшись, пустил в небо. Острый камень со свистом проделал параболу, скрылся из глаз и ударился где-то далеко, на чужом дворе.

— Смачно, — воскликнул Ленька и принялся искать камень, чтобы не ударить лицом в грязь. Камня на крыше не оказалось, и Ленька полез через слуховое окно на чердак. Через минуту он вернулся с полным подолом красного кирпичного щебня.

— А ну-ка?! — Черная точка взлетела к небу и погасла. За ней другая...

— Так кидаться не интересно, — сказал Сашка... — Надо цель какую-нибудь найти.

Он сел к краю крыши и заглянул вниз.

Внизу узкий проход между двумя стенами занимала помойная яма. Параллельно флигелю вытянулось одноэтажное здание прачечной.

Солнце ломало лучи о высокий остов флигеля и золотило верхние рамы окон.

Сашка минуту посидел на корточках, как зачарованный, глядя на сверкающие стекла, потом протянул руку, взял камень и, не сходя с места, бросил им в стекло.

Стекло треснуло, зазвенело и рассыпалось бриллиантами.

Сашка поднял голову. Ленька стоял возле него и, не сводя глаз, молча смотрел на зияющий осколок свежей пробоины. Потом он взял камень, нацелился и выбил остаток стекла верхней рамы.

... Кидали долго, ни на минуту не останавливались, бегали на чердак за свежим запасом щебня, бросали целые кирпичи. Когда в окнах прачечной не осталось ни одного стекла, товарищи переглянулись.

— Ну, как? — глупо спросил Ленька.

— Дурак, — буркнул Сашка, заглядывая вниз.

Солнце, как и раньше, улыбалось широкой улыбкой, в воздухе играла весна, но на крыше почему-то стало неуютно;

СОЮЗ НИМ В. Г. Белинского http://booksurarc.ru/

уже не хотелось валяться на скате и прижиматься щекой к теплому плюшу.

— Хряем вниз, — сказал Пыльников.

Когда они спускались по мрачной лестнице, Ленька выругался и сказал:

— ... Наплевать... Не узнают... Никто не видел.

Сашка ничего не ответил, только вздохнул. Незаметно вышли во двор. Малыши все еще играли в лапту. Серый мяч, отлетая от плоской доски, прыгал в воздухе. Эланлюм сидела на бревнышке и, отложив книгу, мечтательно рассматривала барашковое облачко на синем небе... Ленька и Сашка подошли к ней и, попросив разрешения, уселись рядом на пахучую сосновую поленицу.

— Где вы были? — проницательно оглядев питомцев, спросила Элла.

Ленька перекинулся взглядом с Сашкой и ответил:

— В классе, Элла Андреевна.

— В классе? Что ж вы там делали?

— Ельховский пыль стирал. Он дежурный, а я...

Ленька вдруг притворно смутился.

— А ты что?

— А я, Элла Андреевна, сейчас над переводом из Гейне работаю...

Эланлюм удивленно вскинула глаза, потом улыбнулась.

— Правда? Гейне переводишь? Молодец. Ну, что ж выходит?

Ленька Пантелеев заврался.

— Очень даже выходит. Я уже сто двадцать строк перевел.

Он чувствовал, что Сашка смотрит на него и делает какие-то знаки глазами, но повернуться не мог.

— Я вообще немецким языком очень интересуюсь, — продолжал он. — Прямо мания какая-то — германофильство.

Вестфальское лицо Эланлюм расцвело.

— Я и из Гёте переводы делаю, Элла Андреевна.

Для Эланлюм этого было достаточно.

— Ты должен показать мне все эти переводы. И почему вообще ты раньше не показывал их мне.

Пыл разглагольствования внезапно сошел с Леньки... Он вдруг ни с того ни с сего насторожился и, пробормотав: «Кажется Япошка зовет». Быстрыми шагами пошел со двора.

За ним ринулся и Сашка.

Когда они поднимались по лестнице в Шкиду, Сашка спросил:

— Зачем ты врал о всяких Гейне и Гете? И откуда ты выкопаешь переводы?

Ленька не знал, зачем он врал, и не знал, откуда выкопает переводы.

— Скажу, что сжег, — успокоил он сламщика.

В классе были Япошка и Кобчик. Они ходили в Екатерингоф купаться. Пришли мокрые и веселые. Сейчас они сидели за партой и о чем-то беседовали. Япошка, по обыкновению, шмыгал носом, размахивал руками, а Кобчик возражал без горячности, но резко и визгливо.

— Ты не знаешь немецкого языка, поэтому не можешь судить, — кричал Япошка.

— И все-таки повторяю — Гейне непереводим, — визжал Финкельштейн.

Сашка и Ленька прислушались. И тут говорят о Гейне.

— Хочешь, докажу, что можно перевести Гейне так, что перевод будет не хуже оригинала? — объявил Японец.

Пантелеев сорвался с парты своей и подскочил к нему:

— Слабо, — закричал он, — слабо, перевести сто строчек Гейне и немножко Гёте.

Японец удивленно посмотрел на него и, шмыгнув носом, ответил:

— На подначку не поддамся.

— Ну, милый Еоша... — взмолился «налетчик».

Он рассказал товарищу о вранье и вытекающей отсюда запутанности положения.

Япошка забурел.

— Ладно, — сказал он, — выпутаемся. Переведу... Для меня это — пара пустяков.

Для Пантелеева снова солнце стало улыбаться, он снова услышал уличный шум и почуял весну. Вместе с ним расцвел и Сашка.

После, в компании Воробья и Голого барина, они ходили в Екатерингоф, купались, смотрели на карусели, толкались в шумной, веселой толпе гуляющих и пришли прямо к вечернему чаю.

О происшествии на крыше вспомнили, лишь укладываясь спать. Расшнуровывая ботинок, Ленька нагнулся к Пыльникову и шепнул:

— А стекла?..

Сашка ответить не успел. Дежурный халдей Костец громовыми раскатами разбудил всю спальню:

— Ерофеев, не мешай спать товарищам.

Когда Костец, постукивая палочкой, прошел в другую спальню, Сашка высунулся из-под одеяла и прохрипел:

— Пустяки.

Собрание Б.Г. Белых http://book.uraic.ru/

На другой день погода изменилась. Ночью прошла гроза, утро было радужное, и солнце заволакивали бледно-серые тучи... Но чувствовалась весна.

Пыльников и Пантелеев встали в прекрасном настроении.

За чаем Японец не на шутку ошарашил сидевшего с ним рядом Пантелеева:

— А я перевел сто двадцать строк, — шепнул он.

— Когда? — позабыв нужную предосторожность, чуть не закричал Ленька.

— Утром, — ответил Японец. — Встал в семь часов и перевел... И из Гёте два стихотворения перевел...

После чая Япошка передал Пантелееву три листа исписанной бумаги, Пантелеев тотчас же засел и переписал переводы, дабы почерк не дал повода к сомнению в его самодеятельности.

Ленька сидел у окна. Гейне вдохновил его, взбудоражил его творческую жилку. Ему захотелось самому написать что-нибудь. Окончив переписку, он засмотрелся на улицу. На углу улицы рыжеусый милиционер в шлеме-хаки улыбался солнцу и стряхивал дождевые капли с непромокаемого плаща. Чирикали воробьи, и под лучами солнца сырость тротуаров стлалась легким туманом.

Леньке захотелось описать эту картину красиво и жизненно. И он написал, как мог:

Голосят воробьи на мостовой.
Смеется грязная улица...
На углу постовой —
— Мокрая курица.
Небо серо, как пепел махры,
Из ворот плывет запах помой.
Снявши шлем, на углу постовой
Гладит дланью вихры.
У кафе — шпана:
— Папирос «Зефир», «Осман»!
Из дверей идет запах вина.
У дверей — шарабан.
Лишь одни воробьи голосят,
Возвещая о светлой весне,
Грязно-серые улицы спят
И воняют во сне.

Потом он показывал это стихотворение товарищам и Сашкецу. Всем стихотворение понравилось, и Янкель с удовольствием взял его для одного из своих журналов.

Пыльников утро провел в музее — составлял диаграмму о стилях в архитектуре. Ионические и коринфские колонны

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

увлекли его... Ни он, ни Пантелеев ни разу за все утро не вспомнили о прачечной и разбитых стеклах.

Гроза разразилась в обед.

И даже не в обед, а немного раньше. Уже за полчаса до обеда по Шкиде разгуливал слух, что в прачечной неизвестными злоумышленниками уничтожены все стекла... За полчаса до обеда двое сердец тревожно забились, две пары глаз встретились и разошлись.

За обедом, после переклички, когда дежурные разносили по столам дымящиеся миски «пшенки», в столовую вошел Викниксор.

Он вошел быстрыми шагами, оглядел ряды вставших при его появлении учеников, ни на ком не остановил взгляда и сказал:

— Сядьте.

Потом нервно постучал согнутым пальцем по виску, походил по столовой и, остановившись у стола, по привычной манере, растягивая слова, произнес:

— Какие-то канальи выбили все стекла в прачечной.

Глаза всех обедающих оторвались от стынущей пшенной каши и изобразили знак вопроса:

— Вышибли стекла в пяти окнах, — повторил Викниксор. — Ребята, это вандализм. Это — проявление дегенератизма. Я должен узнать фамилии негодяев, сделавших это.

Ленька Пантелеев посмотрел на Сашку, тот покраснел всем лицом и опустил глаза...

Викниксор продолжал:

— Это — вандализм, бить стекла, когда у нас не хватает средств вставить стекла, разрушенные временем.

Еле досидев до конца обеда, Сашка позвал Леньку:

— Пойдем, поговорим.

Они прошли в верхнюю уборную. Там никого не было. Сашка прислонился к стене и сказал:

— Я не могу. Мы действительно были скотами.

— Пойдем сознаемся, — предложил Пантелеев и закусил нижнюю губу.

Пыльников секунду боролся с собой. Он надулся, зачем-то потер щеку, потом взял Леньку за руку и сказал:

— Пойдем.

По лестнице наверх поднимался Викниксор. Когда он прошел мимо них, Пантелеев обернулся и окликнул:

— Виктор Николаевич.

Викниксор обернулся.

— Да?

Собрание Г. Г. Белинского
http://book.urfac.ru/

Отвернувшись в сторону, Пантелеев отчеканил:

— Стекла в прачечной били мы с Ельховским.

Наступила пауза.

Викниксор молчал, ошеломленный слишком скорым признанием.

— Прекрасно, — произнес он, подумав. — Можете оба отправляться домой к матерям.

Ударил гром.

Сашка подошел к окну, закрыл лицо руками и съежился.

— Виктор Николаевич, — визгливо прокричал он. — Я не могу итти. У меня мать больная... Я не могу.

Пантелеев стоял возле Сашки, стиснув зубы и руки.

— Извините, Виктор Николаевич, — начал, было, он.

— Нет, — без извинений. Отправляйтесь вон из школы, а через месяц пусть зайдут ваши матери.

И повернувшись, он зашагал в аппартаменты Эланлюм...

Пантелеев проводил его взглядом и, хлопнув по плечу Сашку, сказал:

— Идем, Недотыкомка.

— Домой я итти не могу, — сказал Сашка.

— И мне не улыбается, — хмуро пробасил Пантелеев.

Они сидели во дворе, на сосновой поленнице, где накануне разговаривали с Эланлюм.

День клонился к концу. Серые тучи бежали по небу, обгоняли одна другую и обсыпались мелкими каплями дождя.

Сашка сидел, как женщина, сомкнув колени и подперев ладонью щеку. На коленях у него лежал маленький серый узелок.

В узелке было два носовых платка, книжка афоризмов Кузьмы Пруткова и первый том «Капитала».

Сашка сжал руками узелок, поднял голову и вздохнул:

— Чего вздыхаешь? — сказал Ленька. — Вздохами делу не поможешь. Надо кумекать, что и как. Домой ведь не пойдем?

— Нет, — вздохнул Сашка.

— Ну так надо искать логова, где бы можно было кимарить.

— Да, — согласился Сашка.

Товарищи задумались.

— Есть, — сказал Ленька. — Эврика!.. В флигеле под лестницей есть каморка, хряем туда...

Они встали и пошли к флигелю. В лестнице, по которой они вчера поднимались на крышу, несколько ступенек провалилось и образовалась щель.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Товарищи пролезли через нее и очутились в узкой, темной каморке. Ленька зажег спичку... Желтоватый свет от сырости млел и мигал... Оглядев помещение, товарищи поежились.

Кирпичные стены каморки были слизисты от сырости... Коричневый мох свисал с них рваными комками... На полу были навалены старые матрацы, — рваные и грязные... Ноги вязли в серой, слипшейся от сырости мочале...

— Комфорт относительный, — сказал Пантелеев, и голос его прозвучал глухо и неприятно.

— Да, — противно спать на этой гадости, — поморщился Сашка и ткнул ногой в мочальную груду.

— Что ж делать?

Ленька, подав пример, подавил отвращение и опустился на мокрое неуютное ложе.

За ним улегся и Сашка.

Немного поговорили. Разговоры были грустные и все сводились к безвыходности создавшегося положения.

Потом заснули и проспали часов шесть. Разбудили яркий свет и грубый голос, будивший их. Сламщики проснулись и вскочили.

В отверстие на потолке просовывалась чья-то голова и рука, державшая фонарь.

— Вставай, вставай. Ишь, улыглысь...

Это был Мефтахудын.

Товарищи окончательно проснулись и сидели, уныло позевывая.

— Жалко тебе, что ли? — протянул Ленька.

— Ны жалко, а ныльзя... Выктор Николайч сказал, — обыщи вэсь дом, если сыпят — витащи.

— Сволочь, — пробурчал Сашка.

— И ваабще зыдесь спать ныльзя.

— Почему нельзя? — спросил Пыльников.

— Сыпчики ходят.

— Какие сыпчики? — удивился Сашка.

— Сыпчики... С шпалырами и вынтовками.

— Сыщики наверное, — решил Ленька. — Он нас запугать хочет.

— Нет, Мефтахудин, — обратился он к сторожу. — Мы отсюда не уйдем... Потому нам итти некуда.

Мефтахудин немного посопел, потом голова и рука с фонарем скрылись, и сапоги татарина застучали по лестнице вниз.

Товарищи снова улеглись. Засыпать уже было труднее. В каморку пробрался холод, сламщики дрожали, лежа под Сашкиным пальто и под двумя рваными тюфяками.

— Разведем огонь, — предложил Ленька.

— Что ты! — испугался Пыльников. — Тут солома и все... Нет, еще пожар натворим.

— Глупости.

Ленька вылез из-под груды матрацов и принялся расчищать мочалу, пока не обнажился грязный, каменный пол.

Тогда он положил на середину образовавшегося круга небольшой пучок мочалы и зажег спичку. Просыревшая насквозь мочала не зажигалась.

— У тебя нет бумаги? — спросил Пантелеев.

— Нет, — ответил Сашка, — у меня книги, а книги рвать жалко.

Ленька порылся за пазухой и вытащил бумажный сверток.

— Это что?

— А-а, — протянул он жалким голосом и в темноте грустно улыбнулся.

— Генрих Гейне.

Он скомкал один лист и поджег его. Пламя лизнуло бумагу погасло, задымилось и снова вспыхнуло.

— Двигайся сюда, — сказал Ленька.

Сашка подвинулся.

Они сожгли почти весь перевод Гейне, когда на лестнице раздались шаги. Ленька обжег ладони, в мгновение погасив костер.

В отверстие снова просунулась рука с фонарем и на этот раз уже две головы. Раздался голос Сашкеца.

— Эй, вы, — гуси лапчатые! Вылезайте!

Пыльников и Пантелеев прижались к стене и молчали.

— Ну, — живо!

— Лезем, — шепнул Ленька.

По одному они вылезли через отверстие на лестницу. Вылезли заспанные и грязные, облипшие мокрой мочалой и соломой.

Ничего не сказали и стали спускаться вниз.

Сашкец и Мефтахудын проводили их до ворот. Сашкец стоял, всунув рукав в рукав и ежился.

— Не хорошо, дядя Саша, — сказал Пыльников.

— Что ж делать, голубчики, — распоряжение Виктора Николаевича, — ответил Алникпоп. И, затворяя калитку, добавил: — Счастливо!

На улице было холодно и темно.

Фонари уже погасли, луны не было, и звезды неярко мигали в просветах туч.

Сашка и Ленька медленно шли по темному большому проспекту. Прошли мимо залитого огнями ресторана.

— Сволочи, — буркнул Сашка.

Они уже почувствовали голод.

Дошли до Невского. На Невском ночные извозчики ежились на козлах.

— Идем назад, — сказал Ленька.

— Стоит ли? — протянул Сашка. — Все равно спать не дадут.

— Ни чорта, — идем.

Снова пришли к зданию Шкиды.

Предусмотрительный Мефтахудын закрыл ворота — пришлось пролезать сквозь сломанную решетку, запутанную колючей проволокой.

Никем не замеченные, залезли под лестницу и заснули.

Утром по привычке проснулись в 8 часов. Когда вышли во двор, в Шкиде звонили к чаю. Нежаркое солнце отогревало землю, роса на траве испарилась легким туманом.

За дровами, — с веревкой и топором в руках, вышел Мефтахудын... Он вытер ладонями лицо, посмотрел на восток и зевнул.

Увидев мальчишек, подошел:

— Что в флыгэли начивали?

— Нет, — испугался Сашка. — Нет. Мы не в флигеле...

Мефтахудын засмеялся.

— Знаем, я сам выдел, как лазили.

Потом посмотрел на небо и добавил:

— А минэ што жалко что ли. Я свой дэла сдэлал.

Ленька хлопнул татарина по плечу.

— Знаю!

Когда Мефтахудын ушел, он предложил:

— Пойдем в Шкиду...

Они поднялись в Шкиду и прошли на кухню... Староста и дежурный напоили их чаем, позвали Янкеля и Япошку.

— Ну, как? — сочувственно спросил Японец.

— Плохо,—ответил Ленька.—Больше гопничать нельзя.— Холодно.

— Д-да, — протянул Янкель. — А вы все-таки поскулите у Викниксора, может, разжалобится.

Напившись чаю, сламщики, по совету товарищей, пошли к заведующему.

— Войдите, — крикнул он, когда они постучались к нему.

— Вам что?

— Простите, Виктор Николаевич...

— Нет... Я сказал: из школы вон. Мне таких мерзавцев не нужно.

Повернулись, чтобы уйти.

— Впрочем... Если вставите стекла, то...

— То?

— То... Можете через месяц вернуться в школу.

— Спасибо, Виктор Николаевич.

Вышли... Сделалось грустно и тяжело.

— Это что же значит, — проговорил Ленька. — Если не вставим стекла, так и совсем можем не являться. Так, что ли?

— Видно так, — вздохнул Пыльников.

— Надо мыслить, где достать денег. Стекла вставить надо.

Они снова вышли на двор.

— Идем на улицу, — сказал Сашка.

Прекрасный весенний день не доставил им обычного удовольствия. Шли медленно — куда глаза глядят.

— Что-нибудь надо продать, — сказал Сашка.

— Да, — согласился Пантелеев. — Надо что-нибудь продать... А что?

Оба задумались.

Шли мимо Юсупова сада.

— Зайдем, — предложил Ленька.

Зашли, уселись на скамейку...

В саду весна чувствовалась ярче, чем на улице. Набухали почки и на берегу освободившегося от льда пруда пробивалась первая травка.

Сламщики сидели и думали.

— У меня есть одна вещица, — покраснев, заявил Ленька.

— Какая вещица?

— Зуб.

Он снял кепку и, отогнув подкладку, вытащил оттуда что-то маленькое, завернутое в бумажку.

— Золотой зуб, — повторил он. — Я его осенью в Екатерингофе нашел... Думаю, что можно продать.

Сашка улыбнулся.

— Зачем ты его столько времени берег?

Ленька покраснел еще больше.

— Глупо, конечно, — сказал он, — но говорят, что зуб носить — счастье.

— Счастье, — усмехнулся Сашка. — Много он тебе счастья принес.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ленька решил продать зуб.

— А я что продам? — сказал Пыльников.

Он развязал узелок. Вынул Марксовский «Капитал».

— Дадут что-нибудь?

Ленька взглянул на заглавие.

— Думаю, что не дешевле моего зуба стоит.

Сашка перелистнул страницу. Потом положил книгу обратно в узелок.

— Нет, — сказал он, — Маркса продавать не могу... Я лучше сапоги продам.

Сапоги у него были новенькие, английские. Брат зимой привез, когда приезжал навещать.

— Продам сапоги, — решил Сашка.

Он тут же снял ботинки и завернул их в узелок.

— Идем, — сказал он.

Они вышли из сада. Сашка с прошлого лета не ходил босиком и сейчас шел неуверенно, подпрыгивая на острых камнях.

Сперва зашли в ювелирный магазин.

Толстый еврей-ювелир долго рассматривал зуб, сначала простым, затем вооруженным глазом, потом посмотрел на парней и спросил:

— Откуда у вас это?

— Нашли, — ответил Ленька.

Ювелир минуту раздумывал, потом бросил зуб на чашку миниатюрных весов и, не спрашивая о цене, вынул и положил перед товарищами бумажку в 5 «лимонов».

— Мало, — сказал Пантелеев.

Ювелир взял бумажку, чтобы спрятать.

— Ладно, давай, — проговорил Ленька и, спрятав денснаки в карман, вместе с Сашкой вышел из магазина.

— Спекулянт чортов! — буркнул он.

Из магазина прошли на Александровскую толкучку, где за 10 лимонов продали первому попавшемуся маклаку Сашкины английские ботинки.

В Шкиду поехали на трамвае: устали за сутки и имели возможность позволить себе роскошь.

К Викниксору в кабинет вошли без всякой робости.

— Опять? — спросил тот. — В чем дело?

— Получите за ваши стекла, — сказал Ленька и выложил перед завшколой 15 миллионов рублей.

Викниксор посмотрел на бумажки, потом сел к столу и написал расписку.

— Возьмите, — хмуро сказал он.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Потом смягченным тоном добавил:

— Через месяц приходите.

Сламщики вышли.

— Куда итти? — тихо спросил Сашка.

— Домой, — ответил Ленька, — больше итти некуда.

Сходили в класс, попрощались с товарищами и разошлись— один на Мещанскую, другой на Васильевский Остров.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ЮНКОМ.

Три тени. — Череп во тьме. — Заседание в подпольи. — Блуждающий огонек. — Тревога Мефтахудына. — Облака. — Юнком. — Ищейки из ячейки. — Кто кого. — Зеленое кольцо.

— Тсс. Тише.

— Ни звука.

Три тени, бесшумно скользя, вышли на парадную лестницу и минуту прислушивались. В Шкиде было тихо. Ребята уже спали, и только изредка тишину нарушал шорох возившейся под полом крысы.

— Ну, идем. Нас уже ждут, — опять раздался шопот, и три таинственные тени начали спускаться по лестнице вниз, осторожно держась за перила и стараясь не производить шума.

Мелькнул просвет парадной двери, выходившей на улицу, но за ненадобностью вечно закрытой.

Таинственные фигурки минуту потоптались на месте, словно совещаясь, и, наконец, решившись, тихо стали прокрадываться под темный свод лестницы. Непроницаемая безмолвная мгла поглотила загадочных пришельцев. Они шли наощупь, держась за холодные выступы ступеней и удаляясь все дальше от света. Тусклый просвет парадных дверей поблек вдали, и зеркальные окна замутились и посерели, едва виднеясь матовыми пятнами. Вдруг передняя тень вздрогнула и отпрянула назад.

— Смотрите!

Прямо со стены глядело страшное квадратное словно фосфорическое пятно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Но другой из пришельцев более храбрый, успокоил:

— Ведь это трансформаторная будка. Бояться нечего!

Почти тотчас же откуда-то сбоку из темноты раздался глухой голос:

— Пароль!

— Четыре сбоку! — ответила первая тень.

— Ваших нет. Проходите, — донеслось снова из темноты, и перед таинственными пришельцами раскрылась дверь в слабо освещенное помещение.

Это был дровяной сарай Мефтахудына, куда он укладывал дрова перед тем, как распределять их по печкам.

И сейчас в сарае было еще немного дров, разложенных рядами у стенок, на которых сидели три темные сгорбившиеся фигуры.

При появлении новых пришельцев сидевшие приветствовали их громкими криками:

— Урра. Пришли. Пыльников! Кобчик!

— Кубышка и ты!

— А что же я-то—рыжий... Я тоже хочу работать в вашей организации!

В сарае шесть человек расселись на дровах и, закрыв плотно двери, замерли.

Кроме пришедших там были Янкель, Японец и Пантелеев, совсем недавно вернувшийся в Шкиду после скандального изгнания из школы за битье стекол.

Ребята посовещались минуту, потом Японец встал и заговорил, подняв руку.

— Внимание. Сегодня мы открываем второе собрание нашей подпольной организации РКСМ, но так как у нас есть два новых члена, коими являются Кубышка и Кобчик, то я кратко изложу им нашу программу и причины, побудившие устроить эту организацию.

Японец откашлялся.

— Итак, товарищи, вы знаете, что наша Шкида считается домом дефективных, поэтому ячейку Комсомола нам открыть нельзя. Но среди нас есть желающие подготовиться к вступлению в Комсомол по выходе из Шкиды и поэтому мы организовали этот кружок для изучения политграмоты и марксизма. Мы не имеем руковода опытного и деятельного, как Кондуктор, который уехал от нас уже почти три, если не четыре месяца назад на работу в деревню. Кроме того, вы знаете, что мы много раз просили Викниксора выхлопотать нам нового политграмщика, но до сих пор он даже и не подумал об этом. Нам осталось одно — заниматься самим. Мы не знаем, как бы

посмотрел на это Викниксор, да и проще говоря не желали затягивать дела переговорами и поэтому решили открыть этот подпольный кружок. Пока у нас занятия узко-специальные, сейчас мы проходим историю революционного движения среди молодежи, а дальше будет видно.

Япошка замолчал и повел взором по окружающим, потом, смахнув рукой пот с лица, он перешел к лекции. Как более осведомленный и более начитанный, он взял на себя роль лектора и работал очень добросовестно, тщательно подготовляясь к каждой лекции.

— Итак, перейдем дальше. В прошлый раз мы с вами разбирали зарождение союза молодежи и дошли вплоть до раскола буржуазного «Труд и свет». Теперь мы проследим зарождение и постепенный рост нашего союза рабочей молодежи...

Аудитория слушала. Пятеро ребят с бритыми головами жадно уставились на лектора и, затаив дыхание, ловили слова. Угольная лампочка, облепленная наросшей паутиной, словно улыбалась близоруким глазом, слабо освещая «подпольную организацию», облупившиеся стены, и силилась заглянуть в окно на двор.

— Ребята, завтра четвертая лекция. Сбор в ломаном доме. Приносите свечки.

Новое место сбора было предложено Пантелеевым и Пыльниковым, в свое время хорошо изучившими его. Они были одними из первых и самых активных слушателей кружка и поэтому первые откликнулись на призыв и сбегали в церковь, где наворовали огарков. Вернувшись, они гордо выложили огарки.

— Вот.

Пантелеев и Пыльников даже не считали это воровством, а спокойно и просто причислили кражу огарков к антирелигиозной пропаганде.

Сбор был назначен по обыкновению на двенадцать часов ночи, когда все уснут.

Летний день для Шкиды утомителен. Слишком много движения, слишком много уроков, кроме того, охота сходить выкупаться, поиграть в рюхи и в футбол. В результате к вечеру полная усталость. Сразу погрузились в сон спальни, и опять забегали таинственные тени.

Ночной дежурный — Янкель. Он свободно выпускает «заговорщиков» из здания и потом уходит сам. Оживились развалины двухэтажного дома. Под лестницей в дыре светлячками вспыхнули огоньки. Тени собирались опять.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Пароль.

— Деньги ваши.

— Будут наши. Проходи, — слышится голос невидимого стража.

Сегодня в кружке новый член — Воробей. Уже семь человек.

— Как бы не засыпаться! Много отсутствует, — высказывает предположение Янкель, но под негодующие окрики замолкает.

— Сегодня, товарищи, мы перейдем к разбору третьего съезда, который знаменует собой новый поворот к мирному строительству.

Кружок притих и внимательно слушал, сбившись вокруг мерцающей свечки.

Ночь выдалась мягкая, но с ветерком.

Мефтахудын в дворницкой повторил наизусть русскую азбуку, иногда сбиваясь и заглядывая в букварь. Наконец, зевнув, оглядел кровать и стены.

— Пора спать, — громко произнес он и вышел на двор, чтобы сделать последний обход. В подворотне тихо посвистывал теплый ветер и словно целовал, ласкал щеки Мефтахудына, огрубевшие, с жестокой шерстью. Татарин размяк и пришел в восторг:

— Ай и пагодка. Якши. Очень харашо.

В восторженном настроении он тихо зашагал по двору, осматривая двери и мурлыкая под нос родную песню:

Ай джанай
Каласай
Сэкта, сэкта
Менела-а-ай.

Вдруг Мефтахудын смолк и насторожился, уставившись серыми глазами в развалины. Оттуда явственно слышались голоса. Татарин подошел ближе к двери и вдруг отскочил.

— Эге-ге. Бандиты!

Голоса доносились из сырого помещения, глухие и незнакомые, а на стене прыгали зайчики дрожащего света. Мефтахудын минуту соображал, потом неслышно отошел и заторопился обратно. Так же торопливо он взбежал по черной лестнице наверх и помчался к Викниксору. Минуту спустя заведующий и Алникпоп, дежуривший эту ночь, спускались по черной лестнице, а Мефтахудын возбужденно рассказывал:

— Гляжу, свет, слышу — говорят. Эге-ге, думаю, супчики, бандиты. Мефтахудына не проведешь, и к вам бежал скоро-скоро.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Трое осторожно подкрались к разрушенному дому. Викниксор вошел первый, поднялся на несколько ступеней и, заглянув в сырой коридор, замер от удивления.

Он увидел прежде всего возбужденное лицо Япончика, освещенное желтым светом свечки, потом уже разглядел других. Викниксор прислушался.

— Одной из главных задач четвертого съезда союза молодежи было улучшение экономического положения рабочих подростков. На заводах шли массовые сокращения молодежи, как малоквалифицированной силы. Нужно было забронировать подростков, поднять квалификацию. На это главным образом и обратил внимание четвертый съезд РКСМ.

Вдруг монотонный голос Япончика перебил грубый голос из темноты:

— Вы что тут делаете?

Семь голов разом повернулись, и глаза впились в темноту, из которой выплыло лицо Викниксора.

Кто-то сразу понял, что запорались, и крикнул:

— Спасайся!

Но бросившиеся к дыре в лестнице отпрянули назад. Оттуда улыбалось выглядывавшее скуластое лицо Мефтаху дына.

— Попались, супчики!

Ребята остановились в растерянности, не зная, что делать.

— Что вы тут делаете?

— Ничего... так... тепло... ну, мы и вышли посидеть... — растерянно лепетал Япончик, теребя листы истрепанной политграмоты.

Викниксор заметил книгу и, взяв ее из рук растерявшегося лектора, перелистал задумчиво, потом коротко бросил:

— Марш спать.

Опустив головы, словно преступники, кружковцы прошли мимо Сашкеца, а тот укоризненно качал головой и бормотал:

— Ах, гуси лапчатые... Ах, гуси.

На другой день Викниксор все знал. Достиг он этого простым путем, пришел в класс и стал мягко расспрашивать. Собственно, ребятам скрывать было нечего, и только испуг и необычайная обстановка обескуражили их ночью, но сегодня все спокойно рассказали и даже сами смеялись вместе с заведующим над своей «подпольной работой».

Потом Викниксор весь день ходил задумчивый и вечером неожиданно сообщил классу:

Центральная библиотека имени Свердлова

— Я протестовать и не думаю даже. Наоборот, я иду навстречу. Вы не можете создать ячейку РКСМ, но вы можете организовать свой кружок, свою ячейку местного характера, в которой, не будучи членами Комсомола, вы, однако, наравне со всем союзом, будете вести учебу и даже больше того — вы, как передовые, поведете по пути коммунистического воспитания всю школу. Организуйтесь, придумайте кружку название и беритесь за дело. Помещение у вас будет. В ваше распоряжение я отдаю наш музей. Кстати вы будете и вести его и подбирать экспонаты и все школьные журналы.

Шкидский музей родился давно и незаметно, после бешеной журнальной лихорадки. Журналы эти были первыми вкладами в музей. Потом туда стали отбирать ученические работы и учетный показательный материал. Вскоре получился солидный архив.

В тот же вечер по уходе Викниксора ребята созвали экстренное собрание.

— Ребята! — ораторствовал Японец, — задачи нашего коллектива, нашей ячейки остаются прежние, что и в подполье, но теперь прибавляются новые. Вовлечение других и развертывание работы в общешкольном масштабе. Надо придумать название кружку.

— Красная Звезда.

— Знамя.

— Коммунар.

— Юный коммунар.

— Правильно. Юный коммунар. И сократить в «Юнком».

— Сократить в «Юнком».

— Дашь «Юнком».

Голоса разделились. Проголосовали. Большинство оказалось за «Юнком». Тут же избрали редколлегию для своего органа, в которую вошли Японец, Янкель и Пантелеев.

А на следующее утро уже вышел первый номер стенгазеты «Юнком» с передовицей, извещавшей об открытии новой организации. В декларации говорилось о многом, а в конце крупным шрифтом поместился призыв о вступлении в Юнком. Но начало оказалось тяжелым. Скоро юнкомцам, еще не завоевавшим авторитета в школе, уже пришлось проводить один из пунктов своей декларации. Они сказали, что будут бороться с воровством в школе.

Мелкие кражи в Шкиде совершались довольно часто. То полотенце исчезнет, то наволочка пропадет.

Собрание им. В.Г. Белинского http://book.uric.ru/

И вот исчезли сапоги. Когда утром шкидцы по обыкновению вскочили по звонку с постелей, второклассник Андронов сделал печальное открытие.

— Ребята. У меня сапоги тиснули, — скорбно проскулил он, болтая босыми ногами.

Спальня загудела.

— Врешь!

— Сам заначил!

За чаем Викниксор грозил и стыдил ребят, а потом вдруг обратился к старшим.

— Вот первое боевое крещение Юнкома. Юнкомцы, это — сознательные, передовые ученики. Сейчас вы и должны доказать свою сознательность. Я не буду искать преступника. Вы сами найдите его и сами его осудите, а чтобы я знал о том, что сделано, представьте мне украденные сапоги.

Юнкомцы встревожились, но, обсудив, согласились со словами Викниксора. Надо было бороться с воровством.

Сперва сознательностью пробовали воздействовать на массы, но Шкида дала Юнкому отпор не потому, что поддерживала воров, а просто не взлюбила юнкомцев, считая их выскочками и подлизами. Тем более, что нашлись подстрекатели в лице Цыгана, которого юнкомцы обошли при создании организации, и новичка — силача Долгорукого.

Оба они подружились и теперь вместе решили показать Юнкому свою силу. Цыган ехидно посматривал на тщетные старания юнкомцев убедить ребят искать вора и посмеивался. Попытка организовать ребят юнкомцам не удалась, однако они решили добиться своего.

— Что же делать? — уныло бурчал Янкель.

— Как что? Будем сами искать, — загорячился Джапаридзе, только-что вступивший в Юнком и теперь решивший проявить себя.

Грузина поддержал и Пантелеев, сразу вдохновившийся идеей сыска.

— Факт, будем сами искать. Все печки обыщем, а найдем.

Делать ничего не оставалось, и ребята бросились на поиски.

Начали с верхнего этажа. Неистовавшая пара особенно старалась.

— Посмотри в отдушину-то, — деловито говорил Ленька, а Дзе залезал рукой, шарил и вынимал груду сажи. Отношение школы к юнкомцам все ухудшалось. Кто-то перелицевал слово «ячейка» в «ищейка» и несчастных «сознательных», лазивших по печкам, дразнили ищейками. Однако к вечеру

Собрание Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сапоги нашлись. Нашли их внизу в камине. Вечером ребята собрались в помещении Юнкома и совещались.

— Плохо дело. Большинство против.

— Надо завоевать и перетянуть массы на свою сторону.

Вдруг раздался стук в двери. Японец, предусмотрительно заперший дверь на ключ, подошел и, взявшись за ручку, спросил:

— Кто там?

— Открой! — раздался голос Цыгана.

Япошка нерешительно оглянулся на ребят.

— Не открывай! — рассвирепел Янкель.

— Он нас, паскуда, травил сегодня. Скажи ему, что не желаем с ним разговаривать.

— Правильно, — поддержали и остальные, но Цыган стучался и злобно кричал. Потом он ушел, а минуту спустя вернулся с Долгоруким. Оба начали ломиться в дверь.

— Открывай, сволочи, а то изобьем всех! — кричал разъяренный Цыган, но Юнком твердо решил выстоять осаду. Вся ячейка дружно уперлась в двери и стойко выдерживала натиск. Наконец Цыган отступил, видя бесполезность борьбы, а затем и ушел.

Джапаридзе первый облегченно вздохнул.

— Ну, и дела! Надо что-нибудь предпринять.

— Есть, — оживился Пыльников.

— Создадим читальню для всех.

— Правильно.

— Книги наскребем ото всех понемногу.

Юнком вдохновил ячейку, и все работали со старанием. Неделю спустя, придя из отпуска, Янкель принес около пуда журналов, которые он любил собирать, а Пантелеев почти такую же по весу пачку книг самого разнообразного характера, начиная от сказок и кончая бульварными романами. Все это тщательно рассортировали и, прибавив несколько книг Финкельштейна и Пыльникова, разложили на большом столе, а вечером Янкель за вечерним чаем пригласил желающих провести вечер за полезным чтением. Комната Юнкома, как брюхо голодного, проглатывала одного за другим из шкидцев. Скоро все места были заняты. Юнкомская читальня понравилась многим. Там стояла мягкая мебель и чувствовался уют и комфорт, который так стремились дать устроители. То и дело слышались разговоры.

— Не плохо.

— Что не плохо?

— Устроились-то юнкомцы.

— Да. И почитать есть что.

Журналы читались бойко, нарасхват, и скоро читальню полюбили. Правление Юнкома, назвавшее себя Цека, уже задумывалось о расширении работы. Скоро стал расти и количественный состав ячейки. Приходили из первого и второго отделения и записывались в Юнком. Надо было уже браться за серьезную работу, и тогда было созвано большое открытое собрание ячейки, на котором присутствовали семнадцать членов и кандидатов Юнкома.

Тут-то окончательно был избран центральный комитет, вернее президиум, в который вошли старейшие члены и устроители — Япошка, Пантелеев, Пыльников, Кобчик и Янкель. Тут же все члены были разбиты на две группы слушателей политграмоты — младшую и старшую, но руковдом для обеих групп остался Японец, так как ему нужна была практика в этом деле. Потом внесли новое предложение. Юнком должен организовать субботники — трудовые субботники, по переноске дров, очистке панелей, уборке мусора, пилке и т. д. Предложение приняли единогласно и в первую же субботу его осуществили, при чем к работе привлекли и беспартийных ребят.

Только оппозиция попрежнему ехидно подсмеивалась. Она уже не решалась выступать открыто, в виду большой опасности, но все же старалась уязвить юнкомцев. Ярых оппозиционеров было только трое: Цыган, Долгорукий и Бессовестин, прозванный Бессовестным, — но Юнком уже не боялся их. Он окреп и качественно и количественно.

— А ну, братва, поддай,—покрикивал Джапаридзе, пыжась над тяжелым бревном, а братва словно в раже поддавала, и бревна исчезали в сарае. Субботник прошел с подъемом, и это еще больше подхлестнуло к работе.

Солнечный июль катился цветными днями, но юнкомцам некогда было упиваться солнцем. Работа захватила крепко и надолго. Юнком разросся. Один за другим выростали новые кружки. Появился кружок рисования, литературный, политический, кроме того, еженедельно читалась устная газета. Но ярче всего расцвел Юнком, когда пришел новый педагог и воспитатель Дмитрий Петрович Тюленчик. Сперва его ребята не приняли, так как он заменял Асси, который был уволен. Все боялись, что он будет строг, кроме того, он был хромой, и это еще больше давало поводов смеяться над ним.

Сперва его за танцующую походку прозвали «Рубль двадцать», но потом, когда пригляделись ближе, то сдружились и попросту окрестили Дядей Димой.

Дядя Дима был украинец, тихий и чуть-чуть сантиментальный. Он любил свою родину и свой предмет — русский язык. В работе Юнкома он принял деятельное участие, и в скором времени литкружок Юнкома сделался самым мощным из всех кружков. Кружковцы сперва вели замкнутую работу, а когда окрепли и спаялись, то вынесли ее напоказ всем.

Литкружок стал устраивать регулярные собрания, на которых члены кружка зачитывали свои произведения. Работа все больше и больше захватывала шкидцев. За альманахами появились литературные суды над героями классических произведений, а потом литгруппа Юнкома открыла свое издательство и дала кружку название «Зеленое Кольцо».

«Зеленое Кольцо» это не просто красивые слова, это аллегория. Содружество — кольцо молодых, зеленых литераторов. И тут осуществилась мечта Японца о хорошем литературном журнале.

«Зеленое Кольцо» предприняло издание ежемесячного литературно - художественного журнала-альманаха «Аргонавты». А через некоторое время вышел первый выпуск библиотечки «Зеленое Кольцо» с нашумевшей поэмой Пантелеева о блокаде и о голоде. Лучшие шкидские критики восхваляли новую поэму за стиль, за яркость образов. Некоторые отрывки заучивались наизусть.

Лондон — Чикаго
Без остановок
Четок и звонок
Клич реклам...

Первый выпуск библиотечки «Зеленого Кольца» и содержал этот труд Пантелеева, за которым появились и другие еще более грамотные и крепкие.

Юнком твердо встал на рельсы. Оживилась комната Юнкома. Кружки занимались одновременно в четырех концах, а посредине за столом, уткнувшись в книги, сидели любители чтения. И как тогда в темную ночь,—слышались обрывки речи, но уже не придушенные и тихие, а звонкие: «Второй конгресс Коминтерна... Двадцатый год... 37 стран...»

И слушатели, затаив дыхание, внимательно вслушивались в слова лектора.

— Хорошо, — говорил Пантелееву размякавший в такие минуты Янкель, совсем недавно сделавшийся его «сламщиком».

— Хорошо, — подтверждал Ленька, оглядывая чистенькую веселую комнатку.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urai.ru/

«Коминтерн... условия вступающим партиям... разложения не должно быть... Пропаганда...»

Бьются новые слова и глубоко западают в мозг юнкомцев. Улыбается красное знамя школы, поставленное в угол, покрытое чехлом, и подмигивает весело желтенький подсолнух с двумя буквами Ш. Д. — герб республики Шкид.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«СОДОМ И ГОМОРРА».

Безвластие. — Ост-Инд-Кофе. — Сивер Долгорукий. — Первый налет. — Кутеж. — Босиком на Форде. — Два юнкомца и Пирль Уайт. — Содом и Гоморра.

Викниксор уехал в Москву на какой-то съезд работников Соцвоса. Управление республикой перешло к Эланлюм. Хотя она и была человеком с сильным характером, все же она была женщиной. Шкидцы сразу же это поняли и поняли по-своему. Они забузили. Женщина по их мнению была существом куда более безвольным, чем мужчина, да еще такой мужчина, как Викниксор. И этого было достаточно, чтобы Шкида закуралесила.

Сначала особой бузы не было, просто расхлябалась дисциплина: позже ложились спать, опаздывали в столовую и на уроки, чаще грубили воспитателям. Но вскоре нашлись ребята, которые поняли, что из положения можно извлечь выгоду. Коноводом был недавно пришедший в Шкиду Сивер Долгорукий...

Происхождения он был, по шкидским масштабам, высокого, — сын артиста, а внешности самой грубой, почему в Шкиде получил прозвище «Гужбан».

Гужбан родился в интеллигентной семье, — отец, мать и сестра его были артистами. С самых малых лет родители, привыкнув к свободной жизни богемы, отдали сына в приют для детей артистов. Там Сивер пробыл до девятилетнего возраста и уже успел показать свою натуру. В «артистическом приюте» он воровал, хулиганил. Его перевели в Царское Село, в приют классом ниже. Там он показал себя во-всю, воровал уже запоем: у начальства, у прислуги и даже у товарищей. Учился в царскосельской гимназии, но учиться не любил, лодырничал и притом проявил воровские способности; из первого же класса его выгнали. Вскоре и из приюта выгнали, — перевели в другой приют для дефективных...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Было это после революции. К этому времени Сивер Долгорукий успел навеки потерять отца, мать и сестру. Отец умер, а мать и сестра уехали неизвестно куда, забыв о нем, может быть в горячке, а может быть и намеренно.

Долгорукий пошел по дефективным приютам, из каждого вылетал за воровство, в некоторых как будто остепенялся, но, прорвавшись, шел дальше. Побывал в лавре и в конце концов попал в Шкиду. Сюда пришел с репутацией «безнадежного», но Викниксор принял его, так как не считал, что можно говорить о безнадежности парня, которому исполнилось всего только пятнадцать лет. Впрочем, возраст Долгорукого всегда и для всех оставался под сомнением. Говорил он, что ему 15 лет, а по виду казалось не меньше восемнадцати. Проверить же было невозможно, — метрики Долгорукого были утеряны, так что весьма вероятно, что он в летах привирал, может быть для того, чтобы оттянуть срок «подсудности». Во всяком случае он пришел с очень плохой славой, сразу же в Шкиде начал бузить, воровать, а тут подвернулось «безвластие», и он полностью показал свою натуру.

Гужбан был в сламе с Цыганом. Цыган, сам будучи парнем развитым, любил дружить с ребятами младших классов и притом очень часто с отъявленными негодяями. Может быть, рассчитывал уберечь их от окончательной порчи; но и сам он в моральном отношении был неособенно устойчив. Гужбан был хитрым и в то же время сильным. Только перед ним стушевывался Цыган. Долгорукий сумел подчинить его своей воле.

Однажды после уроков Гужбан зашел в четвертое отделение и позвал Цыгана:

— Идем, мне надо с тобой поговорить.

Цыган встал и вышел из класса. Они прошли в верхнее зало и уселись на подоконник.

— В чем дело? — спросил Цыган.

Гужбан осмотрелся вокруг и, прищелкнув языком, таинственно пробасил:

— Дело... Заработать можно.

— На чем?

Гужбан еще раз предусмотрительно осмотрелся.

— Кофе... — зашептал он. — Голый Барин бачил... Пеповский кофе на дворе. Там мешок стоит. Голый с Козлом дырку проколупали, фунта два в карманах унесли и чухонке за двадцать лимонов боданули... Слыхал?

СОЧИНЕНИЯ Г. Белых http://book.uraic.ru/

— Слыхал... Ну так что ж?

Гужбан нагнулся к самому уху Громоносцева.

— Кофе-то, он — дорогой...

— Ну так что ж? — повторил Цыган.

— ... В мешке-то небось на целый мильярд его...

Цыган вздрогнул, потом побледнел.

— Понимаю, — прошептал он. — Но я не не хочу, честное слово, Гужбан, я этого больше не хочу...

— Дурак. Счастье в рожу прет, а он — не хочу.

— Засыпемся ведь...

— Ни псула. В том-то и дело, что обделаем так, что и следа не оставим. Уж поверь.

Цыган стоял, облокотившись на подоконник, кусая губы и бегая взором по полу.

— Когда же? — спросил он.

— Ночью. Тут на арапа нельзя взять, надо с хитростью.

Цыган уже согласился, а согласившись вошел в азарт.

— Кто да кто? — проговорил он.— Вдвоем неловко, надо шайкой. Голый и Козел уже в курсе, я думаю их взять в сламу.

— Идет.

Сламщики отыскали Старолинского и первоклассника «Козла». Объяснив без обиняков сущность дела, они сразу же встретили согласие.

Только Голый Барин слегка сопротивлялся, как до этого Цыган, но и он, по своему безволию, уже через полминуты вошел в шайку.

Товарищи тут же распределили роли. Цыган и Гужбан «делают дело», другие два «зекают».

План похищения кофе разработали детально, над этим долго размышляли в разрушенном сарае на заднем дворе.

В большой школьной спальне было тихо. Изредка поскрипывала дверца электрического вентилятора да храпели воспитанники, каждый по-своему — кто с присвистом, кто хрипло, кто нежно и ровно. Угольная лампочка, застыв, не мигала...

За стеной, в квартире Эланлюм саксонские куранты пробили два часа. В тот же момент в разных углах спальни четыре головы приподнялись над подушками и прислушались. Остальные ребята лежали не двигаясь и храпели как прежде. Тогда четыре человека, неслышно спрыгнув на пол, крадучись пробрались к дверям и вышли в коридор.

— Вниз, — шепнул Гужбан.

СО РБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Сошли по парадной лестнице вниз, к запасному выходу из швейцарской. Но двери, обычно закрываемые лишь на засов, были теперь заперты на ключ.

— Чортова бабушка! — выругался Цыган.

— Ни хрена, — ответил Гужбан. — Хряем наверх, через выходную дверь.

— А ключ?

Гужбан не задумывался.

— Хряемте наверх. Подкупим дежурного и баста... Когда придем, говорите, что в уборную шли, завернули покурить...

Но хитрости не потребовалось. На кухне горел свет, тараканы бегали по выложенным кафелем стенам, и мерно тикали часы. Дежурный Воробей сидел у стола, сложив голову на руки. Гужбан один прошел на кухню и, подойдя на цыпочках к Воробью, заглянул ему в лицо... Воробей спал. Гужбан тихо открыл ящик стола и, вынув большой, надетый на проволочное кольцо ключ, так же осторожно закрыл ящик и вышел из кухни...

Оставалось открыть выходную дверь. Это было нетрудно. Четыре парня спустились по лестнице во двор.

Ночь была жаркая. Пахло гнилым деревом и землей. В шкидских окнах было темно. Лишь наверху, в мансарде, где жил Алникпоп, теплилась мигающим огоньком керосиновая горелка. Где-то на улице проехала извозчичья пролетка, гулко отщелкали подковы по мостовой, и снова замерла ночь...

— Т-с-с-с, — прошипел Гужбан, и видно было, как в темноте блеснули стиснутые белые зубы.

Крадучись по стене, прошли к дверям, ведущим в магазин ПЕПО. У железных дверей стоял, как ненужная вещь, мешок. Цыган нагнулся, прочел при свете фонаря:

— Бритиш... ост - инд - кофе.

— Кофе! — чуть ли не закричал он. — И верно кофе, елки-палки!

— Тише ты, цыганская морда, — прошипел Долгорукий.— Живо! Барин, Козел, на стрему... Голый, на забор, Козел к лестнице.

Сам он схватил мешок с одного конца. Цыган впился пальцами в другой. С тяжелой пятипудовой ношей они побежали к забору.

За забором находился завод огнетушителей, отделяемый от улицы полуразрушенным одноэтажным зданием, бывшим когда-то заводским складом.

— Лезь на забор,— приказал Цыгану Гужбан. — И ты, Голый...

Громоносцев и Старолинский взобрались на невысокий деревянный забор. Гужбан напряг мускулы и, подняв мешок, подал его товарищам. Потом залез сам на забор и, прислушившись, скомандовал:

— Бросай!

Тяжелая туша мешка ударилась о груду угольного щебня. За мешком спрыгнуло на землю три человека. Они минуту сидели молча, не двигаясь, потом схватили мешок и потащили его в развалины склада. Там зарыли мешок, засыпали кирпичом и с теми же предосторожностями отправились в обратный путь...

Воробей все еще крепко спал, поэтому положить ключ в ящик стола было делом мгновения. Незамеченные никем прошли в спальню, разделись и заснули...

Продать кофе взялся Гужбан, имевший на воле связь со скупщиками краденого...

— Пейте, товарищи, пейте, растыки грешные!

Пили, плясали, пели...

Трещали половицы, трещали головы, в ушах трещало, — шабашом кружило в глазах.

— Пейте! — кричал Гужбан. — Пейте, лахудры!

Сидел Гужбан на березовом полене, суковатом с обтертой корой. Цыган развалился на полу в позе загулявшего в волжских просторах Стеньки Разина. Тут же были Козел, Барин, Купец, Бессовестный, Кальмот, Курочка и два юнкомца, — два юнкомца, поддавшиеся искушению, подкупленные юнкомцы — Пантелеев и Янкель.

Справляли успех дела.

Гужбан загнал кофе за 800 лимонов, а восемьсот лимонов и в те запуганные нолями дни были суммой огромной, тем более в Шкиде, сидевшей на хлебе — фунтовом пайке, на пшенке и жире тюленьем.

Деньги поделили не поровну. Гужбан взял 300 лимонов, Цыгану 200, а Голому и Козлу по 150 отмерили. А в честь успеха дела задали кутеж, кутеж по шкидским масштабам необыкновенный.

Дело не раскрылось совсем. В школе о нем не узнали. Пеповцы решили должно быть, что кофе украли налетчики с воли, а заглянуть наверх — к соседям не додумались.

А шайка, заполучив большие деньги и, не зная, куда их деть, кутила...

— Пейте, задрыги!

Ящики пива на полу, четверть самогона на столе, сделанном из поленьев, колбаса, конфекты, бисквит, шоколад...

В комнате ломаного флигеля, в комнате, заложенной дровами — кутеж...

— Пей!

Многие пили впервой...

Пили и блевали, тут же у поленницы — рядом с шоколадом и бисквитами «Альберт»...

— Спой, голубчик, — обнимал Гужбан Бессовестного. — Володька, чорт, спой, прошу тебя... Песен хочу!

Пел Бессовестный голосом мягким и красивым:

Позаростали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позаростали мохом-травою,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

Янкель и Пантелеев — в углу. Сидели тихо, не шевелясь. Хмель расползался по телу, сердце стучало от хмеля. От хмеля ли только? От стыда стучало сердце и ныло.

— Юнком, коммунары... Продались... Эх, жисть жистянка!.

Выпив же самогона, разошлись. Стыд прошел, хмель же не пропал... Пели, обнявшись, — деланным басом Пантелеев и природным тенором Янкель:

На пятнадцать лимонов устрою дебош.
Эй, Гужбан, пива даешь!

Купец, надрызгавшись, валялся на полу, сгребал Старолинского, щекотал.

— Голенький, дай лимончик.

Давал ему Барин лимончики. Жалко что ли, когда их в кармане сто штук!..

Звенели от пляски разбитые стекла окон, и текло пиво, смешиваясь с блевотиной, под поленницу березовую.

Идет мой милый с города пьяный,
Стук-стук в окошко, я твой коханный,
С кровати встала, дверь отворила,
Поцеловала, спать положила.

Пел Бессовестный, обнимал Бессовестного Гужбан — сын артиста, — смеялся и плакал.

— Володька... Пой! Пой, растыка! Талант сжигаешь... Хо-хо-аааа...

Потом обнимал Цыгана, целовал, шептал:

— Морда цыганская, дружище!.. У меня отец и мать сволочи, один ты друг. А я съехал, скатился к чертям...

СОЛЬ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Пили, пели, плясали...

Потом всей компанией, босой, рваной и пьяной, пошли гулять... По улице шли — смеялись, кричали, ругались, а Бессовестный по просьбе Гужбана пел:

Не ходи, милый, с городу пьяный,
Тебя зачалит любой лягавый.
Милая Дуся, я не боюся,
Если зачалят, я откуплюся.

У Калинкина моста стоял автомобиль, дрянненький, фордовский автомобиль, тонконогий, похожий на барского мальчика короткоштанного, голоколенного...

— Мотор! — закричал Гужбан. — Мотор! В жисть не ездил на моторе.

— Сколько до Невского? — обратился он к шоферу.

Шофер — латыш или немец — поглядел с удивлением, и ужасом на босых, лохматых парней и крикнул Гужбану в ответ:

— Пошел потальше, хуликан...

— Сколько? — рассвирепев, прокричал Гужбан и выхватил из кармана пачку лимонов.

Шофер осмотрелся по сторонам, открыл дверцу автомобиля:

— Сатись... Сто лимоноф...

— Лезь шпана, — закричал, не задумываясь, Гужбан...

Полезли босые в кожаную коляску автомобиля фордовского. Уселись. Ехали недолго, по Фонтанке. На Невском шофер дверцу отворил:

— Фылезай.

Вылезли, бродили по Невскому...

Ели мороженое с безвкусными вафлями (на вафлях надписи — Коля, Валя, Дуня) — ели яблоки, курили трехсотый «Зефир» и ругались с прохожими.

Потом пошли оравой в кино. Фильм страшный — «Таинственная рука» или «Кровавое кольцо» с Пирль Уайт. Смотрели, лузгали семечки, сосали ириски и отрыгали выпитым за день самогоном и пивом.

Домой, в школу, возвращались поздно, в полночь... Заспанный Мефтахудын открывал ворота, ругался.

— Сволозчи, секим башка... Даждетесь Выктыр Николаича.

Ночной воспитатель записал в летопись:

«Старолинский, Офенбах, Козлов, Бессовестин, Ерофеев, Черных и Курочкин поздно возвратились с прогулки

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

в школу, а воспитанники Долгорукий и Громоносцев не явились совсем».

Гужбан и Цыган в школе не ночевали, они ночевали на Лиговке...

Янкель и Пантелеев стояли, опустив головы, не смотрели в глаза. Цекисты, сгрудившись у стола, дышали ровно и впивались взорами в обвиняемых... Рассуждали:

— Сами признались. Снисхождение требуется.

— Факт. Порицание вынесем, без огласки.

И в сторону двух:

— Смотрите!..

Янкель и Ленька взглянули в глаза Японцу.

— Япошка!.. Честное слово... — Сволочи мы!..

У Гужбана деньги вышли скоро... Казалось только, что трудно истратить восемьсот миллионов, а поглядишь, в день прокутил половину, там еще и ша! — садись на колун. А сидеть на колуне, — с махоркой, с фунтяшником хлеба, после шоколада, кино, ветчины вестфальской и автомобиля — дело не легкое.

Гужбан задумался о новом. Новое скоро придумал и осуществил.

Темной ночью та же компания взломала склад ПЕПО, что помещался на шкидском же дворе. Сломали филенки дверные, пролезли, вынесли ящик папирос «Осман», — филенки забили.

Снова кутили.

На полах, в коридорах, классах и спальнях школы, всюду валялись окурки с золотым ободком,—«Осман» курила вся школа, и «на колуне» никто не сидел, — щедрым себя показал Гужбан с миллиарда.

Случилось еще, — ушли в отпуск лучшие халдеи Косталмед и Алникпоп. Эланлюм растерялась совсем, уж не могла вести управление, сдерживать дисциплиной Содом и Гоморру...

Пошло безудержное воровство. Крали полотенца, одеяла, ботинки.

Юнком пытался бороться, — избили Финкельштейна, еврейчика волосатого, и пригрозили Пантелееву и Янкелю рассказать всей Шкиде про кофе и Пирль Уайт.

Как-то пришел к Пантелееву Голый Барин. Дружен был он с Пантелеевым, любил его и говорил по-человечески.

— Боюсь я, Ленька, — сказал он. — Наши налет на «Скороход» готовят, надо сторожа убить... Ей-богу... Мне убивать...

Бледнел гимназистик Голенький, рассказывая.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Мне. Да я... После придет в столовую Викниксор, да скажет: «Кто убил?» — так я бы не вытерпел, истерика бы со мною случилась, закричал бы...

Голый плакал грязными слезами, морщил лицо, как котенок...

— Ладно, — утешал Пантелеев, — не пропал ты еще... Вылезешь...

А раз сказал:

— Записывайся в Юнком...

Удивился Голый, не поверил.

— А разве примут?

— Попробуем.

Свел Ленька Барина на юнкомовское собрание, сказал:

— Вот. Старолинский хочет записаться в Юнком. Правда, он набузил тут, но расскаивается и — кроме того — у нас не Комсомол, организация своя, дефективная, и требования свои.

Приняли в кандидаты. Стаж кандидатский назначили приличный и обязали порвать с Гужбаном.

Но Гужбан не остыл. Сделав «дело», он принимался за другое. С ПЕПО покончил, вывез стекла из аптекарского магазина, срезал в школьных уборных фановые свинцовые трубы. Однажды ночью, пропали в Шкиде все лампочки электрические, — осрамовские, светланские и дивизорные — длинные, как снаряды трехдюймового орудия...

Зараза распространилась по всей Шкиде. Рынок Покровский, уличные торговки беспатентные трепетали от дерзких мальчишеских налетов.

Это в те дни пела Обводская шпана песню:

С Достоевского ухрял
И по лавочкам шманал...
На Английском у Покровки
Стоят бабы, две торговки
И ругают на пропад
Достоевских всех ребят,
С Достоевской подлеца —
Ланца, дрица а — ца — ца...

Это в те дни Школа, казалось, сделав громадный путь, отступила назад...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК.

В ветреную ночь. — Без плацкарты и сна. — В Питере. — Эланлюм докладывает. — У прикрытого абажура. — Остракизм. — Нерадостный выпуск. — Снова колеса тарахтят.

Волком выла за окном ветреная ночь, тарахтели на скрепах колеса, слабо над дверью мигала свеча в фонаре. Рядом в соседнем купэ, — за стеной лишь, — кто-то без умолку пел:

Выла вьюга, выла, выла,
Не было огня — а — а,
Когда мать ради-ила
Бедново миня...

Пел без умолку, долго и нудно, и поздно лишь, когда в Твери стояли (паровоз пить ушел) — смолк, заснул, должно быть... За окном ночь ветреная выла, а в купэ храпели — студент с завернутыми в обмотки ногами, дама в потрепанном трауре с мальчиком и уфимский татарин с женой. Храпели все, а татарин носом свистел и во сне вздыхал.

Викниксору спать не хотелось. Днем от безделья спал, а сейчас сидел, не двигаясь, в углу, в полумраке, и, прикрывшись от фонарных лучей, думал...

Мысли ползли неровные, бессвязные, тянулись туда, в ту сторону, куда вертелись колеса вагонов, — к Питеру, к Шкиде.

За месяц съезда еще больше полюбил Викниксор Шкиду, понял, что Шкида — его дитя, за которым он хочет и любит ходить. Что-то там? Хорошо ли все, не случилось ли чего? Знает Викниксор, что все может случиться: Шкида — ребенок-урод, положиться на него трудно. А сейчас и момент опасный выдался, — много необделанных, новых дефективников пришло, перед самым Викниксоровым отъездом...

— Что-то там?..

Думал Викниксор... А потом задремал. Снились — Минин на Красной площади, «Летопись», Эланлюм, ребята в школьной столовой за чаем, вывеска на Мясницкой «Главчай», докладчик

бритый с усами вниз на съезде Совцоса и — Шкида опять, — Японец с гербом — подсолнухом в руках, Юнком...

Потом смешалось все. Вывеска на Мясницкой попала в «Летопись», «Летописью» размахивал бритый докладчик Соцвоса, в школьную столовую вошел каменный Минин... Заснул Викниксор.

Разбудил студент:

— Вставайте, товарищ... Питер.

Вставать не хотелось. Зевая, спустил ноги, поднял свалившееся на пол пальто...

Когда вышел на площадь, — радость забилась в груди. Теплым, родным показалось все — питерские извозчики, газетчики, носильщики. А Александр III с «венцом посмертного бесславья» показался даже красавцем.

Над Петроградом вставало утро.

С Лиговки, из-за Обводного канала, из-за Волкова кладбища вылезала золотая сковородка солнца. Было не жарко. Викниксор хотел сесть в трамвай, но трамвай долго не шел, и он решил итти пешком. Снял пальто и пошел по Лиговке, по Обводному к школе. Пуще прежнего беспокоил вопрос:

— Что-то там?

На Обводном, у электрической станции катали возили по сходням на баржу тачки с углем. Викниксор постоял, посмотрел, как черный уголь, падая в железное брюхо баржи, сверкал хрустальными осколками, посмотрел на воду, блестевшую накипью нефти, потом вспомнил — «что-то там» и зашагал быстрее.

Солнце упрямо лезло вверх, было уже жарко, золотая сковородка стояла теперь у Ново-Девичьего монастыря.

Эланлюм сидела, Викниксор стоял перед ней, облокотившись на ореховую шифоньерку. В глазах его уже не было улыбки.

— Ах, Виктор Николаевич, я из сил выбилась, а ничего не могла сделать, я устала...

Викниксор стоял, облокотившись на шифоньерку. Молчал. Слушал. Эланлюм рассказывала.

— ... Этот Долгорукий... Он неисправим, он рецидивист, он страшный...

Викниксор молчал. В глазах улыбка переходила в грусть, в отчаяние.

Долго потом сидел у себя в кабинете за массивным столом и, прикрыв абажур, думал.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

«... Долгорукий безнадежен?.. Не может быть, что в пятнадцать лет мальчик безнадежен... Что-то не использовано, какое-то средство забыто...»

Открыл ящик стола, вынул папку коричневую с надписью:

«Характеристики в-ков».

Отыскал и отложил одну.

... Сивер Долгорукий... Вот. Воровал в приюте для детей артистов, воровал у товарищей... Детдом № 18... Воровал... Детскосельская гимназия. Воровал, выгнан... Учился плохо... Институт для дефективных подростков... Воровство, побег... Лавра...

А все-таки что-то еще не использовано.

— Что же?!

И вот нашел, вспомнил забытое...

— Трудовое воспитание!

Труд, — физический труд... Он в мастерских и цехах фабричных, у домны, у плуга, у трактора Фордзон. Он—лучший воспитатель на земле, он сможет сделать то, чего не смогли сделать люди с книгами...

К нему решил обратиться Викниксор за помощью, когда дело казалось уже безнадежным.

В тот же день, усталый, метался он из Губоно в Земотдел, из Земотдела в Профобр. Доказывал, убеждал, а убедив, возвращался в Шкиду и, поднимаясь по лестнице, напевал:

Путь наш длинен и тяжел,
Много предстоит трудов,
Чтобы выйти в люди.

За вечерним чаем Викниксор, хмурясь, вошел в столовую.

— Здравствуйте.

— Здрасти, Виктр Николаич, — ответили глухим хором.

Сидели, ждали. Знали, что Викниксор что-нибудь скажет, а если скажет, то нерадостное что-нибудь.

Молчали. Дули в кружки горячего чая, жевали хлеб. Зиновьев — портрет над столом волынян — впивался взором в мрачные зрачки Федора Достоевского. Ребята смотрели на Викниксора. Викниксор молчал. Пар туманом плыл над столами...

Наконец, Викниксор сказал:

— Сегодня — общее собрание.

Кто-то вздохнул, кто-то спросил:

— Когда?

— Сейчас же... После чая.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Кончили чай, отделенные дежурные убрали посуду, смели хлебные крошки с обитых черной клеенкой столов. Викниксор поднялся, постучал пальцем по виску и заговорил, растягивая слова, временами повышая голос, временами опуская его до шопота:

— Ребята. Вы знаете, о чем я буду говорить, о чем я должен говорить, но чего не скажу. Вы знаете: за мое отсутствие в школе произошли вещи, никогда раньше не имевшие случая... Все совершенное зафиксировано в «Летописи»... Школа превратилась в притон воришек, в сборище опасного в социальном отношении элемента... Это только кажется, но это не так. Школа осталась той же, подавляющее большинство вас изменилось к худшему лишь постольку, поскольку отошло от уровня... Но это пустяки. Это можно исправить. Виною всему группа...

Викниксор посмотрел в сторону Долгорукого. За Викниксором все взоры обратились в ту же сторону. Гужбан съежился и опустил глаза.

— Группа, — повторил Викниксор, — группа негодяев, рецидивистов, атаманов... Такими я считаю...

Все насторожились. Создалась тишина, мрачная, тяжелая тишина.

— Долгорукого, Громоносцева, Бессовестина. Их я считаю, в условиях нашей школы, неисправимыми. Единственное, что я мог для них придумать, это трудовое воспитание. Они переводятся в сельскохозяйственный техникум, в Нарвский уезд. Я надеюсь, что там, в мирной обстановке сельского хозяйства, в постоянном физическом труде они исправятся. Я надеюсь...

Слова Викниксора прервали дикие грудные всхлипы, крикливые стоны. Показалось, что ветер завыл в трубе и, хлопая вьюшками, рвался наружу...

Это рыдал Цыган. Рыдал, уткнувшись лицом в сложенные руки, дергал плечами. Рыдал первый раз в Шкиде. Потом закричал:

— Не хочу! Не хочу в сельский техникум... Учиться хочу... на профессора. На математический факультет хочу. А свиней пасти не желаю...

И снова рыдал, дергал плечами... Потом притих.

Викниксор продолжал речь:

— Громоносцев хочет учиться, но учиться не может. Он морально слаб. Из него выйдет негодяй, а образованный негодяй во сто раз хуже необразованного. Если труд его исправит — он сможет вернуться к книгам. Поэтому, повторяю, лучшего

Сотрудник В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

выхода я не нашел. Дальше... Остальные должны быть наказаны, и за них мы возьмемся своими силами. Вы должны сами выявить из своей среды воров. Для этой цели мы прибегнем — к остракизму...

Загудела столовая, зашумела, как лес осеннею ночью... Кто-то закричал:

— Долой!

Кто-то зашикал и криком же ответил:

— Правильно! Даешь остракизм!

Викниксор, любивший оригинальное, залез в глубокую древность, вытащил остракизм и сказал: шкидцы, вот вам мера социальной защиты, вот средство от воров, патент на которое я, к сожалению, взять не могу, так как он уже взят две с половиною тысячи лет тому назад в Афинах...

Дежурный воспитатель Амебка нарезал 60 листков бумаги и роздал их по столам.

— Каждый должен вписать три фамилии, — сказал Викниксор,— фамилии тех, кого он считает наиболее опасными. Получивший более пяти листков переводится из школы в другое заведение, больше трех — получает пятый разряд и букву «В» (вор), получивший более одного листка переводится разрядом ниже того, в котором находится в настоящий момент. Пишите, но — смотрите — не вымещайте таким путем злобу на невиновных... Пишите...

Столовая снова погрузилась в молчание. Медленно заходили карандаши по бумаге, заскрипел графит... Сидели, обдумывали, прикрывали рукой листки...

Написав, каждый сворачивал листок в трубочку и отдавал дежурному. Дежурные относили бумажные «остраконы» к воспитательскому столу и складывали их в припасенный для этой цели ящик. Наконец, когда в ящике собралось шестьдесят листков, Викниксор встал и заявил:

— Приступим к выяснению результатов. Выберите контролеров.

Контролерами избрали Курочку, Японца, Кобчика и Мамочку. Японец притащил из класса лист писчей бумаги и чернила и уселся рядом с Викниксором для подсчета голосов. Тогда Викниксор вытащил из ящика первый листок...

Снова тишина, жуткая и тяжелая.

Викниксор развернул листочки и прочел:

— Громоносцев, Долгорукий, Устинович.

Развернул второй листок:

— Долгорукий, Громоносцев, Федулов.

Развернул третий:

— Долгорукий, Козлов, Петров...

Четвертую записку столовая встретила жутким смехом:

— Боюсь писать — побьют.

Двадцать листков оказались незаполненными, вероятно по той же причине.

Кончив чтение записок, Викниксор совместно с «контролерами» занялся подсчетом голосов. Результаты оказались следующими: Долгорукий — 36, Громоносцев — 30, Козлов — 26, Устинович — 13, Бессовестин — 7... Фамилии остальных повторялись не более пяти раз. Старолинский получил 3 голоса, Купец — 2, Янкель и Пантелеев по одному.

Викниксор сообщил:

— В сельскохозяйственный техникум переводятся не три человека, а четыре. А именно: Долгорукий, Бессовестин, Громоносцев и Устинович. Козлов, как неподходящий по знаниям к техникуму, переводится на Тарасов или на Мытненку...

Козел заплакал.

— Общее собрание закрыто, — объявил Викниксор. Ребята поплелись из столовой.

Когда все вышли, за столом остался один Цыган. Он сидел, уткнувшись лицом в сложенные руки, и всхлипывал.

* * *

Через несколько дней состоялся «первый выпуск». Он прошел без помпы. За обедом Викниксор смягченным тоном сказал напутственную речь выпускникам. Все смирились с перспективой ухода из школы: Долгорукий — по привычке скитаться с места на место, Устинович — по врожденному хладнокровию, а Бессовестин был даже немного рад переводу в сельскохозяйственный техникум, так как любил крестьянскую жизнь. Лишь один Громоносцев до конца оставался хмур, ни с кем не разговаривал и часто слышали, как он по ночам плакал...

После обеда выпускники, распрощавшись с товарищами и халдеями, отправились на Балтийский вокзал, к пятичасовому поезду на Нарву. Провожали их Янкель, Пантелеев, Японец и Дзе.

Шли по Петергофскому, потом своротили на Обводный. Выпускники, одетые в полученное из Губоно «выпускное», — суконные пальто, брюки и гимнастерки, несли на плечах мешки с бельем и прочим небогатым имуществом.

Громоносцев, окруженный товарищами по классу, шел позади.

— Что, Цыган, неохота уходить? — спросил Пантелеев.

Цыган минуту молчал.

— Убегу, — воскликнул он вдруг глухим голосом. — Честное слово убегу... Не могу.

— Полно, Цыганок, — ласково проговорил Японец. — Обживешься. Пиши чаще и мы тебе будем писать. Конечно, уходить не хочется, все-таки три года пробыли вместе, но...

Дальше Японец не мог говорить, что-то застряло в горле.

Каждый старался утешить Цыгана, как мог.

На вокзале выпускников ожидал вернувшийся недавно из отпуска Косталмед. Он усадил их в вагон, вручил билеты и, простившись, ушел в школу.

Провожающие до звонка оставались в вагоне с выпускниками. Когда на перроне прогремел второй звонок, товарищи переобнимались и перецеловались друг с другом. Громоносцев опять заплакал. Заплакали и Японец с Пантелеевым.

— Счастливо! — крикнул Янкель, выходя из вагона. — Пишите.

— Будьте счастливы, — повторили другие.

Поезд тронулся. Товарищи сидели молча. Говорить было не о чем, вспоминать о прошлом было страшно и больно, нового еще не было.

В купэ было душно, — пахло стеариновым нагаром и нафталином. Тарахтели на скрепах колеса, в окне плыли березы, и казалось, что не березы, а люди бежали, молодые резвые девушки в белых кружевных платьях.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://booksnar.ru/

РАСКОЛ В ЦЕКА.

Кино-мечты. — Принципиальный вопрос. — Курительный конфликт. — «День». — Быть или не быть. — Раскол в Цека. — Борьба за массы.

Уже час ночи. Утомившиеся за день шкидцы спят крепким и здоровым сном. В спальне тихо. Слышно только ровное дыхание спящих. В раскрытые окна врывается ночной ветерок и освежает комнату.

Все спят, и только Ленька Пантелеев и Янкель, мечтательно уставившись в окно, шопотом разговаривают. Сламщикам не спится. Их кровати стоят как раз у окна, и прохладный воздух освежает и бодрит разгоряченные тела.

— Ну и погодка, — вздыхает Янкель.

— Да, что надо. Прямо шик, — отвечает Пантелеев.

Янкель минуту молчит и чешет голову, потом вдруг неожиданно говорит:

— Леня, а ведь у меня есть одна заветная мечта.

— Какая?

— А только ты не смейся, тогда скажу.

— Чего же смеяться, — возмущается Пантелеев. — Ведь мы сламщики с тобой, братья, можно сказать.

— Хочу, брат, я кино-артистом сделаться, — тихо говорит Янкель, умильно глядя на кусочек неба, виднеющийся из-за переплета окна. Пантелеев подскакивает от неожиданности.

— И ты?

— Что и ты?

— И ты об этом мечтаешь?

— А разве и ты? — изумляется Янкель, и Пантелеев смущенно сознается.

— И я, только я хочу оператором быть.

После этого признания оба первое время не находят слов.

— Вот хорошо-то. Оба вместе к одной цели, как говорится, — лепечет, наконец, Черных.

— Да это здорово вышло,— соглашается Пантелеев. — А я уж давно думал. Как только выйду из Шкиды, так сразу в Одессу

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.by.ru

поеду на кино-фабрику. Попрошусь работать и буду учиться на оператора.

— Я тоже об этом думал, но только ничего не мог придумать — говорит Янкель. Пантелеев воодушевляется.

— Почему же? Ведь это просто. Выйдем из Шкиды, получим выпускное и айда на юг. Там хорошо. Лето круглый год. Солнце, виноград, море, эх!.. Хорошо!

— А деньги? — вдруг ошарашивает Гришку Пантелеев. — Деньги где возьмешь?

— Зачем деньги?

— А жить надо? Да и на дорогу!

Пантелеев задумывается, сраженный веским аргументом. Он пристально вглядывается в соседний дом и размышляет. Потом вдруг лицо его проясняется.

— Нашел.

— Ну?..

— Деньги надо копить. Копить сейчас же, с сегодняшнего дня, понял? К выходу у нас будет изрядная сумма. И тогда мы будем обеспечены.

— Да... это идея, — соглашается Янкель, раздумывая.

Вдруг он приподнимается, стаскивает с табуретки свои штаны и деловито роется в карманах. Потом извлекает оттуда две бумажки и в темноте долго вглядывается в них.

— Вот. От слов перехожу к делу. Первый вклад. У меня два лимона есть. У тебя есть, так давай.

Янкель уже загорелся новой идеей и сразу же взялся за дело, заражая ею Пантелеева. Тот тоже лихорадочно роется в карманах и извлекает три миллиона.

— Значит, начинаем копить, — торжественно говорит Янкель, засовывая пять миллионов в спичечный коробок.

— Теперь копим, — как эхо откликается Пантелеев.

— Теперь копим. А потом поедем в Одессу. Я буду оператором, ты кино-артистом. Будем работать, а на дорогу наберем, пустяки.

— Фактисимо, — соглашается Янкель.

Долго шопот шелестит в тишине, долго не могут заснуть сламщики и все говорят, строят планы и мечтают. Изредка в их речь врывается лай собак, свист милиционера и пьяный шальной крик забулдыги, которого хмель завел в неизвестные ему края.

Все чаще и чаще замечают шкидцы, как шепчутся сламщики Янкель и Пантелеев. Сядут в углу в стороне от всех и долго о чем-то говорят, горячо спорят. Сперва не обращали внимания.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ведь сламщики, мало ли общих дел, но дальше стало хуже. Парочка совсем одичала и словно сторонилась от других, а однажды на заседании Цека оба отсутствовали.

В Цека было пять человек, и отсутствие почти половины цекистов, конечно, было заметно. Ребята возмутились и сделали сламщикам выговор, но те отнеслись к этому совершенно равнодушно.

Все больше и больше отходили Янкель и Пантелеев от Юнкома.

Сперва это было незаметно, но дальше они вдруг почувствовали даже какую-то тяжесть. Идея захватила целиком обоих. Уже не раз Япончик напоминал Янкелю:

— Пора бы «Юнком» выпускать. Две недели газета не выходит. На собрании взгреют.

Но Янкель рассеянно выслушивал.

— Ладно, сделаем как-нибудь.

— Оба сламщика стали необычайно рассеянны и сварливы. Уже давно оба перестали ходить на занятия Юнкома, и попрежнему их головы были заняты только одним:

«Набрать денег к выходу. Уехать на кино-фабрику».

Вечерами сидели в уголке и мечтали.

Сламщики мечтали подолгу и со смаком, а в Юнкоме росло недовольство глухое, но грозное.

— Что же это, долго будет продолжаться?

— Работу подрывают.

— Недисциплинированные члены.

— А еще в Цека забрались.

Ячейка волновалась.

Однажды на собрании юнкомцев обсуждался вопрос о новых членах. Среди вновь вступавших было много недозревших, которым необходимо было присмотреться, прежде чем самим работать в Юнкоме. При обсуждении кандидатур большинство Юнкома высказалось в этом духе. Другая же сторона — Янкель, Пантелеев и Джапаридзе яростно отстаивали противоположную линию.

— Вы неправы, товарищи, — горячился Янкель. — Вы неправы. Наша организация сама по себе несовершенна и не узаконена. Мы еще сами незрелы.

— Как сказать. Может-быть, Черных о себе говорит, — ядовито вставил Японец.

— Нет. Я не о себе говорю, а говорю обо всех. Мы незрелы, но все же развиты более остальных, и наша прямая задача — как можно больше вовлекать новых членов, пусть даже мало

© ЦУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

подготовленных, но желающих работать. Здесь они уже отшлифуются.

— Кто же их будет отшлифовывать?— пискнул Финкельштейн ехидно.

Янкеля передернуло.

— Конечно, не Кобчик, социальные взгляды которого в первобытном состоянии,— отпарировал он. — Новых членов будет отшлифовывать среда и общее стремление к одной цели. Пример такой шлифки у нас уже есть.

— Укажи, — крикнул кто-то из сидевших.

— И укажу, — разгорячился Янкель. Потом он обернулся к Пантелееву: — Ленька расскажи про Старолинского.

Ленька поднялся, шмыгнув, передернул носом и проговорил:

— Факт. Старолинский отшлифовался. От Долгоруковых похождений до Юнкома путь далекий. Однако вы все знаете, что он его прошел и прошел хорошо. Взгляните теперь на Старолинского — вот он сидит. Разве можно теперь подумать, что Старолинский таскал кофе? Нельзя. Старолинский сейчас у нас лучший член. О чем же говорить-то.

Вид смущенного Старолинского на минуту убедил всех в правоте меньшинства. Однако выступившие вслед за тем Еонин и Пыльников с треском разрушили все доводы Янкеля и Пантелеева.

Собрание единодушно постановило:

«Прием членов ограничить. Каждый вступающий вновь должен выдержать месяц испытательного срока, затем месяц кандидатуры с рекомендациями трех членов и, наконец, месяц учебной подготовки».

Огорченное провалом меньшинство голосовало против, а потом, взобравшись на подоконник, закурило и отказалось принимать дальнейшее участие в собрании.

— Это неправильно. Это же обессиливание ячейки, насильственный зажим, — горячился разнервничавшийся Янкель, злобно обкусывая кончик папироски и отплевываясь на улицу. Дзе и Пантелеев тихо поддакивали. После этого обсуждался вопрос о спектакле. Когда все высказались, Еонин сделал попытку примирить меньшинство.

— Эй, ребята. Как ваше мнение о проведении вечера?

— Мы воздерживаемся от мнений, — буркнул Пантелеев.

— И предпочитаете курить?

— Хотя бы так.

СОДБИМ. http://book-lib.ru/

Японец взволновался, потом притворно равнодушно заявил:

— Между прочим мне кажется, надо будет обдумать вопрос о курении в Юнкоме. И вообще стоит ли членам курить.

— Ишь гусь, — злобно хихикнул Янкель. — Сам не куришь, так под нас подкапываешься. Номер не пройдет. Решайте не решайте, а курить будем.

— Как решим, — протянул спокойно Японец.

Дальше Янкель не выдержал и вышел за дверь, за ним последовал и Пантелеев, а Дзе, минуту постояв в нерешительности, загасил окурок и сел за стол. На повестку дня был поставлен вопрос о куренье. Большинством голосов постановили в Юнкоме не курить.

— Не курить значит! Ну, что же, ладно, не будем курить в Юнкоме, — злобно шипел Пантелеев, читая протокол собрания, вывешенный на стене.

— Это нарочно. В пику нам. Японец свое влияние и силу показать хочет. Предостерегает нас, — бормотал Янкель.

Постановление разъярило обоих. Сламщики настолько разгорелись боевым задором, что даже забыли о своей идее.

— Надо бороться. Обязательно надо. Мы не должны им спустить этой выходки. Пусть они знают, что и мы имеем право говорить. Мы им покажем, что они неправы, — горячился Янкель.

Пантелеев, более здраво рассуждающий, уже вносил конкретное предложение:

— Мы должны говорить. Говорить веско и обдуманно можно только через печатный орган, следовательно...

— Ну?

— Следовательно...

Янкель насторожился.

— Ты хочешь сказать, — следовательно нужно издавать орган, через который мы можем говорить с Юнкомом?

— Да, друг мой, ты прав, — заключил Пантелеев, снисходительно улыбаясь. Янкель задумался, усиленно почесывая ногтем переносицу, потом попробовал протестовать.

— А «Юнком» как? Ведь и «Юнком» я же издаю. Следовательно...

— Следовательно нужно либо его бросить, либо совместить с новым органом. Да чего ты беспокоишься? Совместишь. А новый орган нам необходим.

— Да, ты прав.

Вечером в углу, в стороне от класса, сидели оба и что-то яростно строчили.

Собрание Б. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Никто не обращал внимания на притихших сламщиков, но Японец, хорошо знавший характер обоих, уже забеспокоился, чувствуя, что готовится что-то недоброе. Он уже несколько раз пытался пронюхать, что замышляют оппозиционеры, но ничего не смог выпытать и стал ждать, предварительно уведомив о готовящемся своих сторонников.

— В случае, если что особенное — сразу по коммунистической тактике! С корнем вырвем разлагающий элемент.

— Ясно, — пискнул Финкельштейн.

— Правильно, — поддакнул Пыльников, а потом, сморщившись, нерешительно добавил:— Только жалко, Еончик, ребята дельные.

— Какие бы они ни были, но если они мешают нам, мы должны их обезвредить, — сурово отрезал Еонин, и его маленькая фигурка дышала такой решимостью, что Пыльников при всей своей симпатии к парочке бузивших не в силах был протестовать.

А утром вышла газета «День». В передовице сообщалось о том, что газета будет выходить не регулярно, а по мере накопления материала, но что линия газеты строго выдержана. В газете каждый может выступать с обсуждением и критикой всех школьных мероприятий.

«Все могут писать и свободно высказываться на страницах нашей газеты. «День» будет следить за всем и все обсуждать», громко повествовала передовица, а чуть пониже шла статья, содержание коей всколыхнуло весь Юнком. Статья содержала ряд резких выпадов против Юнкома. Собственно, Юнкому был посвящен весь номер, за небольшим исключением, и даже карикатура высмеивала манию секретаря Юнкома писать протоколы. На рисунке был изображен Саша Пыльников, в одной руке державший папироску, а в другой кипу протоколов и спрашивавший сам себя: «Что вреднее, куренье табаку или писанье протоколов?».

Такой резкий выпад оппозиции возмутил Юнком и особенно Сашу-беби, который чрезвычайно обиделся. Больше всего возмутило ячейку то, что под газетой стояло: «Редактор Е р о ф е е в, издатель Ч е р н ы х». Это был открытый вызов.

Еще не было случая, чтобы члены Юнкома выступали против своего коллектива, и вдруг такая неожиданность. Решили созвать расширенный пленум. В виду важности вопроса пришлось отменить трудовой субботник. Предстояла горячая схватка.

— Смотрите, ребята. Не сдавать! — волновался Японец, когда собрались все выделенные делегаты.

— Мы идем за Комсомолом. Мы должны решать по-большевистски. Раз и — либо за, либо против...

Уже пленум был в сборе. Собралось семь человек. Не было только Янкеля и Леньки. За ними послали, и минуту спустя оба они, насупившись, вошли в комнату и сели. Япончик открыл заседание и взял слово.

— Сегодня, товарищи, мы устроили неожиданно для всех совещание, поводом к которому послужил выход газеты «День», которую вдруг начали издавать наши же товарищи из Цека. Газета «День» выпущена с явной целью подорвать авторитет Юнкома. Положение создается очень опасное. Мы будем говорить прямо. «День», если не совсем, то на половину, может разложить нашу организацию, так как, я еще раз говорю, против Юнкома говорят сами юнкомцы — члены ЦК. Мы-то, конечно, знаем, что за члены ЦК Черных и Ерофеев, мы-то, конечно, помним их веселые оргии с Долгоруким, но этого масса не знает и масса будет им верить, так как печать самое убедительное средство борьбы, а Янкель и Пантелеев, мы должны признаться, самые талантливые шкидские журналисты.

Япончик на минуту остановился, наблюдая за действием своих слов, но тут же увидел безнадежность положения. Сламщики даже, повидимому, и не думали о раскаянии. Они оба сидели и нахально-дерзко оглядывали противников.

Тогда Япончик перешел к делу.

— Ребята, мы ставим вопрос ребром. Либо Янкель и Пантелеев должны будут немедленно прекратить издание своей газеты и выпустить очередной номер «Юнкома», в котором публично признать свои ошибки... либо...

— Что — либо? — с зловещим хладнокровием спросил Янкель.

— Либо мы будем принуждены опубликовать прошлое членов ЦК, снять их с постов и... если не совсем... то хоть на месяц исключить из Юнкома. Мы должны держать твердую дисциплину.

— Ну и держите себе, братишки, — истерично выкрикнул Янкель. — «День» мы не прекратим, наоборот, мы его сделаем ежедневным. Прощайте.

Дверь хрястнула за Черных. За ним вышел и Пантелеев. Юнком поставил вопрос об исключении Янкеля и Пантелеева. Постановление провели, и сламщиков исключили. Тотчас же была выбрана новая редколлегия, которой поручили экстренно выпустить номер «Юнкома» с опровержением.

Воробей оказался издателем. Пыльников редактором. Едва разошелся пленум и опустел Юнком, новая редколлегия уже взялась готовить номер, а на другой день «Юнком» вышел.

Две недели республика Шкид жила в лихорадке, наблюдая за борьбой двух течений. На стороне Юнкома была масса и авторитет, на стороне сламщиков — техника и умелое направление газеты.

Янкель и Пантелеев после выхода Юнкома развили бешеный темп. «День» стал ежедневной газетой, а впоследствии к нему прибавился и вечерний выпуск.

«Юнком» был слишком медлителен и слаб, чтобы бороться с газетой, вдруг сразу получившей такое распространение и популярность. Дела в ячейке шли хуже. «День» медленно, но твердо вдалбливал шкидцам, что линия Юнкома неправильна, а сам Юнком мог только на митингах парировать удары оппозиции, так как орган их не в силах был поспеть за органом сламщиков. Массы отходили от Юнкома, стали недоверчивы, и только читальня по вечерам помогала Юнкому бороться с Янкелем и Пантелеевым, но и та висела на волоске. Юнкомцам известно было хорошо, что три четверти всех книг в читальне принадлежат оппозиции и что рано или поздно читальню разорят.

И это случилось. Раз вечером в Юнком вошли Янкель и Пантелеев. Был самый разгар читального вечера.

Десятки шкидцев сидели за столами и рассматривали картинки в журналах и книгах. Янкель остановился у двери, а Пантелеев подошел к Японцу и громко произнес:

— Разрешите взять наши книги?

Японец побледнел.

Он ждал этого давно, но теперь вдруг струсил. Разгром читальни отнимал последнюю возможность привлечь и удержать массы. Однако надо было отдать.

— Берите, — равнодушно бросил он, но Пыльников, стоявший в стороне, услышал в голосе Еонина необычную для него дрожь.

— Берите.

Под хихиканье и насмешки над обанкротившимся Юнкомом отбирали сламщики свои книги, но уже их не интересовало падение и гибель Юнкома и брали они свое только из чувства собственности.

А позже, когда опустел Юнком, Еонин скрипел в отчаянии:

— Что делать? Нельзя дать разрушить ячейку. Что делать?

Всю ночь он метался, мучительно ища выхода и не находя его, а утром вдруг успокоился. Какое-то минутное отупение

нашло сразу. «Пусть громят». Но никакого разгрома не случилось. Правда, выходил попрежнему «День», но ничего злобного по отношению Юнкома в нем уже не попадалось.

Сламщикам надоело воевать. Они снова вспомнили свою «идею» и отвели в «Дне» большой отдел под «Кино», где помещали рецензии о фильмах и портреты кино-артистов.

Юнком получил передышку и стал выправляться.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

«ШКИДКИНО».

Микроб немецкого ученого.—Кино-маниаки.—Осада Лос-Ажелоса.—Микроб залетает в Шкид.—Трест Шкидкино.—Первый сеанс.—Коммерческий расчет.—Ликвидация фирмы.

Какой-то ученый, не знаем в шутку или серьезно, заявил, что им открыт новый микроб кино, который, попадая в человеческий организм, заставляет человека страдать манией киноактерства.

По всей вероятности, вышеописанный микроб кино залетел в Шкиду и забрался в податливые организмы Янкеля и Пантелеева. Мания киношества, прекратившая-было свое действие во время разлада в ЦК, снова дала себя чувствовать...

В один из понедельников два старших класса школы ходили в кинематограф — в «Олимпию», что на Международном проспекте. Смотрели какой-то чепуховый американский «боевик» с традиционными ковбоями, погонями и поцелуями. Янкель и Пантелеев вернулись из кино возбужденные.

— Эх, мать честная, — вздохнул Янкель, — так бы и поскакал через прерию с бадэн-паулькой на затылке и с маузером в руках.

— Да, — ответил Пантелеев, за последнее время переменивший желание стать оператором на решение сделаться киноартистом. — Да. А я бы сейчас хотел в павильонной ночной съемке пришивать из-за угла какого-нибудь маркиза.

— Очень уж мы долго идею свою осуществить не можем, — снова вздохнул Черных, — да и забыли о ней совсем.

— Эх, Одесса мама... А знаешь что, не лучше ли нам в Баку поехать. Там Перестиани...

— Нет, не в Баку. Он в Тифлисе. Впрочем, съездим и в Баку. Погоди, вот скопим два червонца...

— А сейчас что? Не могу я, Янкель, ждать... Честное слово.

— Дурак. Что ж делать, — без гамзы ведь далеко не уедешь. Здесь нам, что ли, фильмы ставить?

Ленька Пантелеев вдруг просиял.

— Идея! — вскричал он. — Почему бы нам не устроить свое кино?!.

— Ты что, с ума сошел? — сочувственно полюбопытствовал Янкель.

— Нисколько. И тебе советую с ума не сходить, а послушать.

— Ну?..

Во всех классах висели небольшие плакатики, написанные от руки акварельными красками:

ВНИМАНИЕ!!!

В пятницу в 8 часов вечера

В БЕЛОМ ЗАЛЕ

состоится просмотр фильмы

«ПУПКИН У РАЗБОЙНИКОВ».

1 серия из цикла «Приключения Антона Пупкина».

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ФИРМЫ

ШКИДКИНО.

ВХОД БЕСПЛАТНЫЙ.

Шкидцы недоумевали. Никто не знал, чья это выдумка, что такое за «Шкидкино», все непонимающие переспрашивали:

— Шкидкино? Что за чорт. Ты не знаешь?

— Ни хрена. Витя, наверно, аппарат где-нибудь выкопал.

— Волшебный фонарь должно быть.

— Не... Это юнкомцы туманные картины — анатомию всякую показывать будут.

— Анатомию. Дурак. При чем же Пупкин в анатомии?

— Пупкин? Пупок...

— Дурак.

— А я так думаю — все это для бузы сделано, издевается кто-нибудь, вот и все...

— Посмотрим.

До пятницы Шкида находилась в неведении. В пятницу вечером еще с семи часов в Белый зал потянулись шкидцы. Зал был полуосвещен. Сцену закрывал занавес и за него никого не пускали. Когда кто-нибудь пытался приоткрыть занавес

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralweb.ru/

и заглянуть вглубь, сердитый голос Пантелеева, находившегося где-то за кулисами, окрикивал:

— Куда лезешь? Терпения нет подождать, что ли... Брысь!

Ровно в восемь часов на авансцену за занавес вышел Янкель.

— Товарищи, — сказал он. — Прошу внимания. Сейчас вы увидите фильму. «Пупкин у разбойников» — первую постановку объединенного треста Шкидкино. Просьба соблюдать тишину, так как до сведения Викниксора не доведено, а он, как вам известно, находится недалеко. Прошу подняться на сцену, где временно помещается наш кино-театр.

Проговорив это, Янкель распахнул край занавеса. Шкидцы полезли на сцену. Там было совершенно темно. За кулисами слышались постукивание молотка и ругань Пантелеева.

— Что за буза? — прошептал кто-то. — Где же тут кинтель?

Кто-то выразил сомнение в реальности кино, кто-то заскулил:

— Ну, что же, начинай.

В этот момент на одной из стен сцены вспыхнул квадратный глазок дюйма по три в длину и ширину. Шкидцы радостно заголосили.

— Гляди-ка! И правда... Зажглось.

Кинематограф Пантелеева и Янкеля отличался своеобразным устройством. Экрана, как такового, не существовало. Через проекционное окошко проходила длинная бумажная лента с отдельными «кадрами» — рисунками, освещаемая сзади сильной сто-свечевой лампой. Смотреть приходилось, отходя от глазка не дальше, чем на три шага...

Но шкидцы не были требовательны и кроме того зрелище, устроенное сламщиками, было даровым конем, которому в зубы не смотрят. Поэтому сдержанными, но единодушными аплодисментами встретили шкидцы первый титр:

ПУПКИН У РАЗБОЙНИКОВ.

Фильма в 3 частях.

Сценарий А. Ерофеева.

Режиссер: Г. Черных.

ШКИДКИНО.

Дождавшись, чтобы все прочли эту надпись, Пантелеев передернул ленту дальше. Следующий кадр изобра-

жал толстую физиономию человека, под которой красовались стихи:

Прекраснейший в мире человек
Вызывает всюду смеха стон.
С соломенной шляпой на голове
Вылезает Пупкин Антон.

Дальше был изображен Пупкин, сидящий на скамейке сада за чтением газеты.

Как-то в сумерки, летом,
Лет тому пять назад,
Захватив от скуки газету,
Забрался Антоша в сад.

На увлекшегося чтением Пупкина набросились вылезшие из кустов разбойники. Связав беднягу вдоль и поперек толстенным канатом, они стащили его в свое логово и, бросив в подвал, ушли. Пупкин различными ухищрениями, часто практикуемыми в детективных фильмах, выбрался на волю и —

Снова Антон Митрофанович Пупкин,
Щеки надув и поджавши губки,
Свободен, беспечен, могуч и здоров,
Как 20 быков и 15 коров.

Конец.

Демонстрация «фильма» тянулась не более трех минут, но шкидцы были в восторге. Выразив свои чувства аплодисментами, они уже собирались расходиться, когда «экран» снова вспыхнул, извещая, что «сейчас пойдет видовая из жизни школы Достоевского». Видовая оказалась удачно зарисованными Янкелем сценками школьной жизни в различных ее моментах—в классе, в столовой, в спальне, за пилкой дров — и отдельными типами халдеев и шкидцев.

Ребята расходились, очень довольные сеансом.

— Вот это я понимаю, — говорил Купец, — это тебе не Юнком!

Через два дня Шкидкино поставило новый фильм — «Пупкин попадает в Лавру», в котором остроумно показывались приключения Пупкина среди преступного мира Петрограда.

Программа менялась каждые два дня... Однажды, когда режиссер и сценарист находились в «кино-театре» за просмотром только-что изготовленного фильма «Антон Пупкин в прериях», Янкель сказал:

— Знаешь что, а мы бы могли извлекать пользу из своего кино!

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Как то-есть пользу? — удивился Пантелеев.

— Да так... не вечно же нам с Шкидкино валандаться. Идеал-то наш Госкино...

— Ну, так что ж?

— Давай устроим платное кино.

Пантелеев задумался.

— Хреновина. Заскулят еще.

— Ни псула. Две копейки золотом назначим — это недорого.

«Пупкин в прериях» шел уже в условиях коммерческого расчета. Платность отразилась на посещаемости. В первый день пришло лишь 10 человек, во второй и того меньше — всего восемь.

— Да, хреновина, — согласился Янкель... — Надо что-нибудь придумать.

И они придумали.

Обычно перед демонстрацией нового фильма давались анонсы в афишах и плакатах, развешивавшихся в классах, а на этот раз маленькие афишки раздавались по рукам.

СЕГОДНЯ

в 8 часов веч. в Шкидкино идет новый фильм — только для взрослых

ПУПКИН ДОН-ЖУАН.

В первый раз за долгое время Белый зал был переполнен. Явно неприличную ленту шкидцы смотрели, смакуя и гогоча.

На следующий же день после постановки «Дон-Жуана» в газете «Юнком» появилась статья:

«Об одной кино-фильме».

«Два товарища, бывшие некогда членами Юнкома и даже его Центрального Комитета и исключенные за неподчинение дисциплине, в настоящее время занимаются делами, недостойными даже их. Они устроили игрушечный кинематограф, в котором показывают безобразные картины и притом за плату. Не видим нужды говорить о разлагающем действии этого «Шкидкино» на воспитанников младших отделений, а просто заявляем: администрация, прикрой лавочку»...

Викниксор прочитал статью, призвал к себе «кинематографистов» и заявил:

— Если еще раз повторится такая штука, будете оба переведены из школы... А пока получите по пятому разряду на брата...

ОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

«БУМАЖНАЯ ПАНАМА».

Сарра Соломоновна. — Бумага и лимоны. — По листику в фонд. — Законы Российской Империи. — Панама. — Караван невольников. — Червонцы сделаны.

У Сарры Соломоновны не ларек, а целый кондитерский магазин. Целый день Сарра Соломоновна стоит, обложенная банками с монпасье, леденцами, пряниками и шоколадом...

— Мадам, — кричит Сарра Соломоновна. — Мадамочка, вы не забыли купить конфект для вашего милого мальчика?

Дела у Сарры Соломоновны идут хорошо... Каждый день ее брат Яша привозит на маленькой тележке полные банки сластей, а вечером увозит их почти пустыми. У Сарры Соломоновны поэтому всегда довольный вид. Целый день и зиму, и лето она стоит за своим ларьком и кричит:

— Гражданин. Почему бы вам не купить плитку шоколада для вашей симпатичной жены?

Пантелеев и Янкель познакомились с Саррой Соломоновной, покупая у нее четверку сахарного песку.

Янкель вдруг спросил:

— Вы что, ларек домой на ночь увозите?

Сарра Соломоновна инстинктивно вздрогнула. Вопрос ей показался странным и даже страшным.

«Это наверное налетчики, — подумала она. — Уж не хотят ли они ограбить мой ларек?»

— Нет, — сказала она. — Ларек я сдаю на хранение одному очень честному и сильному мужчине... Он же его и увозит на своей собственной тележке.

— А сколько вы платите ему? — спросил Пантелеев.

Сарра Соломоновна вздохнула.

— Ой, не говорите, сколько я ему плачу... Я ему плачу пятьдесят миллионов в месяц...

— Здорово! — невольно воскликнул Янкель...

— Ну и сволочь же, — прошипел Пантелеев.

— А зачем вам это знать? — спросила Сарра.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urdc.ru/

— Мы вам будем носить ларек за двадцать миллионов, — сказал Пантелеев.

Сарра Соломоновна недоверчиво посмотрела на ребят, но все же согласилась.

— Хорошо, носите, — сказала она, — хотя это и очень подозрительно, но вы берете дешевле и притом у меня на собственной квартире ларек будет сохраннее... Этот рыжий человек недавно сломал мне навес.

С этого дня Черных и Ерофеев каждодневно к 7 часам вечера являлись на рынок и уносили в один присест потяжелые сравнительно части ларька Сарры Соломоновны. Потом, войдя к ней в доверие, они даже помогали ее брату Яшке перевозить и товар.

Однажды Сарра Соломоновна сказала:

— Ой, как трудно сейчас работать торговцу... Как все дорого, — патенты, налоги... Бумага оберточная и та дорогая. Ой, какая дорогая бумага, дороже, чем сам товар...

— Почем же теперь бумага? — для учтивости полюбопытствовал Янкель.

— Не говорите, — вздохнула Сарра. — Тридцать миллионов пуд.

Когда товарищи, перетащив ларек на квартиру Сарры Соломоновны, на Екатерининский канал, возвращались в школу, Пантелеев сказал:

— Знаешь что, у меня явилась идея. Давай копить бумагу...

— Что-о? — закричал Янкель.

— Будем копить бумагу, — повторил Пантелеев. — Пуд скопить не так долго, если собирать даже старые тетради и газеты; а пуд стоит два рубля золотом, это все-таки прибавит к нашему фонду...

— А и правда, — призадумался Янкель. — Давай попробуем, может-быть от этого приблизится срок осуществления нашей идеи, — улыбнулся он...

— Баку... — мечтательно прошептал Пантелеев.

С того же дня они начали собирать бумагу... Первым долгом собрали все старые, исписанные тетради и газеты... Оказалось не так много, — четверть фунта всего. За неделю скопили 12 фунтов.

— Э, да это долгая волынка, — вздыхал Янкель.

Но все-таки не прошло и месяца, как они скопили 1 пуд 6 фунтов бумаги, которую снесли к Сарре Соломоновне и продали за 25 лимонов. Кроме того они получили от Сарры Соломоновны

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booksaic.ru/

и месячную плату за переноску ларька. В их «фонде» уже скопилось около пяти рублей золотом.

А тут еще подвернулся этот случай...

Однажды Янкель менял в библиотеке книги... Он лазил по пыльным полкам, отыскивая «Голод» Кнута Гамсуна... Библиотекарша Марья Федоровна сидела за столом, принимала и обменивала книги другим улиганам. Янкель был скрыт от нее шкафами. Он забрался по стремянке на самую верхнюю полку, в надежде хоть там отыскать нужную книгу. Но на верхней полке, больше других пыльной и даже затянутой паутиной, он наткнулся на книги, не пригодные к чтению современной молодежи...

Это были — «Свод Законов Российской Империи» и «Правительственный Вестник» за 1896 год. Таких книг на полке было больше ста штук.

Янкель вытащил один из томов «Свода Законов». В книге не очень объемистой было фунтов десять веса... Янкель, не долго думая, огляделся и сунул «Свод» за пазуху, под кушак. Незамеченный Марьей Федоровной он вышел из библиотеки и прошел в класс.

— Прибавление к фонду, — сказал он Пантелееву, сидевшему за партой и старательно рисовавшему очень плохого ковбоя.

Пантелеев взял книгу и, перелистнув, спросил:

— Где ты выкопал такую рухлядь?

— Рухлядь, а стоит денег и не малых, — ответил Черных. — Я ее слямзил в библиотеке. Там таких книг тьма и лямзить их легко.

Пантелеев задумался.

— Вот что, — сказал он. — Лямзить незачем. У меня явилась мысль, благодаря которой мы сможем самым честным путем сделаться богачами.

— Честным путем богачами? — удивился Янкель.

— Да. То-есть честным наружно. В сущности это будет афера, панама...

Янкель заинтересовался:

— В чем дело?

Пантелеев перелистнул страницу.

— Видишь, тут очень много чистых листов... Ты поймай Викниксора и покажи ему книгу...

— Что ты?!. Да ни за что... Ты что — сдурел?

— Засохни... Покажи Викниксору и попроси у него взять «ненужную рухлядь» для использования на журналы.

Янкель просиял...

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

— Понимаю.

Немного погодя в класс зашел Викниксор. Он разговорился с ребятами, кого-то обещал записать, кому-то приказал сдать в гардеробную пальто. Потом к нему подошел Черных.

— Виктор Николаевич, — сказал он. — У меня к вам просьба.

— В чем дело?

Янкель вытащил книгу.

— Вот... В библиотеке я нашел книги старые, «Свод Законов», они сейчас никому не нужны... Можно мне их взять для рисования? Там их немного...

— Гм... Рисовать говоришь. Что ж возьми, и правда, древность, никому не нужная.

Лишь Викниксор вышел из класса, Янкель и Пантелеев бросились в библиотеку и, сняв с полки штук десять книг, потащили их к выходу...

— Вы куда? — закричала Марья Федоровна.

— В класс, — небрежно бросил Янкель. — Нам Виктор Николаевич позволил.

Воспитательница удивленно проводила их взглядом. Вечером она справилась у Викниксора, тот подтвердил слова Янкеля.

А Янкель и Пантелеев за какую-нибудь неделю натаскали из библиотеки около десяти пудов бумаги. Бумагу они стаскивали во двор и прятали под лестницей флигеля.

Наконец, решив, что и натасканного довольно, они прекратили «честное расхищение» и задумались о способе переправки груза на Покровский рынок.

— Надо нанять ребят, — предложил Пантелеев.

Они подыскали в младших классах десять человек, согласившихся снести бумагу за вознаграждение на рынок.

Проходившие в тот вечер по Старо-Петергофскому проспекту граждане в ужасе шарахались в сторону при виде вереницы парнишек, спокойно тащивших на бритых головах бумажные кипы.

— Господи! — закричал кто-то. — Да что же это, никак негры идут, караван невольников со слоновой костью...

— Не беспокойтесь, — ответил Янкель, полным достоинства голосом. — Это не негры. У негров рожи черные, а у этих товарищей самые обыкновенные.

— Не создавайте панику, — присовокупил Пантелеев.

Пантелеев и Янкель шли впереди каравана, изредка помогая уставшему «невольнику» и принимая от него груз.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Караван без особых эксцессов дошел до Покровки. Там грузовладельцы распорядились, чтобы бумагу сложили на парапет церковной ограды, приказали зорко «зекать», а сами пошли подыскивать покупателей.

Покупатели нашлись очень скоро. Три пуда купила Сарра Соломоновна, остальные семь разошлись в момент по ларькам мясного отдела рынка.

У сламщиков на руках оказалась невиданная ими ранее сумма — 260 «лимонов». Шестьдесят лимонов они великодушно отдали грузчикам и с тем отпустили их...

Оставалось лишь купить червонцы.

Пошли к валютчикам, которые в те дни буквально залепляли все входы и выходы рынка. Курс червонца равнялся 80 миллионам рублей дензнаками; они приобрели два червонца. Две заветные белые бумажки очутились у них на руках.

Остальные деньги они в тот-же день прокутили, — сходили в кино, закупили папирос и хлеба...

Два же червонца до поры до времени «заначили» крепко и надежно.

«Идея» могла быть осуществлена в любой момент...

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

СПЕКТАКЛЬ.

Октябрь в Шкиде.—«Город в кольце».—Десять американских одеял.—Венки с могил.—Танц-класс.—Последняя репетиция.—Спектакль.—Шпионка в штанах.—Ужин.

Столовая ревела, стонала, надрывалась десятками молодых глоток.

— Накормим гостей.

— Из пайка уделим.

— Угостим.

Столовая ревела вдохновенно, азартно, единодушно. Наконец, Викниксор поднял руку, и наступила тишина.

— Значит, ребята, решено. Всех гостей мы будем угощать. Чем? Это обсудит специально выделенная комиссия. На угощение придется уделить часть вашего пайка, но мы постараемся сделать это безболезненно. Значит, на выделение продуктов из пайка все согласны?

— Согласны.

— Уделим.

— Угостим гостей.

Столовая ревела, стонала, надрывалась.

Это было в предпраздничные дни великой Октябрьской революции. Республика Шкид решила с помпой провести торжество и для этого торжественного дня устроить спектакль. Для гостей, родителей и знакомых, не в пример прочим школам, единогласно постановили устроить роскошный ужин. Поэтому-то так азартно и ревела республика, собравшись в столовой обсуждать этот важный вопрос.

— Уделим! Уделим! — кричали со всех сторон единодушно, и Викниксор согласился.

Шкида перед праздником наэлектризована. Здесь в столовой бурное собрание, а в Белом зале на сцене тоже горячка.

Идет репетиция. Завтра уже праздник, а пьеса как на грех трудная во всех отношениях. Ставят «Город в кольце». Вещь постановочная, с большим количеством участников, с эффек-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

тами. Конечно, ее уже урезали, переделали. Из семи актов устроили три, но и эти с трудом удаются.

— Чорт. Пыльников. Ведь ты же шпионка. На тебе же платье будет, а ты руки в карманах, как шпана ходишь, — надрывается Япончик, главреж спектакля, кроя Сашу за манеру держаться. Саша снова начинает свою роль, пищит тоненьким голоском, но по мнению Япончика Саша безнадежен.

— Дурак ты, Саша. Идиот, — шепчет он бессильно, но Саша обижается и, перестав пищать, грубо орет:

— Иди ты к чортовой матери.

Япончику ничего не остается, как извиниться, иначе ведь играть откажется, а это срыв. Прерванная репетиция продолжается.

— Эй, давай первую сцену. Заговор у белых.

Выходят и рассаживаются новые участники. В углу за кулисами возится Пантелеев. Он завтехчастью. На его обязанности световые эффекты, а как их устроить с тремя лампочками, это вопрос трудный. Пантелеев ковыряется с проводами, растягивая их по сцене. Играющие спотыкаются и ругаются.

— Какого чорта проводов натянули.

— Убери!

Но Япончик успокаивает.

— Ведь надо, ребята, устроить. Надо, — и любовно смотрит на согнувшегося перед кучей проволоки Леньку. Япончик радуется за него. Ведь сламщики — Ленька и Янкель — опять стали своими, юнкомскими. Правда, их в члены еще не провели, но они раскаялись.

— Виноваты, ребята, бузили, погорячились.

Япончик помнит эти слова, сказанные в дружеской беседе, и знает теперь, твердо знает, что если они вновь будут членами ячейки, то уже выдержанными.

— Янкель. А в чем мне выходить? Ты, сука, костюм гони, и чтоб обязательно шаровары широкие, — гудит Купец, наседая на Янкеля. Он играет в пьесе свою собственную роль купца-кулака и поэтому считает себя в праве требовать к своей особе должного внимания.

— Ладно, Купочка, достанем, — нежно тянет Янкель, мучительно думая над неразрешимым вопросом, из чего сделать декорации. Завтра уже спектакль, а у него до сих пор нет ни костюма, ни декораций.

Янкель — постановщик, но где же Янкелю достать такие редкие в шкидском обиходе вещи, как телефон, винтовки, револьверы, шляпу. Но надо достать. Янкель отмахивается

СОЧИ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

от наседающих актеров. Янкель мчится наверх — стучит к Эланлюм.

— Войдите.

— Элла Андреевна, у вас не найдется шляпы, а потом дайте кортик для спектакля и еще у вас кажется есть штык немецкий.

Эланлюм дает — Эланлюм любит ребят и хочет помочь им. Все дает, даже шляпу нашла, кругленькую такую с цветочками. От Эланлюм к Викниксору.

— Виктор Николаевич, декораций, бутафории нет. Виктор Николаевич, если бы можно было взять из кладовой штук десять американских одеял.

Викниксор мнется, боится: «А вдруг украдут одеяла», но потом решает:

— Можно. Но...

— Но?..

— Ты, Черных, будешь отвечать за пропажу.

Янкелю сейчас все равно, только бы свои обязанности выполнить, получить.

— Хорошо, Виктор Николаевич.

Через десять минут под общий ликующий рев Янкель, кряхтя, втаскивает на спине всю декорацию вечера.

— Братишки. А зало-то. Зало. Ведь украсить надо, — жалобно причитает Мамочка. Все останавливаются.

— Да, надо.

Ребята озадаченные морщат лбы — придумывают.

— Ельничку кабы, и довольно.

— Да, ельничку надо.

— Ура, нашел, — кричит Финкельштейн.

— Ну, говори.

— Ну?

— Ельничек есть.

— Где?

Весь актерский состав вместе с режиссерами и постановщиками уставились в ожидании на Кобчика.

— Где???

— Есть, — торжествующе говорит тот, подняв палец. — У нас есть, на Волковом кладбище.

— Сволочь.

— Дурак.

— Идиот, — слышатся возбужденные голоса, но Кобчик настаивает.

— Чего ругаетесь. Поедемте кто-нибудь со мной, ельничку привезем до чортиков. Веночков разных.

— Но с могил.

Собрание им. В. Г. Белинского
http://booksonic.ru/

— А что такого. Неважно.

— А ведь, пожалуй, и впрямь можно.

— Недурно.

— Едем, — вдруг кричит Бобер.

— Едем, — заражается настроением Джапаридзе. Все трое испрашивают разрешение и уезжают как на подвиг, напутствуемые всей школой. Остающиеся пробуют работать, репетировать, но репетиция не клеится, все помыслы там, на кладбище. Только бы не запоролись ребята. Ждут. Кальмот чирикает на мандолине. Он выступает в концертном отделении и хочет тоже репетировать, но ничего не выходит, и тогда, бросив мелодию, переходит на аккомпанемент и нудно тянет.

У кошки четыре ноги-и-и.
Позади ее длинный хвост.
Но трогать ее не моги-и-и
За ее малый рост, малый рост.

А в это время три отважных путешественника бродили по тихому кладбищу и совершали свое дело.

— Эх, и веночек же, — восхищался Кобчик, глядя на громадный венок из ели, перевитый жестяной лентой.

— Не надо, не трогай. Этот с надписью. Жалко. Будем брать пустые только.

На кладбище тихо. На кладбище редко кто заглядывает. Время не такое, чтобы по кладбищам шляться меж могил. Шуршит ветер осенний в проходах вкруг крестов и склепов, листочки намокшие с трудом подкидывает, от земли отрывает, словно снова хочет опавшие листья к веткам бросить и лето вернуть.

Ребятам в тишине лучше работается. Уже один мешок набили зеленью, венками, веточками и другой стараются наполнить. Забрались в глушь подальше и хладнокровно очищают крестики от зелени.

— И на что им? — рассуждает Дзе. — Им уже не нужно этих венков, а нам как раз необходимы. Вот этот, например, веночек. Его хватит всего Достоевского убрать. Густой, свежий, на весь портрет хватит.

Чистят могилки герои, энергично чистят.

— Ну, пожалуй, хватит.

— Да, хватит. Вон еще тот прихватить надо бы, и совсем ладно.

— Пора итти, а то украшать некогда.

Нагруженные вышли где-то стороной, оглянулись на крестики покосившиеся и пошли к трамваю. Приехали уже

Собрание В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

к вечеру, вошли в зал и остановились, наблюдая необычайную картину. За роялем сидел воспитатель и нажаривал краковяк. Шкида, выстроившись парами, переминалась с ноги на ногу и глядела на Викниксора, а тот стоял посредине и показывал «па» краковяка.

— Сперва левой ногой, потом правой. Вот так, вот так!

Викниксор заскользил по паркету, выкидывая ноги.

— Вот так. Вот так. Тру-ля-ля. Ну, повторите.

Шкида неловко затопала ногами, потом подделалась под такт и на лету схватила танец.

— Правильно. Правильно. Ну-ну, — поощрял Викниксор.

Ребята вошли во вкус, а Тихиков, старательно выделывая кренделя своими непослушными ногами, даже запел:

Русский, немец и поляк
Танцевали краковяк.

Вдруг в самый разгар общего оживления из дверей раздался возглас:

— А мы зелени принесли.

— Ого!

— Урра! Даешь!

Пары сбились, и все бросились к пришедшим.

Развязывая мешки, Дзе спросил:

— А что это Викниксор прыгает?

— Дурак. Он нас танцам к завтрашнему вечеру учит, — обиделся Мамочка.

Зелень извлекали при одобрительном реве и тут же начали украшать зал. Уже наступил вечер, а ребята все еще лазали с лестницей по стенам, развешивали длинные гирлянды из ели и украшали портреты вождей зелеными колкими ветками.

— Ну, как-будто все.

— Да, теперь все.

Белый зал стал особенно праздничным и из казенного, сверкающего чистотой и белизной, превратился в уютное и свежее от зелени помещение.

— Пора спать, — напомнил воспитатель, и зал опустел.

Утро особенно, по-праздничному, шумно разгулялось за окном. Звуки оркестра, крики, говор разбудили шкидцев. Просыпались и сами заражались настроением улицы. Викниксор сказал небольшую речь об Октябрьской революции, потом от Юнкома говорил Еонин, а затем все встали и пропели сперва Интернационал, после свой шкидский гимн.

ОГПБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

День начался сутолокой. В зале шла последняя генеральная репетиция, в кухне готовился ужин гостям. В канцелярии стряпались пригласительные билеты и тут же раздавались воспитанникам, которые мчались к родителям. Шкида встала на дыбы. Подошло время обеда, но как-то не обедалось. Ели нехотя, занятые разговорами, разволновавшиеся. Старшие, не дообедав, ушли кончать репетицию, младшие рассыпались, таскали мебель в зал и устанавливали рядами. Шкидцы сияли, и Викниксор был вполне доволен, видя отражение праздника на их лицах.

Часа в четыре актеры кончили репетицию.

— Довольно прилично, — заключил критически Япончик и потом скомандовал:

— Час отдыху. Потом гримироваться!

Декорации также были готовы. Американские одеяла оказались хорошим подспорьем, и маленькая подкраска цветными мелками дала полную иллюзию комнаты. Достали и телефон. Сцену приготовили окончательно. Уставили стол и стулья, на стену повесили карту.

Собирались уже гости. Их особо откомандированный отряд шкидцев отводил в комнату для ожидания, и там они сидели со своими родственниками — учениками.

На сцене шли последние приготовления. Притащили обед, суп и несколько булок из порций, предназначавшихся гостям. Все это требовалось в первом действии. Кулак, хозяин дома, должен был угощать на сцене участников белого заговора.

За кулисами гримировались, когда пришел Викниксор и озабоченно бросил:

— Пора начинать!

— Мы готовы, — раздалось в ответ. Пять минут спустя загремел звонок, призывающий занять места. Из-за занавеса, сгрудившись, ребята смотрели, как заполнялось помещение. Народу пришло много. При виде рассаживавшихся гостей Японец заволновался, скрипнул зубами и неопределенно процедил:

— Да, будет бой. Не подпакостить бы.

— Не подпакостим, Япончик, — ухмыльнулся Купец, что-то прожевывая. — Не подпакостим.

Грянул второй звонок. Зал зашумел, заволновался и стал затихать. С третьим звонком судорожно дернулся занавес, но не открылся. Зрители насторожились и впились глазами в сцену. Занавес дернулся еще два раза и опять не раздвинулся. В зале наступила тишина. Все с интересом следили

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

за упрямым занавесом, а тот волновался, извивался, но оставался в прежнем положении. Кто-то посочувствовал:

— Ишь ты, ведь не открывается.

Вдруг из - за сцены донеслось приглушенное восклицание:

— Дергай, сволочь, изо всей силы. Дергай, задрыга!

Что-то треснуло, занавес скорчился и расползся, открывая сцену. Зрители увидели комнату и стол посредине, вокруг которого шумели заговорщики.

Спектакль начался.

На сцене собралось довольно необычайное общество.

За столом сидели Купец в широких синих шароварах, потом какая-то баба в пестрой юбке и модной шляпе с пером. Баба многих приводила в смущение, вернее не баба, а ее две половины: верхняя, вполне отвечающая требованиям спектакля, изображающая интеллигентную особу в шляпе, и нижняя, резко противоположная, словно отрезанная от какой-то рязанской крестьянки, в праздничном платье с разводами. Однако с такой раздвоенностью зрители скоро свыклись, так как и другие заговорщики были в таких же фантастических костюмах, а главный вдохновитель белых, французский ставленник, имел всего-навсего один цилиндр, которым и жонглировал, прикрывая шкидские брюки и рубашку.

Действие проходило мирно, и Японец уже было успокоился за дальнейшее, как вдруг произошло недоразумение.

Кулак по ходу пьесы возымел желание угостить заговорщиков и, воодушевившись, позвал кухарку.

— Эй, Матрена. Неси на стол! — заголосил Купец.

В ответ было гробовое молчание.

— Матрена, подавай на стол.

Опять молчание. Заговорщики смущенно заерзали, смущение проникло и в зрительный зал. Зрители заинтересовались упрямой Матреной, которая упорно не откликалась, и, затаив дыхание, ждали.

Купец побледнел, потом в третий раз гаркнул, уже переходя границы текста из пьесы.

— Матрена! Ты что ж, дурак, принесешь жрать или нет?

Вдруг за кулисами что-то завозилось, потом тихий, но внятный голос выразительно прошипел:

— Чего же я тебе вынесу, дубина? Слопал все до спектакля, а теперь просишь.

В зале хихикнули. Японцик побледнел и помчался на другую сторону кулис. Там стояла растерявшаяся кухарка — Мамочка.

— Неси, сволочь. Неси пустые тарелки. Скорее, — накинулся на нее Японец.

Между тем Купец не имел мужества отступить от роли и продолжал взывать.

— Матрена! Подавай на стол!

Весь зрительный зал сочувствовал Кауфману, попавшему в глупое положение, и вздох облегчения пронесся по помещению, когда Матрена, гремя пустой посудой, показалась, наконец, на сцене. Действие опять пошло гладко. Играли все прилично, и зрители были довольны.

Во втором действии, однако, опять произошла заминка.

В штаб красных пришла шпионка. Сцена изображала сумерки, когда Саша Пыльников таинственно появился перед зрителями. Он прошипел дьявольским голосом о конце владычества красных и подбежал к карте.

— Ага, план наступления, — хрипло пробормотал он.

Зрители притаились, зорко наблюдая за коварной шпионкой из стана белых. Тут Саше нужно было достать спички и, чиркнув свет, разглядывать план. И в решительный момент он вдруг вспомнил, что спички находятся под юбкой в кармане брюк.

Саша похолодел, но раздумывать было некогда, и он, мысленно успев обозвать себя «идиотом», полез в карман.

Зал ахнул, испуганный таким неприличным поведением шпионки, спокойно задравшей юбку. Но тотчас же все успокоились, узрев под юбкой знакомые черные брюки.

Инцидент прошел благополучно, но Саша слышал за кулисами голос Япончика.

— Разве не говорил я, что Саша круглый идиот.

Третье действие прошло гладко, и пьеса кончилась.

Концертное отделение отменили, так как Кальмот разнервничался и порвал все струны, а его номер был главным.

После спектакля гостей повели к столу, где уже их ждал ужин и чай с бутербродами и булками.

И тут шкидцы показали свою стойкость. Они проголодались, но держались бодро. Трогательно было наблюдать, как полуголодный воспитанник, глотая слюну, гордо угощал свою мамашу.

— Ешь, ешь. У нас в этом отношении благополучно. Шамовки хватает.

— Милый, а что же вы не едите? — спрашивала участливо мать, но сын твердо и непринужденно отвечал:

— Мы сыты. Мы уже поели.

Пир гостей окончился. За время ужина зал очистили от мебели, и под звуки вальса открылись танцы.

Шкида любила танцовать и танцовала со вкусом, а особенно сегодня, когда среди приглашенных было десять воспитанниц из соседнего детдома. Все они были заняты и танцовали без передышки.

Вальс сменялся па-де-патинером, па-де-патинер ту-степом, а ту-степ снова вальсом.

Скользили, натирали пол подметками казенной обуви и поднимали тонкие струи пыли.

Перевалило за два часа ночи, когда, наконец, захлопнулась крышка рояля.

Младшие пошли спать, гости расходились, а старшие, выпросив разрешение, бурливой молодой толпой пошли провожать воспитанниц.

Вместе с ними вышли Янкель и Японец. Они взяли у Викниксора разрешение уйти в отпуск и были довольны необычайно.

На улице было тепло. У ворот парочка отделилась от остальных и, тихо прогуливаясь, пошла по проспекту. Хрустела под ногами подмерзшая вода, а каблуки звонко отстукивали на холодных плитах. В три часа на улице тихо и пустынно, а сламщикам особенно приятна эта тишина, сламщикам хорошо.

Все у них теперь идет так ладно, а главное, у них есть два червонца, с которыми они в любой момент могут тронуться в Одессу или в Баку на кино-фабрику.

Подмерзшие лужи похрустывают под ногами.

Кой-где еще вспыхивают непогашенные иллюминации Октябрьского праздника.

Кой-где, кой-где горят маленькие пятиугольные звездочки с серпом и молотом.

Тихо...

ПТЕНЦЫ ОПЕРЯЮТСЯ.

Из отпуска. — 10 — 2 = 8. — Янкель в беде. — Едем? — Разговор в кабинете. — Последнее прости. — Птенцы улетели.

Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный
Пошел по Невскому гулять.
Его поймали,
Арестовали
И приказали расстрелять.

Янкель не идет, а танцует, подсвистывая в такт шагу.

Что-то сегодня особенно весело и легко. Не пугает даже и то, что сегодня математика, а он ничего не знает. Заряд радости, веселья от праздника остался. Хорошо прошел праздник, и спектакль хорошо прошел, и дома весело отпускное время пролетело.

Я не советский,
Я не кадетский.
Меня не трудно раздавить.
Ах, не стреляйте,
Не убивайте —
Цыпленок тоже хочет жить.

Каблуки подстукивают, аккомпанируя мотиву, и совершенно незаметно Янкель прошагивает захолодевшие изморозью утренние сонные улицы. Кончился праздник. На мостовой уже видны новые свежие царапины от грузных колес ломовых телег, и люди снова забегали по тротуарам, озабоченные и буднично серые. Янкель тоже хочет настроиться на будничный лад, думает об уроках, но ничего не выходит, губы попрежнему напевают свое.

Цыпленок дутый,
В лаптях обутый,
Пошел по Невскому гулять.

*

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uaic.ru/

Вот и Шкида.

Бодро поднялся по лестнице, дернул звонок.

Ах, не стреляйте,
Не убивайте...

— А-а-а. Янкель! Ну, ты влип!

Цыпленок тоже хочет жить...

Янкель оборвал песню. Что-то подкатилось к гортани нехорошее, горькое при виде испуганного лица дежурного.

— В чем дело?

— Буза!

— Какая? Что?

Янкель встревожен, — хочет спросить, но дежурный уже ушел. Пошел в класс. Открыл двери и остановился, оглушенный ревом. Класс гудел, метался чем-то встревоженный. Завидев Янкеля, бросились к нему.

— Буза!

— Скандал!

— Одеяла тиснули.

— Ты отвечаешь!

— Викниксор взбесился.

Ничего еще не понимая, Янкель прошел к своей парте, сел. Тут только ему здесь рассказали по порядку. Он ушел в отпуск, сцена была не убрана, одеял никто не сдал и они остались висеть, а вчера Викниксор велел снять и отнести в гардероб. Оказалось только восемь. Два исчезли. Новость оглушила Янкеля. Испарилось веселое настроение, губы уже не пели «Цыпленка». Оглянулся вокруг. Увидел Пантелеева и спросил беспомощно.

— Как же быть?

Тот молчал. Вдруг класс рассыпался по местам и затих. В комнату вошел Викниксор. Он был угрюм и нервно кусал губы. Увидев Янкеля, Викниксор подошел к нему и, растягивая слова, проговорил.

— Пропали два одеяла. Ты отвечаешь за пропажу. Либо к вечеру должны быть найдены одеяла, либо я буду взыскивать с тебя или с родителей стоимость украденного.

— Но Виктор Ник...

— Никаких но... Кроме того, за халатность ты переводишься в пятый разряд.

Тихо стало в классе, и слышно было, как гневно стучали каблуки Викниксора за дверью.

Сайт им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

— Вот тебе и спектакль, — буркнул Японец, но больше никто не нашелся ничего сказать. Янкель сидел, опустив голову на руки, согнувшись и касаясь горячим лбом верхней доски парты. Лица его не было видно.

Стояли в уборной Янкель и Пантелеев. Янкель, воодушевившись, говорил горячо.

— Ты как хочешь, но я ухожу. Проживу у матки неделю, соберусь — и туда, на юг. Больше нечего ждать. Не хочу сидеть в пятом разряде.

— А как же? Витя? Отпустит? — осторожно вставил Ленька.

— А что Витя! Пойду к нему, поговорю. Он поймет. Дело за тобой. Говори прямо, останешься или тоже, как сговаривались?

Пантелеев молчал. Капала нудно и монотонно вода, от спертого воздуха чуть-чуть кружилась голова.

— Ну... Останешься или?..

Глаза Янкеля тревожно-вопросительно впились в окаменевшее лицо Пантелеева.

— Или...

— Едем!

Облегченный вздох невольно вырвался из груди.

— Ну, тогда по рукам.

Сламщики обменялись рукопожатием, заключая крепкий союз.

— Тогда... тогда... айда к Викниксору.

— Да, идем.

Шли, не слышали обычного шума, беготни, не видели ничего вокруг. Остановились передохнуть у дверей, невольно поглядели на сцену, снова оголенную, и Янкель скрипнул зубами.

— Сволочи. Это новички сперли, не иначе. Наши ребята неспособны теперь на это.

— Ну, ладно, идем.

Вошли в знакомый до мельчайших подробностей, примелькавшийся за долгое пребывание в школе кабинет и остановились перед заведующим.

— Вам что?

Янкель выступил вперед и заговорил твердым, решительным голосом.

— Виктор Николаевич. Мы хотим уйти из школы. Да... Потому что мы, как нам кажется, достаточно выросли, чтобы сидеть здесь.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Сперва Викниксор удивленно поднял брови, но чем больше говорил Янкель, тем все спокойнее становилось лицо заведующего.

А Янкель говорил много. Говорил и о возрасте, который не позволяет быть им дольше в школе, и о желании скорее вступить в жизнь, чтобы работать, и о том, что школа не может больше ничего дать им, выросшим уже настолько, что под мерку пяти разрядов никак не укладываются их натуры. Много говорил Янкель, горячо говорил. Когда он замолчал, Викниксор не пошевельнулся. Он сидел задумавшись, а на лице играла еле заметная тихая улыбка. Потом он встряхнулся, посмотрел на обоих воспитанников долгим, внимательным взглядом и кашлянул.

— Вы правы.

Янкель и Пантелеев вздрогнули от радостного предчувствия.

— Вы правы, — повторил Викниксор. — Сейчас я услышал то, что хотел через полгода сам сказать вам. А теперь, я вижу, что ошибся во времени. Вы выправились на полгода раньше. Вы правы. Школа приняла вас воришками, маленькими бродягами, теперь вы выросли, и я чувствую, что время, проведенное в школе, для вас не пропало даром. Уже давно я заключил, что вы достаточно сильны и достаточно переделаны, чтобы выступить в жизнь. Я знаю, что теперь-то из вас не получится паразитов, отбросов общества, и поэтому я спокойно говорю вам — я не держу вас. Я хотел через полгода сделать выпуск, первый выпуск, определить выпущенных на места, но вы уходите раньше. Однако, если вам будет трудно устроиться, приходите ко мне, и я постараюсь к тому времени достать вам хорошую работу. Вы стоите этого. А американские одеяла забудем. Юнкомцы приходили ко мне, просили за вас и обещали разыскать вора.

Об уходе сламщиков Шкида узнала только через два дня, когда Янкель и Пантелеев пришли со склада с выпускным бельем. Они оделись в новенькие костюмы, сапоги и пальто и теперь, получив документы, пришли попрощаться.

В классе был урок истории.

Дядя Саша, как всегда, притворно сердито покрикивал на воспитанников и читал очередную лекцию по повторному курсу истории с упором на экономику. Сламщики вошли в класс и остановились. Потом Янкель подошел к Сашкецу и тихо проговорил.

— До свидания, дядя Саша. Мы уходим. Может, когда еще встретимся, тогда докончим наши беседы о немецких фильмах.

Сашкец улыбнулся и встал. Ему хотелось сказать что-нибудь тоже хорошее, но, ничего не найдя, он пожал руку Янкелю и Пантелееву.

— Ладно, ребята. Встретимся. А вам пора начинать жить, так что желаю успехов.

Урок сорвали, но Сашкец не кричал, когда вышли всем классом провожать товарищей. Жалко было расставаться с ними. Вместе почти три года провели, вместе бузили и учились, и даже ссоры было приятно вспомнить. У дверей остановились.

— Ну, до свидания, — тихо бросил Японец, хлопая по плечам сламщиков.

— До свидания.

— Всего хорошего вам, ребята!

— Вспоминайте Шкиду!

— Не забудьте товарищей!

— Заходите!

Класс сбился в беспорядочную груду, все толкались, протискивались к уходившим, и каждый хотел что-нибудь сказать, чем-нибудь выразить свою дружбу.

Вышел дежурный и, лязгая ключом по скважине, стал открывать дверь.

— Ну, до свидания! — крикнул Янкель, улыбаясь.

— До свидания, юнкомцы, и не забудьте найти тех, что американские одеяла!

— Найдем, — дружно гаркнули вслед.

— Найдем, будьте спокойны!

Сламщики вышли. Хлопнула выходная дверь, брякнула раза три расшалившаяся цепочка, и, так же лязгая ключом по скважине, дежурный закрыл дверь.

«Ушли! — вслух подумал Японец и невольно вспомнил Цыгана, тоже ушедшего не так давно, но уже как-то сгладившегося в памяти. — Ушли и они, а потом и я уйду!»

— Дядя Саша, а ведь грустно все-таки, — сказал он, вглядываясь в морщинистое лицо халдея. Тот минуту подумал, потом тихо бросил:

— Пустяки, еще увидитесь. Так надо. Они пошли жить.

Собрание Г. Белинского http://book.kaic.ru/

«ПОСЛЕДНИЕ МОГИКАНЕ».

Марш дней. — Тройка фабзайцев. — Приходит весна. — Уходит Дзе. — Купец в защитной шинели. — Письмо от Цыгана. — Турне сламщиков. — Новое Цека и юные пионеры. — Еще два. — Последний абориген. — Даешь сырье.

Бежали дни... Не бежали: дни умеют бегать, когда надо, сейчас же они шли вымеренным маршем, шагали длинной, ровной вереницей, не обгоняя друг друга.

Как и в прошлом году, как и двести лет назад, пришел декабрь, окна подернулись узорчатой марлей инея, в классах и спальнях начали топить печи и заниматься стали по 10 часов в день...

Потом пришел январь. В ночь на первое января, по достаточно окрепшей традиции, пили клюквенный морс, заменявший шампанское, ели пирог с яблочной повидлой и говорили тосты. В первый день нового года устроили учет; как и в прошлом году, приезжала Лилина и другие гости из Губоно, Петропорта и Соцвоса, говорили речи и отмечали успехи, достигнутые школой за год. В четвертом отделении возмужалые уже шкидцы проходили курс последнего класса единой школы, готовились к выпуску. Верхи поредели. Не было уже Янкеля, Пантелеева и Цыгана. В январе ушли еще трое — Воробьев, Тихиков и Горбушка. Их, как не отличавшихся особенными способностями и тягой к умственным наукам, Викниксор определил в фабзавуч одной из питерских типографий. Жили они первое время в Шкиде, потом перебрались в общежитие.

В феврале никто не ушел.

Никто не ушел и в марте.

Март, как всегда, сменил апрель. В городских скверах зазеленели почки, запахло тополем и вербой, на улицах снег делался похожим на халву. В середине апреля четвертое отделение лишилось еще одного — Джапаридзе. Он, не дождавшись экзаменов и выпуска, ушел к матери, помогать семье. Викниксор отпустил его, найдя, что парень выравнялся, жить наверняка может и обществу вреда не принесет...

Уходили старые, приходили новые. Четвертый класс пополнялся слабо, младшие же чуть ли не каждый день встречали новичков с Мытненки, с лавры, из «нормальных» и с улицы, — беспризорных. Могикане уходили, оставляя традиции и давая место новому бытовому укладу.

В мае сдал зачет в военный ВУЗ Купец — Офенбах. Карьера военного, прельщавшая его еще в дни кадетского корпуса, снова соблазнила его. Он был счастлив, что сможет служить в Красной армии. Через две недели после ухода из Шкиды он явился, одетый в новенькую шинель с голубыми обшлагами и шлем-хакки, и заявил:

— В Комсомол записался... Кандидатом.

От бычьего лица его веяло радостью. После он часто наведывался в школу...

В мае же получили письмо от Громоносцева:

«Дорогие товарищи — Японец, Янкель, Пантелеев, Воробей, Кобчик и другие!

«Собрался, наконец, вам написать. Часто вспоминаю я вас и школу, но неправы вы будете, если подумаете, что я несчастлив. Я счастлив, товарищи, лучшего я не могу желать и глуп был, когда плакал тогда на вокзале и в вагоне. Викниксор хорошо сделал, что определил меня сюда. Передайте ему привет и мое восхищение перед его талантом предугадывать жизнь, находить пути для нас.

«Наверно вы удивлены, чем я счастлив, что хорошего я нашел здесь? Долго рассказывать, да и боюсь — не поймете вы ни черта, — не сумею я рассказать всего. Действительно, первые два месяца жизнь в техникуме доставляла мне мучения. Но мучиться долго не дали... Завалили работой. Чем ближе к весне, тем работы больше. Я увлекся и не заметил, как полюбил сельское хозяйство, крестьянскую жизнь.

«Я сам удивляюсь, когда есть время, что за такой срок мои взгляды переменились. Как я раньше ненавидел сельский труд, в такой же степени сейчас влюблен в веялки, молотилки, в племенных коров и в нашу миниатюрную метеорологическую станцию. Сейчас у нас идет посев, засеваем яровое. Я, как первокурсник, работаю не в поле, а в амбарах по разборке и рассортировке зерна. Эта, казалось бы, невеселая работа меня так увлекла, что и сказать не могу. Я уже чувствую, что люблю запах пшеничной пыли, удобренного поля, парного молока...

«Недавно я работал на сепараторе. Работа эта для меня ответственная и дали мне ее в первый раз. Я не справился, масло у меня получилось дурное. Я всю ночь проплакал, —

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urajc.ru/

не подумайте, что мне попало, — нет, просто так, я чувствовал себя несчастным, оттого что плохо успел в любимом деле.

«И еще чем я счастлив — это учоба. Я не думал, когда ехал сюда, что здесь, кроме ухода за «свиньями», занимаются чем-нибудь другим. Нет, здесь я, тем более зимой, могу заниматься общеобразовательными науками, вволю читать книги.

«Теперь, — главное, о чем я хотел бы вам сказать, — за 8 месяцев, что я пробыл в техникуме, я отвык воровать. Правда, меня не тянуло к этому в последнее время и в Шкиде, но там случай наталкивал, заставлял совершать незаконное. Сейчас же ничто не заставит меня украсть, я это чувствую и верю в безошибочность этого чувства...

«Я оглядываюсь назад. Четыре года тому назад я гопничал в Вяземской лавре, был стремщиком у хазушников. Тогда моей мечтой было сделаться хорошим вором, шифером или квартирником. Я не думал тогда, что идеал мой может измениться. А сейчас я не верю своему прошлому, не верю, что когда-то я попал по подозрению в мокром деле в лавру, а потом в Шкиду. Ей, Шкиде, я обязан своим настоящим и будущим.

«Я записался в Комсомол, уже состою действительным членом, протерпев полугодовой стаж кандидата. Уже выдвинулся, — назначен инструктором кружка физической культуры. Так что за будущее свое я не боюсь, — темного впереди ничего не видно...

«Однако о себе достаточно. Бессовестный и Бык тоже очень изменились внутренне и внешне. Бессовестный растолстел, — не узнаете, если увидите, — и Бык тоже растолстел, хотя казалось, что при его комплекции это уже невозможно. Здесь его зовут «Комолым Быком».

«Гужбана же в техникуме уже нет. У него оказались способности к механике и его перевели в Петроград, куда-то на завод или в профшколу — не знаю... Я рад, что он ушел. Он — единственный человек на свете, которого я искренне ненавижу.

«У нас в техникуме учатся не только парни, но и девушки. Я закрутил с одной очень хорошенькой и очень умной. Думаю, что выбрал себе «товарища жизни». Мечтаем (не смейтесь, ребята) служить на благо обществу, а в частности советской деревне, рука об руку.

«Пишу вам и не знаю, — все ли, с кем заочно говорю, еще в Шкиде. Пишите, как у вас? Что делаете? Что нового?

«Остаюсь старый шкидец, помнящий вас товарищ

Колька Цыган».

Тогда же получили письмо от Янкеля и Пантелеева. Они писали из Харькова, сообщали, что совершают поездку по южным губерниям корреспондентами какого-то кино-журнала. Письмо их было коротко, — открытка всего, — но от него веяло молодой свежестью и радостью.

В июне состоялся пленум Юнкома. В то время в Юнкоме уже числилось 30 членов. На пленуме выступил Японец.

— Товарищи, — сказал он, — я буду говорить от лица основателей нашей организации, от лица Центрального Комитета. В Комитете уже не хватает троих членов, остались лишь я да Ельховский. Скоро уйдем и мы. Ставлю предложение — переизбрать Цека.

Предложение приняли и избрали новый ЦК, переименовав его в бюро. Председателем бюро выбрали Старолинского — Голого Барина.

В начале июля в Шкиде с разрешения Губоно и Губкома Комсомола организовалось ядро юных пионеров, в которое на первых порах было принято всего 6 человек — наиболее окрепших из малышей...

В августе ушли из школы Кальмот и Саша Пыльников. Кальмот ушел к матери, Пыльников сдал экзамен в Педагогический Институт.

Последним уходил Японец.

Он пытался вместе с Сашкой попасть в Педагогический Институт, но не был принят за малый рост, недостаточно внушительный для звания халдея. Но в конце концов ушел и он. Нашел место заведующего клубом в одном из отделений милиции.

Так рассыпалось по разным местам четвертое отделение, бывшее при основании Шкиды первым. Старые, матерые шкидцы ушли, на их место пришли новые.

Машина всосала следующую партию сырья.

СО УНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ЭПИЛОГ.

Судьбы героев книги.

Со дня ухода последнего из первых прошло три года.

Не так давно мы, авторы этой книги Янкель и Пантелеев — были на вечере в одном из заводских клубов. Там шла какая-то современная пьеса. После последнего акта, когда зрители собирались уже расходиться, на авансцену вышел невысокого роста человек, с зачесанными назад волосами, в черной рабочей блузе, с красным значком на груди.

— Товарищи, — сказал он, — прошу остаться на местах. Предлагаю устроить диспут по спектаклю.

Сначала мы не обратили на человека в блузе внимания, услыхав же голос и взглянув, узнали Японца. После диспута пробрались за кулисы, отыскали его, — выросшего за три года не больше чем на полдюйма, но возмужавшего.

— Что ты здесь делаешь?

Встретив нас радостно, он долго не отвечал на вопрос, шмыгал носом, хлопал нас по плечам, потом сказал:

— Я помощник режиссера. Кончаю институт сценических искусств. А это — практика...

Кроме того, Японец служит завклубом в одном из отделений ленинградской милиции, ведет работу по культпросвету.

От Японца мы узнали и о судьбах Пыльникова и Финкельштейна. Саша Пыльников, некогда ненавидевший халдеев и все к халдеям относящееся, сейчас сам почти халдей. Кончает Педагогический Институт и уже практикуется в преподавательской работе.

Поэт Финкельштейн — Кобчик учится в Техникуме Речи, тоже на последнем курсе.

Купца мы встретили на улице. Он налетел на нас, — огромный, возмужалый до неузнаваемости, одетый в длинную серую шинель, в новенький синий шлем и сапоги со шпорами. На левом рукаве его красовались какие-то геометрические фигуры, — не то квадраты, не то ромбы. Он — уже краском.

На улице же встретили мы и Воробья. Он бежал маленьким воробышком по мостовой, обегая тротуар и прохожих, сжимая под мышкой портфель.

— Воробей! — окрикнули мы.

Он был рад видеть нас, но заявил, что очень спешит и, пообещав зайти, побежал. День спустя он зашел к нам и рассказал о себе и нескольких других шкидцах.

Работает он в типографии вместе с Кубышкой, Мамочкой, Горбушкой и Адмиралом. Все они комсомольцы и все активисты, сам же Воробей — секретарь коллектива. От Воробья же мы узнали о Голом Барине и Гужбане. Голенький работает на «Красном Треугольнике», Гужбан на «Большевике».

Совсем недавно в нашу комнату ввалился огромный человек в непромокаемом пальто и высоких охотничьих сапогах. Лицо его, достаточно обросшее щетиной усов и бороды, показалось нам знакомым.

— Цыган? — вскричали мы.

— Он самый, сволочи, — ответил человек и уже по построению фразы мы убедились, что перед нами действительно Цыган.

Он — агроном, приехал из совхоза, где работает в Петергофе, по командировке. Ночевать он остался у нас.

Вечером, перед сном мы сидели у открытого окна, говорили вполголоса, вспоминали Шкиду. Осенние сумерки, сырые и бледные, лезли в окно... В окно было видно, как на заднем дворе маленький парнишка гонял железный обруч, за забором слышалось пение «Буденого» и смех.

— А где теперь Бессовестный и Бык?

— Они еще в техникуме. В последнем классе..

— Изменились?

— Не узнàете!

Цыган минуту молчал, смотря на нас, потом улыбнулся.

— И вы изменились. Ой, как изменились. Тем более Янкель. На «Янкеля» уж совсем и не похож.

— А Ленька на Пантелеева похож?

Цыган засмеялся.

— Шкида хоть кого изменит.

Потом прикурил погасшую цыгарку махры, пустил синее облако за окно в густые уже сумерки...

— Помните? — сказал он и, наклонив голову, вполголоса запел:

Путь наш длинен и тяжел,
Много предстоит трудов,
Чтобы выйти в люди.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urak.ru/

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Первые дни 5

Основатели республики Шкид. — Воробышек в роли убийцы. — Сламщики. — Первые дни. — Верблюдыч.

Пионер из Александро-Невской лавры 11

Викниксор. — Бальзам от скуки. — Первый поэт республики. — Однокашник Блока. — Цыган в славе.

Янкель пришел 19

Кладбищенский рай. — Нат Пинкертон действует. — Гришка достукался. — Бородицыны деньги. — Советская лошадка. — Гришка в придачу к брюкам. — Янкель пришел.

Табак японский 26

Янкель дежурный. — Паломничество в кладовую. — Табак японский. — Спальня пирует. — Роковой обед. — Скидавай пальто. — Янкель живодер. — Око за око. — У Викниксора. — Гога-Азеф. — Смерть Янкелю. — Мокрая идиллия.

Маленький человек из-под Смольного 40

Маленький человек. — На Каноперский остров. — Шкида купается. — Гутен таг камераден. — Бисквит из Гамбурга. — Идея Викниксора. — Гимн республики Шкид.

Халдеи 48

Человек в котелке. — Исчезновение в бане. — Опера и оперетка. — Война до победного конца. — Кое-что о пессимисте со спичкой. — Безумство храбрых.

Власть народу 66

Вечер в Шкиде. — Тихие радости. — В погоне за крысой. — Танц-вальс. — Власть народу.

Великий ростовщик 73

Паучок. — Клуб со стульчаком. — Четыре сбоку, ваших нет. — Шкиды в рабстве. — Оппозиция. — Птички. — Савушкин дебош. — Смерть хлебному королю.

Стрельна трепещет 95

Май улыбнулся. — Переселение народов. — Косецкий фокусник. — На даче. — Солнечные ванны. — Все на одного. — Зеркало. — Стрельна трепещет. — Неудавшийся налет. — Летопись и разряды.

Собрание В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Стр.

Кауфман фон Офенбах 123

Шкиды на досуге. — Воспоминания бывшего кадета. — Николай второй и просвирка с маслом. — Кауфман — держиморда.

Пожар 129

Юбилейный банкет. — Уголок из буржуйки. — Живой покойник. — Руки вверх. — У дверной ручки. — Обгорелое детище. — Новое «Зеркало».

Ленька Пантелеев 139

Злосчастный замок. — В отделении. — Допрос. — Ночь в камере. — История с коньками. — Сережка сдрефил. — Марафетчики. — Фальшивомонетчик из Пепо. — Аукцион в Губоно. — В Шкид. — Ленька Пантелеев.

О шестой державе 154

60 на 60. — Скандал.—«Комар». — Лирика Горбушки. — Расцвет шестой державы. — Три редактора.

Дзе, Кальмот и К. 168

Георгий Джапаридзе. — Личное дело. — Михаил Королев. — [illegible]ок и балалайка. — Талон № 234. — Дзе и Кальмот. — Жвачный Адмирал. — Голый Барин.

Саша Пыльников 173

Косталмед действует. — На гимнастику! Живо! — Исцеление прокаженных. — Манна на печке. — Туфля. — Недотыкомка.

Улиганштадт 182

Улигания. — Географическое положение. — Политический строй. — Диктатор. — Гениальный. — Наркомбузы. — Мирная жизнь. — Война. — Колонии восстали. — Революция. — Амнистия.

Лотерея аллегри 192

Асси в классе. — Скука. — Карамзин. — Эврика — Идея Джапаридзе. — «Оне механизимус». — Довольно.

Даешь политграмоту 206

Комсомол. — «Даешь политграмоту». — Человек в крагах. — Богородица. — Конституция 1871 года. — Настоящий политграмщик.

Учет 212

Десять часов учебы. — Новогодний банкет. — Шампанское-морс. — Спичи и тосты. — Гулять.

Шкида влюбляется 220

Весна и математика. — Окно в мир. — Смотр. — Трагедия Кости. — Победитель Дзе. — Кокетка с подсолнухами. — Любовь и мыло. — Конец весне.

Крокодил 228

Племянник Айвазовского. — Крррокодил. — Карандаши. — Крыть. — Коварный Христос. — Плюс на минус. — Индульгенции.

Преступленье и наказанье 238

Весна на крыше. — Вандализм. — Генрих Гейне. — Засыпались. — На гопе. — Мефтахудин в роли сыщика. — Золотой зуб. — Маркс или сапоги?

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ur.ru/

Стр.

Юнком 251

Три тени. — Череп во тьме. — Заседание в подполье. — Блуждающий огонек. — Тревога Мефтахудина. — Облава. — Юнком. — Ищейки из ячейки. — Кто кого. — Зеленое кольцо.

Содом и Гоморра 262

Безвластие. — Ост-Инд кофе. — Сивер Долгорукий. — Первый налет. — Кутеж. — Босиком на форде. — Два юнкомца и Пирль Уайт. — Содом и Гоморра.

Первый выпуск: 272

В ветреную ночь. — Без плацкарты. — В Питере. — Эланлюм докладывает. — У прикрытого абажура. — Остракизм. — Нерадостный выпуск. — Снова колеса тарахтят.

Раскол в Цека 279

Кино-мечты. — Принципиальный вопрос. — Курительный конфликт. — «День». — Быть или не быть. — Раскол в Цека. — Борьба за массы.

Шкидкино 288

Кино-маниаки. — Осада Лос-Анжелоса. — Микроб залетает в шкид. — Трест Шкидкино. — Первый сеанс. — Коммерческий расчет. — Ликвидация фирмы.

Бумажная панама 293

Рыжий бык. — Бычья Биржа. — За идею на рынок. — Сарра Соломоновна. — Бумага и лимоны. — По листику в фонд. — Законы Российской империи. — Панама. — Караван невольников. — Червонцы сделаны.

Спектакль 298

Октябрь в Шкиде. — «Город в кольце». — Десять американских одеял. — Венки с могил. — Танц-класс. — Последняя репетиция. — Спектакль. — Шпионка в штанах. — Ужин.

Птенцы оперяются 307

Из отпуска. — 10 — 2-8. — Яшкель в беде. — Едем? — Разговор в кабинете. — Последнее прости. — Птенцы улетели.

Последние могикане: 312

Тройки фабзайцев. — Приходит весна. — Уходит Дзе. — Купец в защитной шинели. — Письмо от Цыгана. — Турнэ сламщиков. — Новое Цека и юные пионеры. — Еще два. — Последний абориген. — Даешь сырье.

Эпилог 316

Судьбы героев книги.

Собрание В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Переплет разбит
Нет
На 22 л. 29 июня

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Без переплета 2 руб. — р

В переплете 2 р. 50 к.